

Prix 8 Francs

№ 226 Novembre 1970

PÉRIODIQUE

ВОЗРОЖДЕНИЕ

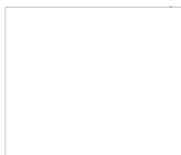
«LA RENAISSANCE»

НЕЗАВИСИМЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 226

НОЯБРЬ 1970 ГОДА



c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78 — L'Etang-la-Ville

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ВЫЙТИ ИЗ ТРЯСИНЫ. Редакционная статья.	5
А. РОВСКАЯ. Смерч. Отрывок из романа.	7
Иг. АВТАМОНОВ. Мумия. Рассказ.	37
Е. БЕЛОВ. Сиреневый остров.	48
Ирина АСТРАУ. Шарады.	55
Ю. КРУЗЕНШТЕРН-ПЕТЕРЕЦ. Рондо. Стихи.	63
Николай СТАНЮКОВИЧ. Стихи.	64
М. Н. ЭНДЕН. Граф С. Ю. Витте. Гл. III.	66
Г. К. ГИНС. Адмирал А. В. Колчак. (Окончание).	89
П. КОВАЛЕВСКИЙ. Три иконоборчества.	107
А. МИЩЕНКО. « Я учился у бабки Арины ».	110
Л. ДОМИНИК. Театр в октябре 1970 г.	116
Книги: С. О. С. А. Левицкий, Очерки по истории русской философской и общественной мысли.	132
И. И. БИЛИБИН. Связующее звено.	136
Кн. С. ОБОЛЕНСКИЙ. Оплот мира.	150

« LA RENAISSANCE »

ВОЗРОЖДЕНИЕ

**НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Под редакцией

Кн. С. С. ОБОЛЕНСКОГО и Я. Н. ГОРБОВА

№ 226

НОЯБРЬ 1970 ГОДА



c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78 — L'Etang-la-Ville

VOZROJDENIE

« LA RENAISSANCE »

REVUE LITTÉRAIRE ET POLITIQUE

Comité de rédaction :

PRINCE S. OBOLENSKY ET J. GORBOF

N^o 226

NOVEMBRE 1970

c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78 — L'Étang-la-Ville

Всю переписку просят временно направлять по адресу :

Mr. S. Obolensky. Chemin de la Côte-du-Moulin

78 — L'Etang-la-Ville

Статьи неприятые к напечатанию не возвращаются, и Редакция не вступает в переписку по их поводу.

Выйти из трясины

Снова празднование годовщины Октября — торжественные собрания, шествия, речи. Будто бы подводятся итоги достигнутого, будто бы возвещается грядущее. В действительности, все знают заранее, что итоги подтасовны и никто из «руководителей» партии и правительства» не скажет ничего нового, не даст ни малейшего намёка на выход из тупиков, в которые партийно-коммунистический режим уперся по всем направлениям через 53 года после Октябрьского переворота, в год исполнившегося столетия со дня рождения Ленина.

Строй, объявлявший себя самым передовым в мире, стал воплощением застоя, самой косной неподвижности. Его революционное прошлое превратилось в традицию, на которую власть продолжает ссылаться, и полстолетия оказалось достаточным, чтобы эту традицию исчерпать полностью, до конца. Она не открывает больше никаких путей в будущее и тем самым ставит Россию между двумя смертельными опасностями: задохнуться в маразме или подвергнуться новому разрушительному взрыву. А так как речь идет об одной из величайших стран мира, то и мировые последствия нависших над нею угроз могут быть только катастрофическими.

Необходимо обновление подлинное, творческое. Оно не может возникнуть из ничего. Творческая новизна всегда возникает на основе живой традиции. Живая традиция, в отличие от мертвой, всегда обновляет себя саму и, обновляясь, позволяет обновляться всему, к чему она прикасается. Вместо мертвой традиции Октября, в России и проявляется всё сильнее тяга к традициям более глубоким, заглушенным, заваленным в катастрофический период нашей истории, частью искажаемым теперь самой существующей властью, но оправдавшим столетиями свою жизненную силу. Этим намечается возможный выход. Внутри России, он затруднен преградами, которые партийный режим ставит свободному развитию творческой мысли: преградами физическими — партийной цензурой, оторванностью России от внешнего мира, слезкой, снова усилившейся и мешающей обмену мнений даже в узком кругу, — и преградами психологическими, еще оставшимися от многолетней пропагандной лжи.

То, что остается затрудненным в России, становится неотложной обязанностью тех русских, пребывание которых за границей только и может быть оправдано сохранением свободы мысли и слова. Наш долг — не ждать пассивно, чтоб в России выкристаллизовалось нечто еще неизвестное, но активно помогать этой необходимой кристаллизации, четко вы-

сказывая, что мы сами по совести считаем лучшим, предлагая нашему ищущему народу те решения, которые по нашему убеждению и желательны, и возможны, честно отмечая и то, что представляется нам несостоятельным или опасным в исканиях, происходящих на родине. Воздавая должное каждому жертвенному порыву к подлинной свободе, который проявляется там, мы не можем, однако, умалчивать о полной несостоятельности всяких надежд извлечь из марксизма-ленинизма предпосылки «более человеческого» строя, — предпосылки, которых в марксизме-ленинизме нет. Так же не можем мы мириться с тем, что радикальное отрицание существующего строя переходит в отрицание самой русской государственности, которая не только не ответственна за этот строй, но по существу прямо ему противоположна. Гниение этого строя, становящееся всё более очевидным, с новой остротой ставит вопрос о том, как его заменить, не разрушив при этом, но утвердив наше историческое бытие.

Как независимый русский журнал, «Возрождение», пока оно существует, обязано пользоваться своей независимостью и отозваться на вопрос, становящийся неотложным при развивающемся кризисе в СССР. Принципиальные установки, с давних пор нами защищаемые, нуждаются теперь в дальнейших, практических уточнениях. Постановке этой темы должны послужить статьи И. И. Билибина и кн. С. С. Оболенского, помещаемые в конце этого нашего выпуска. От принципиального утверждения основной традиции российской государственности они переходят к возможности ее действительного применения сегодня и завтра. Старый эмигрантский спор о «непредрешенчестве» во всяком случае оставлен позади самым ходом событий, и можно даже думать, что он вообще беспредметен по существу: «предрешить», конечно, никто не может ничего, но это не снимает гражданского долга, лежащего на каждом из нас, — выдвигать для нашей страны и защищать те решения, которые могут дать выход из современного тупика. Совершенно очевидно, даже практически, что эти решения не могут быть «навязаны», ясно также, что возможны разные решения российской проблемы. Но пришло время со всей необходимой серьезностью обсудить в российской общественности, «здешней» и «тамошней», что возможно и что было бы лучше всего.

После десятилетий партийной лжи, честная досказанность мысли, честность с самими собой и со своим народом теперь нужна более всего, чтобы помочь России выйти на прямой исторический путь, ее достойный.

«В»

Смерч

Отрывок из романа

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

30 сентября в обоих смежных домах братьев Вернеров готовились к именинам. В доме Ивана праздновалась София, — в доме Савелия — было три именинницы: Надюса, Вера и Надежда Федоровна. Не хватало Любочки. До сих пор не хотелось верить в ее трагическую, нелепую смерть. Отсутствовала и Надежда Федоровна, еще не вернувшаяся из Харькова. Савелий Николаевич поздравил жену по телефону и сообщил, что дела его задерживают в Волчьем Логове еще на несколько дней.

На кухне с самого утра началась суетня. Толстая Галя, красная от жары, месила тесто, пекла пышные именинные пироги. Хорошенькая горничная Фрося озабоченно металась, шурша разлетавшейся шелковой юбкой, между кухней, погребом, кладовкой и столовой. Мобилизации подвергся и кучер Василий: на его обязанности лежала поставка воды и дров, что он и делал не спеша, с видом оскорбленного величия. Добровольно вызвался помогать солдат из Конной Сотни Федя Чекун, равнодушный к Фросе. Он стоял во дворе, широко расставив ноги и наотмаш, по военному, рубил шашкой головы курам и уткам. Фрося, пробегавшая мимо уж что-то слишком часто, кокетливо (чтобы не замочить об траву) приподнимала юбку и дразнила Федю.

— Слышь, Федь. Ты б пушку приволок. Скорей дело пойдет.

Федя скалил белые зубы, казавшиеся еще более белыми от рыжеватого налета веснушек на лице: — Обойдусь без пушки. Я руку набиваю, чтоб р-р-раз — и Шуне голову с плеч.

— Гляди, чтоб тебе Кривощенко пасть пульей не запечатал, — не вынимая сигарки изо рта пробубнил Василий и гремя цепью, вытащил из колодца ведро с ледяной, бьющейся об края, водой.

— Мне? — вытаращил на него веселые глаза Федя, — ни в жисть. Я счастливый. Бабка рассказывала, я в сорочке родился.

— Чи в сорочке, чи только с пупком — пуля, она без глаз. Ей всё одно, — глубокомысленно изрек Василий и потащил полные ведра к дому.

.

Вечером, первым явился Евгений Матвеевич. Как всегда изнеженно-манерный, раздушенный, напомаженный с огромной коробкой конфет. По приказу Веры привести Митю Керна «живого или мертвого», его друг поручик Гассан, обрусевший татарин, превзошел самого себя. Он не только разыскал Митю, лежавшего в заоблочном состоянии под какой-то кроватью, но обдал его двумя ведрами холодной воды, передел, собственноручно побрил и приволок. Митя чувствовал еще некую нетвердость в ногах, но голова его прояснилась. Вера, с чарующей улыбкой, посадила Митю направо от себя, Евгения Матвеевича налево. Ее забавляла встреча двух соперников. Кокетничая, она старалась оказывать им одинаковое внимание. Надюса жалостливыми глазами смотрела на митино зеленовато-серое, осунувшееся лицо.

— Вы, кажется, совсем забыли музыку, Митя? Как жаль. Вы так чудно играете...

Вместо улыбки у Мити только дернулась одна щека.

— Играю, Надежда Владимировна. Играю... ва-банк!

Евгений Матвеевич встал, держа в руке, с оттопыренным по женски мизинцем, бокал вина.

«Предлагаю выпить за прекрасных имениниц».

Все стали чокаться, зазвенели стаканы. Евгений Матвеевич с снисходительной улыбочкой приблизил бокал к Митиному, но тот демонстративно отстранил свой и осушил залпом, даже не удостоив взглядом своего противника. Евгений Матвеевич, с высоко поднятыми бровями, с негодованием опустился на свое место. Вера шепнула Мите ласково:

— Мить-Мить, я вас прошу... Не задирайтесь. Будьте умницей сегодня... ради моих именин.

Незаметно для соседа слева она положила руку на рукав митиной гимнастерки и в ту же секунду с очаровательной усмешкой повернулась к Евгению Матвеевичу.

— Перестаньте дуться. Не обращайтесь внимания на мальчика. Лучше спойте нам чтонибудь.

— Я сегодня не в голосе, — ломался певец.

Вера умильно заглядывала ему в глаза.

— Вы не в голосе? Не поверю. Вы всегда в голосе.

Евгений Матвеевич начинал таять, негодующие брови опустились на обычное место.

— Петух тоже всегда в голосе, но его кукареканье никак нельзя назвать бель-канто, — громко сказал Митя. Евгений Матвеевич стал блее своей манишки. Он заерзал на стуле, гневная реплика готова была сорваться с его губ, но Надюса вмешалась.

— Господа, — сказала она своим мягким, певучим голо-

сом, обдавая всех теплом своего лучистого взгляда. — Сегодня день Веры, Надежды, Любви и Софии. Будем же ворить, надеяться и любить. И будем настолько мудры, чтобы не размечиваться на мелочи. Поставим в жизни одну определенную цель и будем к ней стремиться через все препятствия, через все трудности...

— Bravo! — закричал неистово Гассан. Кто-то зааплодировал. Мита, подойдя, к Надюсе, целовал поочередно ее руки и тянул, пьяно спотыкаясь на словах : — Ннна--ддеж-дааа Вла-вла-ди-ми-ров-на... Вы... ссса-мма-я за-ме-ме-ча-тель-на-я же-жен-щи-щи-на в ми-ре.

Вера силилась утихомирить взбешенного Евгения Матвеевича, который что-то лепетал о дуэли. В эту минуту вошел Борис Ордынский. Тоня благодарно пожала ему руку.

— Молодец, что пришел. Я пропадаю от скуки. Знаешь новость? Лева вчера уехал в Польшу.

— Сочувствую тебе, но ничем не могу помочь. Для тебя, он, кажется, незаменим...

После того как Борис поздоровался со всеми, Тоня повлекла его в смежную, маленькую гостиную. Сели на диван. Огня не зажигали. Свет желтым снопом падал из столовой на паркет к их ногам.

Разговор не клеился. Борис был не весел, не балагурил, как всегда.

— Что ты такой кислый сегодня?

— Жмут проклятые сапоги. Этот мошенник Мойша сделал их слишком узкими.

— Зачем же ты их надел?

— Надо изнашивать. Не выбросить же.

Разминая ноги, Борис вытянул их. Кожа щегольских, лаковых сапог блеснула в полосе света.

— Какой же ты франт, — улыбнулась Тоня и тоже вытянула свои стройные ножки, как бы предлагая Борису ими полюбоваться.

— Это только женщины готовы страдать, лишь бы их нога казалась поменьше.

Борис смотрел на тонкие, девичьи щиколотки, на легкие коричневые туфельки и вдруг быстро наклонился и начал целовать тонины колени, шепча сумасшедшим голосом : — Я влюблен в твои руки и ноги. Они возмутительно красивы. — Тоня испуганно отрывала от колен его горячую, пахнущую одеколоном голову : — Не смей... Ты с ума сошел.

— Да, ты... твоё тело сводит меня с ума... — Руки Бориса стали железными, охватили Тоню как клещами. — Оставь меня... Слышишь... Оставь сейчас же... — отбивалась Тоня, не

зная как вырваться из этих рук, как уйти от этого обжигающего дыхания. Ей сделалось тошно, она откинула назад голову и сказала с силой :

— Ты мне противен...

Руки Бориса разжались, упали. — Я не думал, что я тебе так неприятен.

Тоня сердито отодвинулась на другой край дивана. После молчания проговорила обиженным тоном :

— Ты забыл, что я люблю Леву.

— Прости... Это так... От тоски...

В голосе Тони удивление : — У тебя... Тоска? В первый раз слышу. Отчего?

— Сам не знаю... Почему-то тяжело на душе.

— А у тебя, оказывается, и душа есть?

— Оказывается, есть. — И после паузы : — сегодня еду в ночную разведку.

— А-а, теперь всё понятно. Трусишь?

— Нет... Но понимаешь, это в первый раз. И потом, если встретим бандитов — надо стрелять. А это страшно — стрелять в живого человека...

— Ты хоть умеешь стрелять? В гимназии ведь этому не учат.

— Будь спокойна. Без промаху попадаю в цель.

— За это хвалю. — Борис встал, снова разминая ноги. Посмотрел на часы.

— Уже скоро двенадцать... Через час ехать. Ну, я лучше пойду, чтобы не нагонять на тебя еще большей скуки.

Тоня проводила Бориса до передней. При свете маленькой керосиновой лампочки лицо Бориса казалось очень бледным, особенно красивым и поразило Тоню сходством с фотографией артиста Полонского, где он снят созерцающим череп. Та же горькая складка губ, та же волнистая прядь вдоль высокого, белого лба, те же печальные глаза.

— Ты больше не сердисься? — спросил Борис. Тоня отрицательно покачала головой. — Тогда... поцелуй меня на прощанье.

— Как друга?

— Хотя бы как друга.

Тоня дважды быстро поцеловала Бориса в губы. — На... возьми на счастье. — Она отколола от своих волос розовую астру и вдела ее в петлицу гимнастерки. — Орден за храбрость. Даю авансом. Не осрамись.

— Никак нет. Постараюсь оправдать доверье, ваша сиятельная красота.

Борис шутливо козырнул, по-военному круто повернул-

ся на каблуках, проскрипели под сапогами ступени деревянной лестницы, захлопнулась входная дверь. Наступила тишина. Стало невыносимо тоскливо. Тоня не вернулась в столовую. Ей не хотелось никого видеть. Было одно желание думать о Лева. В спальне она подошла к окну, отдернула портьеру. Тучи низко висли над землей, изнемогая от собственной тяжести. Вверху сплошная чернь — ни звезды, ни луча. Где-то далеко за этим хаосом Большая Медведица. Видит ли в эту минуту ее Лева? Думает ли он о Тоне? Их мысли не могут встретиться в эту ночь. Одинокий поезд мчится в холодном мраке, унося Лева, всё дальше, дальше... Впервые Тоня поняла слово «разлука». Поняла значение одиночества, одиночества среди людей, даже близких, родных. Не раздеваясь она упала на кровать, зарылась лицом в подушку. Слезы ее уже не были прежними детскими слезами, что легко начинались и быстро заканчивались. Теперь ей казалось, что глаза ее сделались неисчерпаемыми колодцами, глубокими, без дна. Эта боль — это и есть любовь? Настоящая большая любовь? Почему же любовь одним приносит радость, счастье, а ей только страданье, слезы? Или те люди, что пишут романы, лгут и в любви нет никакого счастья?... По паркету негромко зацокали коготки. Эрос вошел в комнату. Услышав человеческие всхлипывания, он заволновался, вскочил на кровать, тыкался холодным, мокрым носом, стараясь оторвать тонино лицо от подушки, тихонько повизгивал от сочувствия. Тоня, расстроганная, обхватила голову Эроса и крепко прижала к груди: — Эроська, дорогая моя собака, дружок мой верный. Только ты меня понимаешь, только ты мне сочувствуешь.

Эрос шершавым языком слизывал слезы с лица девушки. Так она и уснула держа в объятьях теплое тело собаки, похрапывавшей во сне от блаженства.

Борис направился к дому Ивана Вернера. Там пиршество продолжалось. Соня в нарядной, расшитой цветистым украинским узором блузке, расплескивая вино и возбужденно звонко смеясь, пила с Мишей Лагутиным на брудершафт. Кити, перебросив через плечо золотистую косу, машинально то заплетала, то расплетала ее и качая головкой, наивно мигая близорукими незабудковыми глазками, говорила Бобке, что-то рассказывавшему ей.

— А я не вегхю. Не вегхю. Ти говогишь не пхавду. Ти пхосто вгешь.

Слава и Лена, сидя рядом за столом, играли в «веревоч-

ку». Затеяли они эту пустую детскую игру только для того, чтобы их руки чаще касались одна другой. Каждый раз, когда их пальцы сближались, их обдавало горячей волной, краска прилиwała к щекам. Они боялись смотреть друг на друга, чтобы восторг их не был замечен чужим, насмешливым взглядом, но с губ их не сходила счастливая, блаженная улыбка. В соседней комнате кто-то брэнчал на пианино. Слышалось шарканье ног по паркету. Там танцевали.

Бориса встретили преувеличено бурными возгласами. — Садись сюда, — с грохотом отодвигая стул рядом с собою, закричал Миша.

— Пей... и цени мою щедрость! — он протянул Борису полный стакан водки.

— Я стаканами не пью, — отказался Борис.

— Какой же ты казак! Грош тебе цена. Учись! Вот как пьют порядочные люди! — Миша быстрым жестом поднес стакан ко рту, но в эту минуту Соня нарочно толкнула его и всё содержимое стакана расплескалось по скатерти.

— Вот как НЕ пьют порядочные люди, — захлебывалась от смеха шалуныя. — Эх, сколько добра зря пропало, — сокрушался Бобка, глядя на расплывающееся, мокрое пятно на столе. — Тебе, Сова, за это голову надо открутить. Последняя водка.

Но Соня не слушала упреков брата, прищурив черные, блестящие задором глаза она пригвоздила их к розовой астре.

— А это что за сувенир? — спросила она насмешливо и хотела вынуть цветок из петлицы гимнастерки, но Борис задержал ее маленькую смуглую руку.

— Не трогай. Это на счастье.

— От кого? — полюбопытствовала Кити.

— Ясно от кого, — авторитетно вмешался Бобка. — От того... кто дал.

Все засмеялись. Настроенье было такое, что готовы были смеяться от каждого пустяка. Лишь бы смеяться. Борис и тут почувствовал себя лишним, чуждым этому пустому веселью. Он сел перед стаканом вина, не принимая участия в общем разговоре. Соня тихонько, на ципочках подкралась к нему и сделав плаксиво-сочувственную рожицу, проговорила скороговоркой :

— Что не жрешь, мой друг ретивый,
Что ты шейку опустил,
Не потряхиваешь гривой,
И не пьешь как крокодил?

Снова раздался хохот. А Бобка, уже еле держась на ногах, потянулся к Борису с бутылкой вина. — Не дрефь, Барбарис. Умирать страшно только первые двадцать раз. Потом привыкнешь. Пей, до дна, тоска пройдет, — запел он фальшивым голосом.

— Заткнись, Бобка. Твой голос мне действует на нервы. Паскудный голос! Даже хуже, чем у Евгения Матвеевича, — прервал его Миша. — Хуже, чем у взбесившегося осла.

Взрыв хохота ударил в уши входящего Колюши. Он обвел строгими глазами молодую компанию, дольше задерживаясь взглядом на Мише и Бобке.

— Пьете? А я вас предупреждал...

— Какие ж именины без выпивона, — возразил Бобка заплетающимся языком.

— Перестань балаганить, — прикрикнул на брата Колюша. — Не на ярмарку едете... — и обращаясь к Славе: — Пора. Под твоим командованием поедет пять человек. Его — он кивнул головой в сторону Бобки — заменит Федор Чекун. А ты — приказал он брату — ступай на гауптвахту. На двое суток. Для потрезвления.

Миша, за спиной Колюши, взял со стола бутылку коньяку и спрятал в карман галифе. — Пригодится, — подмигнул он Борису Ордынскому.

.

Утром, взглянув на себя в зеркало, Тоня ужаснулась. Глаза подпухшие, нос красный. «Огородное чучело», — сказала она сама себе, высунув язык своему отражению. «Если б в таком виде меня увидел Лева, наверно никогда б не вернулся». Умывшись холодной водой, она с ожесточением пудрила нос рисовой пудрой. Надо было просмотреть сегодняшние уроки. Она взялась за учебники, но рука ее, вместо геометрической фигуры, рассеянно чертила один и тот же профиль, отдаленно похожий на профиль Левы.

Книги полетели в сторону. Ей захотелось сыграть эту Скрябина, который часто играл Лева. Пройдя в гостиную, она, нажав ногою левую педаль (в доме еще все спали), взяла первый аккорд. Полились тяжелые торжественные звуки. Они приобрели сейчас новую окраску, новую глубину, новое значение. Безысходная печаль их была созвучна душевному настроению девушки...

— Барышня, — задохнувшись на слове крикнула вбежавшая в комнату Фрося... — Беда... — Тоня оглянулась. Губы горничной дрожали.

— Те... что ночью... Порезал их Кривощенко. — Слезы брызнули из глаз Фроси. — Что? — вскочила Тоня. — Кто тебе сказал? — под ногами девушки пол поплыл, стал неверным как палуба в качку.

— Ващенко. На коне примчался. Пораненный...

Тоня выскочила из дому. Добежала до угла, ища глазами Ващенко. Заметила кучку встревоженных людей, смотрящих в ту сторону улицы, что переходила в поле. Среди толпы была Лена, непричесанная, в халатике, в туфлях на босу ногу, несмотря на пронизывающий холод. Она тоже вонзила острый сухой взгляд туда, куда смотрели все. Все молчали. Напряженно чего-то ждали. Издалека вдруг донесся топот быстро мчащихся лошадей. Приближаясь он становился всё отчетливее. В утреннем белесоватом тумане обозначилось темное пятно. Постепенно проясняясь, оно приняло форму всадника. Лена узнала богатырскую фигуру жениха.

— Слава! — вскрикнула она и этот вскрик был похож на сдерживаемое рыдание. Сзади Славы скакал Миша Лагутин. На рубашке, на правом плече расплылось темно-красное пятно. Оба были в одном белье, но, казалось, этого не замечали.

— Слава! — снова закричала Лена, бросаясь на середину улицы, чуть не под копыта лошадей. Слава рывком остановил коня. Конь храпел, тяжело раздувая широкие бока. Лена схватила рукой стремя, прижалась щекой к босой ступне жениха. — Ты жив... Ты жив...

Тоня всё еще смотрела вдаль. Ожидая, надеясь... Но там снова сгустился непроницаемой завесой голубоватый туман. Там была тишина.

Она перевела взгляд на Славу. Никогда она еще не видела таких глаз, они были совершенно белы, словно облик смерти в них отразившийся как в зеркале вобрал их окраску.

— А Борис? — замирая спросила она.

Слава с трудом разомкнул ссохшиеся губы.

— Погиб.

.

Дул резкий ветер. Он волочил по небу набухшие, промокшие насквозь тучи. Время от времени налетал дождь. Обрызгивал всадников мелким бисером капель. Холод пробирался под шинель. Борис вздрагивал как от прикосновения ледяных пальцев. В темноте было трудно различать дорогу. Но Ващенко отлично знал местность. По его указанию сворачивали то вправо, то влево и проехав верст 15 придержали коней. Затемнел небольшой лесок.

— Здесь. Слезай, — тихо скомандовал Слава. Все спешили. Ващенко остался при лошадях. Остальные направились в сторону села. Впереди, в сумраке забелели хаты. Пошли огородом, осторожно ступая по мокрым, опустевшим грядкам. Слава негромко постучал в одно из окон хаты, стоявшей на отлете, ближе к лесу.

— Чево там? — раздался не сразу сонный голос.

— Кокарда, — ответил паролем Слава.

Минуты через две, со скрипом приоткрылась дверь. Вошли в темные сени. — Проходите, — сказал кто-то не совсем довольным голосом.

Слава, Миша и Борис очутились в, так называемой, парадной половине хаты, обычно необитаемой. Мерцал огарок свечи. Два маленькие окошка были завешаны рьянами. В углу комнаты стояла огромная деревянная кровать со взбитыми перинами и множеством подушек, вздымавшихся почти до потолка. Из противоположного угла тускло поблескивали два образа в серебряных ризах, повитые украинскими расшитыми рушниками. Над кроватью висела увеличенная фотография солдата, с неестественно напряженным лицом, очевидно, хозяина хаты. Борис теперь мог рассмотреть и оригинал. Это был рослый мужик лет 45-ти, рыжебородый, благообразный, в армяке, наспех наброшенном прямо на грубого полотна рубашку, в посконных портках.

— Ну, как тут у вас? — садясь на лавку спросил Слава.

— Та... быдто тихо.

Слава вынул портсигар и закурил папиросу от огарка.

— Закуривайте, — протянул он портсигар мужику. Тот неловкими, заскорузлыми пальцами взял папиросу, покрутил ее, но не закурил.

— Кривощенко где? — затыгиваясь продолжал спрашивать Слава.

Мужик, держа папиросу в одной руке, другой поправил оплывающий огарок.

— Та... кажут, нібы в Урочище.

— Это далеко?

— Верстов с двадцать с гаком.

— А тут давно был?

— С самого лета не было.

— Мужики как?

— Та... сидять смирно.

— Коммунисты среди них есть?

— А хто их знае... Може и есть.

— Помогают Кривощенко?

— Есть такие что сочувствие имеют.

— Кто? Называй имена.

— Та може, к примеру, Трохим Довбня. Сини его Иван та Панько с лета подались до леса. А старый зуб на меня точит. Приглядаются.

— Не бойся. Зуб ему вырвем, — Слава растоптал окурок на земляном полу, — дантисты у нас заправские. Один Петрушка Драч чего стоит. Слыхал ты про него?

— Та чув. Много он тут делов надрочил...

— Ну, ладно. Завтра поговорим, — сказал Слава подымаясь и потянулся во весь свой богатырский рост. — Мы у тебя, Аким, заночуем. А завтра у Довбни обыск сделаем.

Мужик забеспокоился. Глаза его забегали. — Только не тута. Покорной милости прошю. Убьют меня, коли дознаются, что у меня с ночевкой были. Ось там за огородом Килинина клуны пустая стоит. Я вам кожухи дам. Сено там есть. Там и заночуете.

Слава зевнул. После выпивки у него трещала голова, чертовски хотелось спать. — Веди, — приказал он мужику.

На сухом пахучем сене разостлали грубые домотканые рядна, укрылись кожухами. Слава и Миша разделись до белья. Борис не решился. В случае тревоги он не успел бы натянуть быстро свои узкие сапоги. Приходилось помучиться в них еще и ночь. Миша, вытянув из кармана коньяк, предложил каждому отхлебнуть прямо из бутылки. Остаток отдали Феде, оставшемуся стоять на часах. Вскоре все заснули. Вздремнул и Федя, примостившись на бревне, под навесом клуни... Разбудили выстрелы. Сквозь щели струился серый рассвет. Слава и Миша, схватив наганы, выскочили из клуни. Со всех сторон летели пули. Бандиты окружали их. Вступать в бой было бессмысленно — бандитов было вдвое больше. Оставалось одно — пробиваться к лошадям.

— За мной! — крикнул Слава. До леса было метров 400. Слава и Миша бежали отстреливаясь на ходу. Борис отставал. Сапоги сдавливали его ноги, как тисками. Каждый шаг причинял невероятную боль. Обливаясь холодным потом, он хромал, спотыкался, изнемогая, задыхаясь. Ему казалось, что под ним не земля, а острия гвоздей. Рядом, пригнувшись, бежал Федя. Он давно мог перегнать Бориса, но не хотел оставить его одного. Только — кричал прерывающимся голосом: — Скорей, скорей, гонятся...

Над головами тоненько взвизгивали пули, шлепались об землю, впивались в стволы деревьев. Сзади уже слышался топот и улюлюканье мчащейся человеческой лавины. На секунду приостановившись, Федя разрядил наган в надвигающуюся темную массу. Крики усилились. Зацепившись за ко-

рень, Борис тяжело упал. Федя рывком поднял его: — Не ранен? — и ускоряя бег потащил его за собою. Но Борис высвободил руку. Рот его искривился страдальческой гримасой. — Не могу... Беги, Федя, сам. Мне не уйти.

Как в страшном бреду Борис видел приближающиеся разъяренные, перекошенные дикой ненавистью нечеловеческие лица. « Чудища из Вия » — пронеслось в мозгу. « Сейчас смерть, моя смерть. Еще секунда и всё будет кончено ». На миг мелькнула в сознании бледно-розовая полоска зари засиявшая между призрачно белых березок, где-то в страшном отдалении, как будто уже не в здешнем мире. Заря цвета подаренной астры... Он где-то потерял ее. Не всё ли равно теперь?... Если б не сапоги... До сознания еще долетел чей-то дикий вскрик, в тот же момент многопудовая, ревущая, дышащая смрадом тяжесть сбила с ног, навалилась, пригвоздила тысячами раскаленных молний к земле.

— Боже, — только успел прошептать Борис и весь мир рухнул в бездонную черную пустоту.

.

Кривощенко последним оторвался от безжизненного тела. На висках его вздулись лиловые жилы, чуб навис над вытаращенными, безумными глазами. Тяжело дыша он вытер руки и нож об траву. Земля вокруг была истоптана и окровавлена. Он поправил съехавшую на затылок матросскую безкозырку, оглянулся и вдруг заорал нечеловеческим голосом.

— Догоняй! Лови!

Перескакивая через обезглавленный труп Феди, бандиты кинулись вслед за Кривощенко.

— Погодь, Панько, — остановил брата Иван Довбня, — сапожки-то на ем ладные. Згодятся.

Братья наклонились над трупом Бориса. С трудом стянули сапоги с его еще теплых ног. Иван Довбня, быстро разувшись, стал натягивать сапог на свою, обмотанную грязной портянкой ступню.

— Не лезет. — Иван нехорошо выругался, — попробуй ты. — Што пробовать зря, — скривился Панько. — Известно, сапожки пански — ножки таракански. Нашему брату никчему.

— А ну их к теткиной маме, — рассвирепел Иван и несколько раз полоснув сапоги ножом забросил их в кусты.

— Айда, — братья пустились догонять банду.

Выстрелы стихли. В селе еще изредка взлаивали взбаламученные перестрелкой собаки. Где-то мирно замычала коро-

ва. Стал накрапывать дождь, будто стараясь смыть следы совершенного злодеяния.

.

Тоня потеряла сон. Как в детстве, она теперь не переносила темноты. Боялась оставаться одна. Она перекочевала в комнату Надюсы.

Никогда еще смерть не ощущалась так остро. Любочка, Катя — удар был несколько смягчен расстоянием, временем. Но Борис... Еще вчера, в маленькой гостиной он целовал Тоню, она подарила ему на счастье цветок. Теперь эти губы мертвы. Ни одного слова не сорвется с них. Улыбка не осветит молодое, красивое лицо. Слух не уловит звука его быстрых шагов... Зачем стремиться к какой-то цели? К чему ученье? Зачем одеваться, есть, играть на рояле, когда смерть подстерегает на каждом шагу? Пройдет какой-то отрезок времени, может быть годы, может быть месяцы, а может быть только несколько дней или даже часов и то, что было Тоней, тоже исчезнет, как будто ее никогда и не существовало. Пружинистые, эластичные мускулы, готовые сейчас послушно сделать любое движение, — застынут, оледенеют, грациозное тело, с атласной, нежной кожей, — распадется, превратится в отвратительную, зловонную жижу, где будут копошиться черви... Тоня в ужасе слетала с кровати, пряталась за спину сестры, как будто сестра могла защитить ее от неизбежного. Надюса просыпалась, по-матерински гладила горячие щеки девушки :

— Успокойся, Тоненькая. Спи...

— Почему, почему убили Бориса? Ведь он никого не убил и не хотел убивать? Почему именно он погиб, он, не сделавший никому зла? Где же справедливость? Зачем, зачем существует смерть?

Что можно было ответить на эти мучительные вопросы смятенной полудетской души? Такой же кризис пережила в юности сама Надюса, после смерти отца. Тогда она перестала молиться. Ей было до боли жаль сестры, жаль преждевременного крушения ее наивных иллюзий.

— Смерти, как мы ее понимаем, для природы не существует. Для нее смерть — процесс постоянного обновления. Но это обновление совершается за счет гибели существующей формы. Этому закону подвержены не только живые существа. Ты же знаешь — меняется рельеф земли, выветриваются, рушатся горы, высыхают реки, распыляются звезды, — говорила Надюса, вспоминая всё некогда прочитанное, но протест рос в душе молодой девушки.

— Кто утвердил такой жестокий закон? Бог? Значит Творец он же разрушитель? К чему же он тогда творит? Для собственной забавы? Как ребенок, что лепит фигурки из песка, а потом сам же со смехом топчет их ногами? Я не хочу быть такой песочной фигуркой. Я не хочу быть раздавленной. Мне наплевать на какой-то там процесс обновления. Я хочу жить. Быть тем, что я есть. И чтобы ты, мама, все, кого я люблю, жили всегда, всегда, всегда...

Отчаяние, ненависть, апокалиптический ужас наполняли душу девушки. Она готова была биться головой об стенку, слать кому-то проклятья, выть по волчьи... Надюса догадывалась, что происходит с сестрой, и знала, что никакие слова сейчас не нужны. Только ласка, только человеческое тепло. Она крепче обнимала вздрагивающие плечи сестры, теснее прижимала ее к своему телу...

В окно, не завешенное занавеской, светила своим единым чудовищным оком луна. Тоня устремила к ней свои тревожные, залитые слезами глаза, как будто там искала ответа, что мог успокоить ее разбушевавшиеся чувства. Но луна была так же холодна и безучастна, как в ту ночь, накануне бегства Любочки на фронт. Тихая, светлая высь расплывалась в безмерную бесконечность, и в этой бесконечности тонули, таинственно мерцая, далекие, неведомые миры. Торжественным покоем веяло от беспредельного простора, смертельным холодом от его ледяной глубины. Тоня внезапно почувствовала свое ничтожество, свое бессилье, нелепость своего детского протеста и свою обреченность. Никто ничего не услышит. То, что до сих пор ею понималось под словом Бог, — свое, родное, домашнее, милое, с Кем можно было побеседовать по душам, доверить свои просьбы, огорченья, радости, — тот Бог исчез безвозвратно, новый Бог, рожденный ее сознанием, был вне человеческого разумения. Непостижимый, недостижимый, глухой, слепой и немой.... Опустошенная, она закрыла ладонями глаза, не в силах более вынести ослепительного блеска, победно низвергающегося с небесной высоты.

« О, как бы было хорошо родиться цветком. Ни о чем не думать, ничего не знать. Цветок умирает смиренно, молча и смерть его трогательно красива ».

.

Хоронили Бориса и Федю через неделю. Церковь была переполнена близкими и чужими. В узкие окна проникал не греющий солнечный свет. С ним боролись теплые подслеповатые огоньки свечей. Пахло ладаном, горечью последних осен-

них цветов и смертью. Два гроба стояли на возвышении посреди церкви, покрытые кисейными покрывками. « Со святыми упокой » — неслось скорбное рыдание хора. Лиловатый дымок от паникадила кудрявыми извивами поднимался к куполу. Тоня стояла сзади всех, у выхода. Она не могла заставить себя войти вглубь церкви. Тлетворный запах, несшийся из под кисеи, вызывал тошноту. Говорили, что лица мертвых уже стали неузнаваемы. « Прости меня, Борис. Я не могу подойти попрощаться с тобой », — вместо молитвы, шептала Тоня. Но когда засыпали могилу и все разошлись, она опустилась на колени перед холмиком влажной, пахнущей осенней сыростью земли и прикоснулась розовыми губами к тому месту, где в глубине покоилась голова мертвого.

.

Дня через три после похорон Бориса, влетела Розочка, жена аптекаря.

Живые, черные глазки ее рассыпали искры. Остренький нос вспотел от быстрого бега. — Слыхали новость? — закричала она еще с порога. — Витницкий вовсе не за границей. Он сидит себе преспокойно в доме умалишенных. Вы видите, Надежда Владимировна, я вам правду говорила, что он совершенно сумасшедший. А вы не верили!

Розочка рухнула всем своим тяжелым телом на диван. Объемистая, грузная грудь ее ходуном ходила от ускоренного дыхания. Надюса ничего не отвечала.

— И знаете, отчего он сошел с ума, этот потомственный аристократ, эта святая личность? От прогрессивного паралича! Я давно догадывалась. Хотя мой Евсей Абрамович никогда мне ничего не говорил. Вы же знаете, какой он неисправимый молчальник. Скорее можно трижды разломать и трижды построить три египетские пирамиды, чем вытащить из него одно слово. Прогрессивный паралич! Вы понимаете, что это за темная история? Это только вы, дорогая Надежда Владимировна, молились на него, как на расписную икону, а он был самый обыкновенный развратник-сифилитик. Подцепил неприличную болезнь, шатаясь по неприличным ресторанам, а перед вами разыгрывал благородного предводителя дворянства, какую-то неприступную крепость. И как вы могли его любить!

— Замолчите, Розалия Александровна, вы не смеее так отзываться об Арсении Павловиче, — вдруг резко оборвала ее Надюса. Розочка опешила. Никогда еще Надюса, мягкая, сдержанная, не говорила с ней таким тоном.

— Я же от всего сердца... Я думала, так лучше для вас...

узнать всю правду... — пробормотала Розочка. — Я не могу видеть, как вы из-за него страдаете всю жизнь...

Надюса, не слушая ее, поспешно вышла из комнаты. Розочка в недоумении развела руками, посидела еще несколько минут, потом отправилась на поиски Веры. Новость распира- ла ее, она должна была ее кому-то выложить, выговориться до конца. Она нашла Веру в спальне, за туалетным столиком. Вера черным карандашом удлиняла брови. Не оборачиваясь, она увидела в зеркале знакомый силуэт.

— Розочка, каким ветром вас занесло в такую рань?

— Не ветром, я вам говорю, — ураганом. И какая же это рань? Уже целых 10 часов. Из-за такой новости я бы и ночью прибежала.

— Какая новость? — не отрываясь от зеркала спросила Вера, — надеюсь, хорошая.

— Крупная новость. Этот малахольный Витницкий на- конец уселся навсегда в сумасшедшем доме. И это еще не всё. Теперь стало известно какой хорошенькой болезнью он бо- лен...

— Я это знала раньше, — проговорила Вера.

— Знали и молчали? — расширила глаза Розочка, — и не вывели на чистую воду этого обольстительного адвоката, не открыли глаза страдающей Надежде Владимировне?

— Зачем причинять лишнюю боль? Наде и так тяжело...

— Ах. Что вы говорите... — спохватилась Розочка, — я об этом не подумала. Я, глупая дура, всё ей выложила как на тарелку.

— Вы сделали ошибку, Розочка.

Вера отложила карандаш и вынула из коробочки пушок. В комнате нежно запахло дорогой пудрой.

— Но что же теперь делать? Ах, ах, ах... — сокрушалась Розочка. — Не могу же я теперь бежать к Надежде Владими- ровне и уверять, что Витницкий совсем не сумасшедший и что он болен какой-то детской скарлатиной?

Полное лицо Розочки выражало искреннее горе и расте- рянность.

— Я же хотела, как лучше. Я видеть не могла без сердце- биения, как она губит свою прекрасную молодость из за это- го полоумного дворянина. Такая красавица. Она за принца мо- гла бы выйти замуж. Или за Зинченко. Такой интересный, крупный мужчина, хотя и не блещет дворянскими признака- ми. Если бы не дети и не мой Евсей Абрамович, я бы сама в него влюбилась с удовольствием. И как этот Зинченко ее обо- жал! Смотреть было страшно. У него от страстной любви де- лались такие бешенные глаза. Вы помните? Ах, я так люблю

Надежду Владимировну. Это совсем особенный человек. И вот... я...

Розочка всхлипнула и стала вытирать платочком повлажневшие глаза.

— Ничего, Розочка. Не волнуйтесь. Какнибудь уладится. Всё равно рано или поздно сестра об этом узнала бы...

Вера раскрыла шкаф и внимательно стала выбирать соответствующее платье. Сегодня должен был притти с визитом Герберт Рунге, лейтенант немецкой армии, и она хотела быть во всеоружии своей красоты.

С Гербертом Рунге сестры познакомились месяц тому назад. Он всегда подтянут, отлично выбрит, хорошо воспитан. Черты лица тевтонские — волевые, строгие, худощаво-мужественные, словно выбитые на медали. Только ямочка на подбородке нарушает стиль, придавая неожиданную мягкость. Он деловит, практичен и в то же время сентиментален, как почти все немцы. Любит музыку и даже не плохо играет на пианино. Конечно, ему далеко до Мити Керна, но с ним приятно играть в четыре руки. Он никогда не сделает ни малейшей ошибки, не собьется с темпа. К сожалению, он не знает французского языка, на котором говорят все в доме. Немецким хорошо владеет только Надежда Федоровна, довольно сносно Надюса, Тоня только его изучает в гимназии. Вера объясняется с Рунге больше жестами, взглядами, улыбками. Вначале казалось, что он всецело подпал под ее чары. Но чем больше Рунге узнавал Надюсу, тем больше начинал отдавать предпочтение ей. Вера была задета, как говорится, «за живое». Самолюбие не хотело признать «поражения». Флирт для нее был нечто вроде азартной игры. Она удвоила кокетство, еще больше времени проводила перед зеркалом, с большой тщательностью выбирала туалеты. Рунге, отдавая должное ее красоте, оставался верен своему выбору. Его привлекала именно простота, естественность, природная женственность Надюсы, угадывал он в ней и другие качества. В 36 лет, впервые, он стал задумываться о женитьбе. Надюса, ценя в Герберте Рунге его цельный, решительный характер, не знающий компромисов, его преданность, его деликатную нежность по отношению к ней, ничего кроме дружеского расположения к нему не чувствовала. Герберт, отлично это понимая, однако, не считал это препятствием к осуществлению намеченной цели. Он думал, что время, в данном случае, будет его верным союзником. Союзниками были и дети — Вадим и Марк привязались к Герберту с первых же дней. Видно было, что он, вообще, очень любит детей и дети это чувствовали. Он стал для них старшим товарищем в играх. Герберт умел не только забавлять детво-

ру, но и сам искренне забавляться с ними. Не зная языка, они прекрасно понимали друг друга.

.

Рунге пришел, конечно, с точностью до одной минуты. Детвора с радостными криками тотчас атаковала его. Старший, Вадим, повис у него на шее, маленький Марк смог только обхватить ручонками его ногу. Герберт поднял его высоко в воздух: «Последние да будут первыми», сказал он по-немецки. Марк захлебывался смехом от счастья, Вадим стал орать «И меня, и меня». Как всегда, поднялся гвалт, прибежали Юрик и Риночка, дети Веры. Началась общая возня. Вскоре вышла Надюса. Только очень внимательный взгляд мог заметить на ее лице следы от пережитого ею в это утро. Она была бледнее обыкновенного, чуть строже была ее улыбка.

Герберт, здороваясь, задержал обе ее руки и всматриваясь в глаза, спросил ласково:

— Почему у восточной королевы сегодня такие печальные глаза?

Надюса легонько высвободила свои руки. — Она похоронила свою невозможную мечту. У Герберта хватило такта больше ни о чем не расспрашивать. Надюса была ему благодарна за это. Появление Веры было очень кстати в эту минуту. Она вошла ослепительно красивая, благосклонно-милостивая, благоухающая, в комнате сразу будто посветлело, всё стало наряднее, радостнее, веселее. Рунге, комически хватаясь за голову, воскликнул восторженно:

— О, мейн Готт. Это слишком прекрасно для моих бедных глаз, для моей бедной головы. В ней всё мутится.

И после традиционного поцелуя руки добавил в том же шутливом тоне:

— Почему русский царь не догадался послать на войну русских женщин? Сраженные их нежным взглядом, немцы сложили бы к их ногам оружие в первой же битве. К счастью, эта мысль не пришла ему в голову.

Вера попросила Надюсу перевести слова Герберта и через нее же ему ответила.

— Никто не знал, что у немцев ахиллесова пята — их же-нолюбивое сердце.

Вера и Рунге уселись за пианино. Сегодня они выбрали увертюру из «Тристана и Изольды». Тоня очень любила Вагнера. Улышав первые аккорды, она тихонько вошла в комнату и села рядом с Надей. Настроение девушки было попреж-

нему подавленное. Смерть страшная, неожиданная Бориса словно оглушила ее. Отравила всю жизнь. Тоне казалось, что между прежней и теперешней жизнью прошло столетие. Не могла развеять тяжести и открытка от Левы. Только не минуту потеплело на сердце от фразы: « Чем больше отдаляюсь от тебя — тем больше думаю о тебе... »

За чаем Герберт разоткровенничался. В немецких войсках продолжает расти брожение. По всему видно, что рано или поздно им придется оставить Украину. После отречения Вильгельма в Германии своих дел достаточно.

— Но если немцы уйдут, большевики сейчас же ринутся сюда, — с помощью Надюсы обратилась Вера к Герберту.

— Безусловно. И я думаю, вам тут оставаться нельзя.

Вера была встревожена, но Надюса ответила: — Мне это безразлично. Если бы не дети, я бы об этом вообще не думала...

Герберту не понравились ее слова и он начал ее по отечески журить.

— Вы не только мать. Вы сами еще молоды и не должны относиться безразлично к вашей судьбе. Вы имеете право на счастье и можете подарить счастье другим.

— Я — фаталистка, — возразила Надюса. — Чему быть, того не миновать, или, если хотите, я приведу вам вторую русскую поговорку — от судьбы не ускачешь и на самом быстром коне.

— А я вам отвечу другой поговоркой, — человек кузнец своего счастья.

— Если у него не выбит из рук молот, — грустно улыбнулась Надюса.

— Господин Рунге, вы верите в Бога? — вдруг спросила Тоня.

На лице Рунге отразилось удивление. — Да, конечно. Почему вы спрашиваете об этом, фрейлейн Тоня?

— Бог... Кто Он, по-вашему? — продолжала Тоня.

— Как кто? Бог есть Бог. Разве вас не учат в школе и в церкви...

Тоня перебила: — И вы верите, что существует рай, ад и загробная жизнь?

Рунге в недоумении пожал плечами. — Если я ношу на груди крест, значит, я принимаю всё то, что говорит Евангелие.

Тоня вздохнула. — Какой вы счастливый!

Рунге с сожалением посмотрел на Тонию. — В вашем возрасте такие вопросы вызывают удивление. Вы, наверно, слишком рано начали читать неподходящие книги? Когда я был

студентом, я тоже прочел не мало книг, которые могли принести большой вред молодому человеку с неустойчивыми взглядами. К счастью, они на меня подействовали в обратную сторону. Я, например, сразу понял, что Нитцше опасный сумасброд. Отрицать Бога, религию, церковь, государственную власть, всякую мораль — может только ненормальный человек. Кстати, он и кончил безумием.

— Я с вами не согласна, — сказала Надюса. — Нитцше — гениальный провидец. Он предчувствовал будущее. Предчувствовал новый тип человека. Он сам говорил, что его смогут понять только впоследствии, после войны. Русские теперь начали его понимать. Посмотрите, что делается вокруг — рушатся все прежние моральные основы. Большевики словно восприняли идеи Нитцше..

— Русский народ — народ неуравновешенный. Только в России возможны такие крайности. В Германии ничего подобного никогда не будет.

В этот вечер расшалившихся детей никак нельзя было заставить итти спать. Только, когда Герберт заявил, что он пойдет вместе с ними и сам уложит их в постель, они с восторгом приняли его предложение. Надя с умилением и болью в сердце смотрела, как Герберт снимал с малышей костюмчики, как целовал подставленные ему розовые, пухлые щечки, с какой жадностью дети впитывали в себя доброту и ласку, исходящую от Герберта, и думала, как им не хватает отцовской заботы. Герберт словно понял ее мысль.

— Мы сейчас словно муж и жена и это наши дети... — сказал он мечтательно. Надя ничего не ответила. Дети наконец уgomонились и заснули, только тогда Герберт тихонько высвободил маленькую ручку Марка, доверчиво лежавшую в его широкой ладони.

— Вашим детям необходим любящий, заботливый человек, который заменил бы им отца. Вам тоже нужна сильная мужская рука, на которую вы могли бы с уверенностью опереться. Я бы хотел знать ваше мнение — не подхожу ли я к этой роли?

Надюса ответила откровенно. — Лучшего отца для моих детей я бы не желала. Но... но для брака этого недостаточно.

Герберт не был обескуражен ее ответом. — Если вы оцените меня, как друга, это уже очень много. Я постараюсь заслужить если не вашу любовь, то ваше полное доверие. Во мне вы найдете друга преданного вам до конца своих дней, я терпелив и могу ждать долго. Вас я только попрошу серьезно подумать о том, что я вам сегодня сказал.

.

После этого разговора Рунге, не спрашивая надиноного согласия, взял опеку над ней и детьми. Прежде всего он посоветовал поселиться отдельно от Веры. У Веры в доме было тесновато, тем более, что еще вернулась из Харькова Надежда Федоровна. Он сам подыскал подходящее помещение, повел Надюсу его осмотреть. Небольшой флигель в четыре комнаты, с садом, оказался уютен и удобен. Надюса дала свое согласие на переезд. Когда она хотела дать задаток, оказалось, что Рунге уже заплатил за два месяца вперед. Из-за этого она чуть с ним серьезно не поссорилась. В денежных делах Надюса была очень щепетильна. Кроме того она не хотела себя чувствовать чем-то обязанной Рунге. Но Рунге проявил себя большим дипломатом. Надюса и не заметила, как вскоре она уже не могла обойтись без его советов и без его услуг. Он стал незаменим и все, — Надежда Федоровна, дети, Тоня привыкли к его постоянному присутствию в доме. Надежда Федоровна была к нему весьма расположена, он сумел найти ход к ее сердцу. В лице Рунге она видела своего будущего зятя и считала, что это был бы лучший из зятей. Он вникал в интересы каждого и заражал своей энергией, бодростью телесной и духовной. Переехав в новое помещение, Надюса забрала с собой и мать, и Тоню. Рунге посоветовал предоставить муттерхен лучшую комнату, что очень тронуло Надежду Федоровну. Она, уже считая его своим человеком, тайком от Надюсы принимала от него «подношения», выражавшиеся в огромных корзинах, наполненных различными продуктами. Материальное положение семьи было трудным. Из имения не поступало никаких сумм, управляющий, боясь расправы, оттуда тоже уехал. Надюса проживала последние деньги и помощь со стороны Рунге была очень кстати. Появление продуктов Надежда Федоровна объясняла всякими фантастическими версиями. Доверчивая Надюса ничего не подозревала. Вообще, по своему характеру, она всегда была далека от реальной, практической жизни и раньше никогда не задумывалась над «бранными» вопросами. Обмануть в этом отношении ее было не трудно. В ней росло чувство благодарности к Рунге. Никогда еще после смерти мужа она не чувствовала себя так спокойно, несмотря на тревожность общего положения.

.

Вера, собираясь итти в город к портнихе, кинула последний взгляд в зеркало. Черное, каракулевое манто выгодно оттеняло матовый цвет ее кожи. Она полюбовалась стройностью своей фигуры, горделиво приподняв красивую голову. В это

время кто-то позвонил у парадного крыльца. Подумала с досадой: «Вот не во-время. Опять помешают...». Слышала, как Фрося открыла двери, с кем-то говорила. Ей показалось, что она узнала голос управляющего Сахарным Заводом. Думая, что он привез ей письмо от мужа, вышла в переднюю. Она заметила испуганный взгляд Фроси. Вид управляющего Ивана Ивановича ее поразил. Одежда смята, волосы спутаны, но главное было — его лицо. Будто он сразу сделался стариком. Вера изумленно смотрела на него и предчувствие чего-то непоправимого, ужасного обдало холодом ее сердце.

— Савелия... Николаевича... убь-били, — заплетающимся языком произнес управляющий. — Я... еле... спасся...

Вера онемела. Всё тело ее сделалось внезапно пустым, невесомым. Только сердце билось тяжелыми, редкими ударами. Слова управляющего долетали будто из другого мира. Страшного, дикого, невысказанного.

— Вчера к вечеру... банда... Шуни... Я кричу — спасайтесь... А он... револьвер вынул... «Я их встречу... мерзавцев. Трусливы, как зайцы...» Ранил одного бандита... Их было много... Смяли, вырвали револьвер. Били. Раздели до гола. С хохотом... во двор. Беги... Побежал. Застрелили, как зайца. Завод... разгромлен. Я скрылся. Тело.. лежит на выгоне, в поле.

За спиной всхлипывала Фрося. Вера как мертвая. Ни слезы, ни стоны. Взор неподвижен и перед ним — словно четкая фотография: скорченный, замерзший труп Савелия. Голый. Родинка на правом бедре... Убили, как зайца...

.

Вера замкнулась в своем горе. Ни с кем не говорила, ничем не интересовалась. Сознание ее было сосредоточено на одной мысли. Она знала, что не может жить, не может смотреть в глаза своим детям, пока тело их отца выставлено на поругание. Дошли слухи, что бандиты, под страхом расправы, запретили хоронить убитого. Бродячие собаки и свиньи уже отъели часть лица. На Веру было жутко смотреть. Черты обострились, окаменели, только в зеленых глазах появился новый, нестерпимый, горящий раскольничьим фанатизмом свет. С такими глазами фанатики некогда сами себя сжигали на кострах. Происшедшая с Верой внезапная перемена тревожила близких. То, что она перестала интересоваться своей внешностью, не подходила к зеркалу, не притрагивалась ни к пудре, ни к духам, было понятно, хотя и невероятно для Веры, но то, что для нее словно перестали существовать все окружающие и даже дети — вызывало опасение. Боялись, чтобы она не сде-

лала так, как Любочка. Надежда Федоровна перебралась обратно к Вере и тайком следила за каждым ее жестом. Но не прошло и недели, как Вера, никому не сказав ни слова, исчезла из дому. Кучер Василий только мог объяснить, что барыня в пять часов утра приказала заложить пару коней, положить в повозку побольше сена, мешок овса и одетая в черную черкеску, шаровары и папаху, которые она, обыкновенно, одевала для верховой езды, уехала одна неизвестно куда.

.

Копыта лошадей гулко стучали по подмерзшей земле. Проезжая пустынными полями, углубляясь в чащу покрытых инеем лесов, Вера не думала, что было бы с ней, если бы ей встретилась одна из банд, которыми кишела местность. Она не чувствовала страха. Эта дорога ее крестный путь. Она должна выполнить свой вдовый долг — вывезти тело мужа и похоронить по христиански. Она не хотела просить ничьей помощи, никто кроме нее не должен был рисковать. Не посчитала нужным, чтобы Колюша сопровождал ее с отрядом. Она должна выполнить свой обет сама. Искупить вину перед мертвым. Она вспоминала свою жизнь с Савелием Николаевичем, его безграничную привязанность к ней, к семье, страдания ему причиненные ее вечными флиртами, легкомыслием, кокетством, изменами, непомерными тратами, жестокие слова, которые она бросала ему в лицо, небрежность, с которой к нему относилась, и только теперь она поняла, как сильно надо было любить, чтобы всё это ей прощать. И прощал он только ей. С другими часто бывал несправедлив, даже жесток. Она вспомнила: как-то вечером она с Савелием возвращались из Н... в имение. Воздух был душный, грозовой. Вдали молнии полосовали небо. Спешили доехать до дождя. Савелий гнал лошадь. Узкая дорога вилась среди стен спелой ржи, почти в рост человека. От них веяло горячим духом, как от только что выпеченных хлебов. Целый день немилосердно палило солнце, земля, казалось, изнемогла от жажды. Впереди, на дороге, затемнел воз, нагруженный сухим сеном. Несмотря на то, что они ехали в легком кабриолете и им легче было свернуть и объехать тяжелый воз, Савелий крикнул:

— Эй, сворачивай в сторону!

Воз продолжал медленно двигаться по той же линии. Вероятно, мужик задремал, лежа на сене. Губы Савелия сжались, желваки вздулись на его щеках, он быстро соскочил, подбежал к возу.

— Сворачивай, падаль! — кнут со свистом взлетел и опу-

стился на плечи проснувшегося мужика. Испуганный тот слетел с воза, подобострастно скинул перед помещиком худую шапченку. Засуетился, задергал вожжами, с трудом сворачивая воз с дороги прямо в густые ржаные дебри. — Но, но, ледаща... — Кабриолет быстро проехал мимо. Вера поморщилась и сказала мужу: «Зачем ты его ударил? Он ведь спал». — «Разбаловались, диаволы. Их надо учить...» Быть может, этот самый мужик теперь его убил. Застрелил, как зайца...

Часа через три пути показались заводские постройки. Самое село Волчье Логово раскинулось в ложбине, версты за три. Вера подъехала к главному зданию. Окна и двери были выбиты. Весь двор был завален щебнем, стеклом, разломанными ящиками, кучами рафинада, смешанного с землею. Несколько баб и мужиков собирали грязный сахар в мешки. Вера подошла к ним. Люди оступело уставились на нее, даже забыв ответить на ее приветствие, так поразило их ее появление.

— Где лежит тело моего мужа? Ктонибудь из вас может мне показать?

У баб испуганно округлились глаза. Мужики молчали. Вера пристально посмотрела на одного мужика постарше, лицо которого ей показалось знакомым, и обратилась к нему. — Вы проведете? — Мужик вдруг скинул шапку, переглянулся со своим соседом, словно ища его ободрения, и сказал не совсем уверенно:

— Провести, конечно, можно. Только не велено с места покойника двигать.

— Кто мог сказать такую чушь? Мертвых хоронят по людски, а не кидают на свалку, — строго сказала Вера.

— Так-то оно так... — вмешался второй мужик, избегая вериного взгляда. — Только хоронить никто не возьмется.

— Хоронить я буду сама. Я — вдова и это мой долг.

— Ах, ясочка моя, — вздохнула худая баба в темном платке, — и я вдова. Третий годок вдовая. То-то узнала лиха без мужика. Троечка сирот на моих руках... И ты без мужика наплачешься. Вдовья доля одна... А что, крещеные, не стыдно вам вдове отказывать? Правду она говорит. Не годится покойнику без погребения лежать. Не пес же. Человек. Большой грех это, мужики.

Мужик что постарше вдруг сказал Вере:

— Пошли, — и двинулся к выгону, за ним потянулся другой. Третий мужиченко, низенький, тщедушный, с красными, беспрерывно моргающими глазками, не тронулся с места.

На мерзлой земле, среди засохших бурьянов, лежала продолговатая, белая масса. Вера не могла решиться подойти ближе. Она протянула мужикам одеяло.

— Заверните тело и отнесите на подводу. Я хорошо заплачу вам.

Рыданья сдавили горло. Она отвернулась, чтобы не видеть, как мужики будут подымать труп. Такая сила исходила от Веры, сила ее правоты, что мужики, забыв угрозы Шуни, ей подчинились. С трудом погрузили застывший, негнувшийся труп на подводу и даже не сразу согласились взять деньги. Стоя на дороге, они долго провожали глазами удаляющуюся подводу, и удивленное выражение не сходило с их простых, грубоватых крестьянских лиц.

.

Килина, почистив и зарядив браунинг, положила его на бочку и начала разбирать винтовку. Уже год, как она покинула Златополье и примкнула к банде Шуни. Вскоре она стала его правой рукой. С тем же бесстрашием и рвением, с каким она раньше оберегала лес от самовольной порубки, теперь она громила помещичьи усадьбы. Охота на зайцев и куропаток превратилась в охоту за белогвардейцами. Убить человека для нее стало так же просто, как выпить воды. С веселой удалью кидалась она во время схваток в самые опасные места. В разрушении, в игре со смертью нашла она свою стихию. Отчаяннее ее не было никого в банде. Даже Шуня дивился порой ее безрассудной смелости. Сами бандиты ее прозвали Волчихой. Низенький, кривоногий мужиченко, запыхавшись, подбежал к Килине.

— Помещица прибыла! — закричал он радостно.

— Какая еще помещица? — не отрываясь от работы, спросила Килина.

— Та... тая... Вернерша.

— Врешь. Чего бы ее сюда занесло? — Мужиченко заморгал красными, воспаленными глазками: — Ей правда. За покойником приехала.

Килина прищурилась: — А много с ней?

— Подвода и пара добрых коней — еще радостнее доложил мужиченко.

— Я не о том... Офицера сколько?

— Офицера? Да никого. Сама, как перст сама!

— Сама? — изумилась Килина.

— Сама. Сама. Ничего не стоит пристукнуть. Раз и крышка.

Рот мужиченка растянулся в счастливой ухмылке. — Собирай хлопцев...

— А ты... чего ж ее сам не стукнешь? — хмуря широкие брови, спросила Килина.

— Та... мне того... несподручно, — шмыгнул носом мужиченко и еще чаще заморгал большими глазами, — як налетит Казачья Сотня, то мне того... — он провел пальцем по своей тощей шее, — это значить вашенское ремесло.

Килина молчала и с особой старательностью чистила винтовку. Мужиченко нетерпеливо потоптался на месте.

— Так вы, значит, тое... поторапливайтесь. А то улетит птичка.

— Ну и пусть летит. Из-за одной бабы нечего отряд баламутить. А мне часу нет.

Мужиченко даже моргать перестал, услышав эти слова.

— Помещица, тебе говорю.

— А помещица не баба? — усмехнулась Килина.

Мужиченко сплюнул с досады. — А ще кажут, что ты Волчиха — и повернулся, чтобы уходить: — Коли ты не хочеш, побегу до начальника. Шуня инакше размыслит.

— Не добежишь, — всё так же усмехаясь сказала Килина.

— Чего ж не добежу? Ноги покедова есть.

— Без головы ноги не пойдут, — весело крикнула Килина и не торопливо взяв с бочки браунинг, выстрелила в затылок мужиченки.

.....

Карательный отряд Казачьей сотни под командой самого Колюши двинулся на поимку банды Шуни. Перед тем ему удалось разгромить банду Кривощенко. Но сам Кривощенко, хоть и раненый, успел скрыться. Человек пятнадцать бандитов были схвачены и доставлены в Н-ск для показательного суда. Собственно, суда не было. Была публичная казнь. Бандиты были выстроены у края глубокого рва и скошены пулеметной очередью. Мертвые и раненые были тут же закиданы землею. Очевидцы рассказывали, что земля в этом месте некоторое время шевелилась. Но никто не мог приблизиться к могиле. Кругом стояли постовые. Надюса была в ужасе от этой зверской расправы и поссорилась с Колюшей. Но Вера одобрила его действия: «Зуб за зуб». Она не могла простить ужасную смерть мужа. Это по ее настоянию Колюша повел отряд в «Волчье Логово». Выехали из города ночью, в противоположном от Волчьего Логова направлении, чтобы сбить с толку осведомителей. Сделав пятиверстный круг, вышли на прямую дорогу. Колюша хотел застигнуть банду врасплох. По

сведениям, Шуня со своей свитой с наступлением холодов перекочевал из леса на хутор « Илюшин », что был в 10 верстах от Волчьего Логова. Хутор был пуст. Небогатый помещик, не успевший во-время уехать, был зарублен вместе со всей семьей. Никого не пощадил Шуня. Убиты были даже двое маленьких детей. Хозяйничая на хуторе, бандиты чувствовали себя в полной безопасности. Немцы их не трогали. Да и стояли немецкие части только в городах и городках. В селах они не появлялись. Не опасался Шуня и Казачьей Сотни. Расстояние их разделявшее было в 60 верст и было у Шуни повсюду достаточно осведомителей. Он знал бы заранее о приближении противника. Шуня, заросший густой бородой до самых глаз и больше похожий на оранг-утана, чем на человека, — бахвалился : — Кривощенко — того потрепали, потому он матрос. По земле он идет в раскачку. Земля ему чужая. Ему на воде воевать. А я весь в землю врос. В лесу меня каждый зверь по имени знает, « берегись, кричит, Шуня идет ». Каждая тропка не хоженная — мне кума. Каждый куст — сват. Офицерью меня никогда не поймать, как месяца в небе.

Ранним утром отряд приблизился к хутору, незаметно пройдя по дну балки. Густой ельник, окружавший хутор с трех сторон, облегчил продвижение отряда. Слава, Бобка и Гаврюшка получили задание подкравшись садом к задней стороне главного дома, — разом кинуть в окна гранаты. Отряд оставался в резерве на конях. Не прошло и пяти минут, как раздалась три оглушительных взрыва. Часть дома рухнула. Уцелевшие бандиты в панике выскакивали во двор. По команде Колюши всадники вылетели из засады, настигали убежавших бандитов, рубили шашками. Несколько человек успело спрятаться за штабеля дров, лежавших недалеко от дома, стреляя оттуда вразброд. Лодя и Миша, подлетев, уложили их на месте. Из-за сарая вдруг застрочил пулемет. Под Колюшей была тяжело ранена лошадь. Двое всадников были сняты с седел. Пулемет строчил без передышки, всадники кинулись в сторону, но пули летели вслед за ними. Гаврюшка и Бобка кинулись в обход, чтобы снять пулеметчика. В азарте боя, тот не заметил подкравшегося Бобки. Прикладом Бобка раздробил голову пулеметчика. Гаврюшка сел за пулемет и стал поливать пулями бандитов, засевших в маленьком флигеле. Через полчаса бой был окончен. Перевязывали раненых из Конной Сотни. Убитых было пять человек. Колюша должен был застрелить агонизировавшего Урагана. С этой лошадейю он провел все бои. Видавший виды Колюша чуть не плакал. Ему было бы легче, если бы он лишился руки. Расстроенный потерей четвероного друга, он не радовался даже успешному ис-

ходу боя. В полуразрушенном доме Гаврюшка и Ващенко нашли раненого в грудь бандита. Ващенко уже было приставил ему дуло к виску, но Гаврюшка остановил. — Погодь. Не топись. Дай разглядеть. Штой-то очень знакомая харя.

Он пристально вглядывался в лицо раненого своими необыкновенно светлыми глазами, невинными, как у совсем маленьких детей.

— Так и есть. Самый што ни на есть верховод. Здрате-пожалуста, разлюбезный атаман Шуня. Вот так щука поймалась.

В восторге Гаврюшка ударил себя по бедрам обеими руками. Бандита вытащили во двор. Он стоял, пошатываясь, опустив в землю мутный от боли и злобы взгляд. Гаврюшка смотрел на него ласково, приветливо.

— Ты не беспокойся. Такому знатному гусю — особая честь. Переправим тебя в ад необыкновенным порядком. Я кое что уже придумал. Тащи его, Ванюшка, к гигантскому столбу. Покатаем его на прощание.

Посреди двора возвышался высокий столб, с привязанными к нему веревками — сиденьями, на которых с таким восторгом, обычно, катаются дети. К этому столбу подтащили Шуню, почти потерявшего сознание. Гаврюшка обвязал ему шею одной из веревок, стянул сзади руки, поставил на колени и подмигнул Ващенко. — Жалко, музыки нет, чтоб веселее... Валяй!

Прятели с силой оттолкнулись ногами от земли, веревки звзвильсь со скрипом, закрутился железный круг на верхушке столба, тело Шуни судорожно вздернулось, потом поволоклось по земле, веревка сдавила его горло... — Валяй... Выше — озорничал Гаврюшка.

— Прекратите безобразия, — крикнул увидевший эту сцену Лодя. Гаврюшка зацепился каблуком за землю, приостановил движение, глянул своими ясно-голубыми, безгрешными глазами на Лодю. С такими ясными глазами дети обрывают иногда крылья бабочек или разрывают на-двое выпавшего из гнезда птенца.

— Какое же безобразие, господин поручик? Можно сказать, развеселые поминки по бандиту Степану Кондратьевичу Шуне.

Лодя вспомнил, как несколько минут тому назад, проходя по двору, он наступил на какой-то предмет, слабо звякнувший под его ногою. Это была детская погремушка, заржавевшая от росы, с помятым боком, с облезшей краской. И в его сознании возник образ младенца, может быть еще неделю тому назад державшего эту игрушку в пухлых рученках. Шуня

не пожалел младенца, можно ли жалеть Шуню? Каждый должен расплачиваться за содеянное зло. Квадратура круга. Inferнальная квадратура круга. Вся Россия вошла в этот круг, закрутилась, подхваченная апокалиптическим смерчем.

К полудню, Колюша, отобрав из захваченных лошадей одну получше, взамен Урагана, приказал готовиться в обратный путь. Своих раненых и убитых погрузили на подводы, найденные на хуторе, пленных бандитов расстреляли. Колюша уже сидел в седле, когда к нему подскакал Гаврюшка.

— Взгляните, господин ротмистр, никак ваше?

Он протягивал ему какую-то блестящую вещицу. Колюша не верил своим глазам. Это было то самое кольцо с огромным александритом, что четыре года тому назад он подарил Любочке. На внутренней стороне еще не стерлась дата и имя « Николай Вернер ».

— Где ты его нашел? — с волнением спросил Колюша.

— Так что на бандитке. Та самая, что из пулемета по нас жарила.

— Женщина? — сумасшедшая мысль пришла Колюше в голову, — « а что если это Любочка? ». Хотя он отлично знал, что в 16-м году Любочка покончила с собой на станции Казатин... — Где она?

— Лежит за сараем. — Колюша тронул шпорами коня. Гаврюшка понесся за ним.

Платок слетел с разбитой головы Килины. Черная, узкая коса мертвой гадюкой вытянулась в луже застывающей крови. Колюша смотрел на мертвую. « Кто она? Как попало к ней кольцо? Вероятно, было украдено. Но какое странное стечение обстоятельств: мертвая Любочка возвращает кольцо через мертвую незнакомую женщину... ». Всю дорогу потом он думал о Любочке. Об их неумелой любви, закончившейся так трагически. Вспомнил, как проходя с частью через ст. Казатин, разыскал кладбище невдалеке от станции. Сторож провел его к тому, что называлось могилой Любочки. Небольшой, заросший дикими травами, бугорок вне ограды кладбища. Ни креста, ни даже просто камня на нем. Это всё, что осталось от кипучей, жизнерадостной Любочки, от ее горячего сердца, от ее любви... Пройдет еще год, два, непогода разметет и этот едва заметный холмик. Не та же ли судьба ждет их всех, родившихся в ненастную эпоху русской истории? Они все принадлежат к поколению, распятому без креста.

.

Герберт пришел озабоченный и сказал, что завтра их часть оставляет город. Получен приказ перенести штаб за пятьдесят верст, в город К-. Уход немецких войск означал, что Н-ск будет отдан красным без боя. Казачья Сотня, в которой осталось не больше 25 человек, сопротивления регулярным большевистским войскам оказать не могла и тоже была вынуждена покинуть город. Герберт умолял Надюсу со всей семьей ехать с ним и не подвергать свою жизнь опасности. Страшно было ехать на неизвестность, но еще страшнее было оставаться. Пугала абсолютная материальная необеспеченность. Терялась последняя надежда когда нибудь получить шкатулку с драгоценностями, оставленную в Туманове. Туда проехать до сих пор не оказалось возможным. Там хозяйничал Кривощенко, снова собравший многочисленную банду. Приходилось окончательно принять опеку Герберта. Как ни противилась этому гордость Надюсы — жизнь матери, детей и сестер требовала ею поступиться. Герберт, как всегда, проявил удивительную расторопность, распорядительность. Всё, за что он брался, выходило быстро, основательно-хозяйственно. На другой же день утром были отправлены в К. Надежда Федоровна и дети обеих сестер. Надюса должна была ехать с Гербертом, Вера с Тоней — отдельными двухместными саночками в тот же день после обеда. Две прекрасные полукровки и щегольские саночки были куплены Гербертом для этой цели. С грустью, как со старым другом, Вера прощалась с роялем. Тоня закопала в снежные сугробы, на аршин поднимавшиеся в саду, серебряную чайную посуду. Места для вещей было мало, приходилось бросать многое, даже нужное. С Верой еще должен был ехать Эрос. Надеялись до весны вернуться. Не могли же большевики захватить власть надолго.

Часа в два начался исход. Колонна беженцев траурной лентой растянулась среди сиреневых, застывших снегов на три версты. Люди, закутанные в меха, платки, шинели, с нахлобученными до глаз шапками, ехали молча. Даже дети притихли. Мягкий снег заглушал ход лошадей, только сани поскрипывали полозьями. Ноздри и ресницы лошадей были белые от инея. Мороз крепчал. Небо яркой синевой разливалось над холодными просторами. Саночки, в которых ехали Вера и Тоня, оказались последними в колонне. Задержала Розочка. Она прибежала в последнюю минуту. Черные пряди ее волос выбились из-под наспех накинутого платка. Слезы застывали на морозе.

— Ай-ай, — волновалась она, — чуть чуть не опоздала. Целое утро пекла и жарила вам на дорогу. — Она начала поспешно засовывать в саночки, под меховую полость, какие-то

кульки. Один пакет разорвался и румяные крендельки попали в снег.

— Розочка, милая, ну зачем это... — растроганно протестовала Вера.

— Ешьте, ешьте. Поправляйтесь. Ах, чтоб они сгорели эти проклятые большевики. Из-за них в такой мороз куда-то нестись, как сумасшедшим, вместо того, чтобы спокойно сидеть дома и играть на рояле. Ах, я бы тоже с вами поехала, но разве мой Илья Абрамович оставит свою возлюбленную аптеку? Вы же знаете великолепно, она ему дороже жизни... Вера Владимировна, берегите ваших детей. Это же ваше богатство в будущей старости. И скажите Надежде Владимировне, чтобы получше закутала горло. Она может простудить навеки свой ангельский голос. Ах, какое горе, что я ее не увидела. Но телятина никак не хотела жариться... И пускай она выходит замуж за этого деловитого немца. Жизнь ее будет припевающая. Растите, Тоничка, с дальнейшим успехом. Счастливой дороги. Я надеюсь, весной мы все увидимся, если я до тех пор не пропаду с горя.

Розочка наверно изливалась бы до вечера, Эрос, повизгивая от нетерпения, ерзал на коленях Тони. Вера, расцеловав Розочку, натянула вожжи. Лошадь пошла крупной рысью. Надо было нагнать колонну. Когда проезжали мимо последних домиков, Тоня обернулась. Над городком искрился в холодном солнечном сиянии золотой крест церкви, около которой были похоронены Борис Ордынский и Савелий Николаевич. Серовато-розовые дымки, прямые, как свечи, стояли над домиками в тихом воздухе. Какой-то человек в поношенной куртке остановился, провожая саночки угрюмым, тяжелым взглядом и вдруг вскинув руку погрозил им вслед кулаком...

(Окончание следует)

А. Ровская



Мумия

Рассказ.

Всё утро Клык был молчалив и угрюм. При встрече с окружающими он, казалось, не видел их, хоть и смотрел иногда в упор. Его пронизывающий взгляд блуждал в каком-то пространстве, в другой — не этой обстановке, среди других — не этих предметов и был направлен на других — не здешних людей.

Такой взгляд и такие растерянные глаза, как были сегодня у этого здорового и молодого парня, не раз случалось окружающим видеть на фронте. Солдаты привыкли, в таких случаях, не задавать вопросов. А с Клыком и вообще-то старались быть поосторожнее. Его очень любили в этой танковой роте. Все солдаты знали, что богатырски сложенный сержант, по прозвищу Клык, никого никогда не обидел. Он почти не повышал голоса, но один его вопросительный взгляд и чуть приоткрытый рот, сопровождаемые полным молчанием, или спокойный жест в направлении какого либо объекта заставляли его подчиненных мигом исполнить еще не отданное приказание — то приказание, которое само собой подразумевалось и о котором естественно было догадаться. Между Клыком и его взводом была своеобразная бесголосная связь. Он вообще редко говорил, разве что когда надо было разобраться в чем-то новом и непривычном.

Клык был прекрасным механиком еще до войны — в гражданской жизни, а теперь о нем говорили, что он способен починить и поправить любую деталь любого механизма, в каком угодно типе танков. Но на разговоры или рассуждения его трудно было вызвать. Он только чуть приоткрывал рот, когда ему задавали какой-нибудь вопрос, не заслуживающий, по его мнению, внимания, и не то улыбался своим полуоткрытым ртом, не то готовился что-то ответить. Но ответа никогда почти не давал, а, махнув рукой, отходил в сторону. При этом, с левой стороны рта белел и как-то особенно выдавался вперед большой зуб. Нельзя сказать, чтобы этот зуб уродовал лицо Клыка, но и не украшал его, а придавал всему лицу странный и недобрый вид. За этот зуб и прозвали его Клыком. За его вид и побаивались его, или, правильнее будет сказать, не побаивались, а были с ним в меру осторожны и даже предупредительны.

Клык был молчалив всё утро и даже как-то особенно угрюм, и немного растерян.

Солдаты заметили, что он всё время носит с собой, крепко зажав в кулаке левой руки, какую-то сложенную бумагу. Кто-то вспомнил, что вчера под вечер, когда раздавали почту, видели и Клыка, получавшего письмо. Видели, что раньше, чем распечатать его, Клык долго вертел и осматривал письмо со всех сторон, а на лице у него было выражение удивления и недоумения.

Вероятно, он не понимал, от кого это письмо, и не узнавал почерка.

А может быть, он предчувствовал и догадывался, что в этом сером конверте заключена какая-то неприятность или обида или, не дай Бог, какое либо извещение о чем-то тяжелом и непоправимом...

Молодой весельчак, тоже механик и мастер на все руки, часто бывавший в числе тех, кого Клык брал в команду своего танка, и спавший в эту ночь в той же комнатухе, где и Клык, в маленьком сельском домике, сказал, что хотя лег он поздно, когда Клык уже спал, и поэтому не говорил вчера с ним ни о семье, ни о доме, но в течение вечера он несколько раз забегал в комнатуху и потом уходил опять. И вот он видел, что Клык всё время сидит неподвижно в углу, за маленьким столиком, всё в той же позе, как окаменелый, и только громко и тяжело дышит...

После этого рассказа солдаты еще осторожнее стали себя держать в присутствии Клыка. Они были очень довольны, когда тот, закончив наблюдение за проверкой мотора и оружия танка, стоявшего тут же в нечистом и неровном дворе под старым, но голым теперь деревом, ушел к себе в комнатку, сказав, чтоб не звали его по пустякам. Теперь можно будет и пошутить, и посмеяться, но не очень громко, чтоб не тревожить Клыка, посудачить о новостях и вообще отдохнуть. Еще выждали немного, пока Клык, обчистив тяжелые ботинки от налипшей земли, вошел к себе и закрылся. Теперь здесь на дворе стало свободнее.

Хорошему настроению, конечно, немного мешали влажный ветер, серое неприветливое небо, грязная мокрая земля и кое-где набросанные кучи еще не стаявшего побуревшего снега. А звуки выстрелов, долетавших с фронта, совсем не далекого, мало кого тревожили. К ним уже привыкли...

Клык, войдя в свою небольшую комнатку, в которой он пробыл уже почти неделю, неловко и грузно сел на деревянный стул. Эта тяжесть движений совсем не была свойственна

ему. Он бы сам не узнал себя, если бы мог посмотреть на себя со стороны. Видно, какая-то тяжесть наполнила весь его мозг и передавалась оттуда всему телу, а он не замечал ее и не подтягивал себя, как это делал обычно.

Да и не до того ему было. В который раз он вспоминал все строки полученного вчера письма, и все они были ясны и понятны — все до одного места, а дальше какой-то туман, какой-то странный хаос и смесь из того, что говорило письмо, и из рождавшихся в голове вопросов — как? почему? за что? А дальше всё сменялось и облегчалось маленькой надеждой — такой тоненькой, как ниточка, но такой светлой, такой важной, что за нее надо было держаться, которая подсказывала: не верь, ошибка, не может быть...

Да что же произошло? Нет, на это Клык не в силах был ответить даже сам себе. Этого не могло быть!

Клык осторожно положил свой левый кулак на стол, раскрыл его, вынул оттуда смятую страницу письма, аккуратно развернул ее, разложил перед собою и снова, в который раз, стал читать.

Писала старушка, жившая на той же улице, где жил и Клык со своей маленькой, задорной и жизнерадостной женой и с Лизонькой, их маленьким ангелочком — таким хрупким, таким тоненьким и таким подвижным. Лизонька всё время бегала и топотала каблукками, всё время говорила что-то, задавала вопросы, весело-весело смеялась, так весело и так звонко, что, казалось, этот голосок сейчас долетал оттуда и звенел вот здесь рядом, около того места, где сидел Клык...

Последний раз Клык виделся с семьей почти год тому назад. Тогда Лизоньке было, кажется, шесть лет.

Старушка писала, что она, как и раньше, была очень дружна с его женой и с его ангелочком-Лизонькой. Они часто вместе ходили, во время ночных тревог, в погреб того большого каменного дома, в котором находится бакалейная лавка, и там пережидали налет вражеских аэропланов. Их город бомбили пока что только два раза, и оба раза ночью и совсем немного, а мимо пролетали и совсем над городом, довольно часто. Но вот недавно стали и днем прилетать и бросали бомбы то на железнодорожную станцию, то на тот большой дом, что у моста. А последний раз налетели неожиданно, и тревогу не успели дать. Налетели так быстро и так низко и прямо на их район. Рядом с домом Клыка упали бомбы. Дом Клыка горел, как факел. Его жена сейчас в госпитале. Доктора говорят, что нет опасности и, хоть поранено бедро, но скоро выйдет. Но писать ему не скоро сможет — обе руки обгорели и

забинтованы, но доктора говорят, что всё поправится. А дом совсем сгорел, ничего не осталось. А сад весь завален остатками сгоревшего дома. А забор разрушен и сейчас поправить некому. Еще два соседних дома тоже пострадали. А пожарные потом весь погоревший дом раскапывали. А Лизоньку...

Дальше Клык читать не мог. Может быть, он и читал, но он ничего не понимал и не уяснял себе смысла написанного. Там дальше в письме было написано... Да он и не хотел думать о том, что в нем написано... Он не верил и не понимал тех слов, которые говорили, что...

Клык остановился на этом месте. Его глаза уставились в одну точку, задержавшись на гвозде, криво вбитом в стену, и весь он застыл в оцепенении.

Снаружи усилились звуки пушечной стрельбы, но Клык их не слышал. Он не слышал вообще ничего и не хотел слышать, хотя в то же время он странным образом напрягал свой слух. Ему казалось, что вот-вот раздастся голос его Лизоньки. Ему хотелось, чтобы она ему сказала, что с ней и где она. Он боялся, что услышит этот ответ... Он боялся, что знает его. — Он боялся сам себе сказать это слово... Он не мог, не хотел, а может быть, был не в силах переступить эту грань и понять, что произошло...

«Клык к командиру!» — «Клык к командиру!» — звали снаружи.

«Пошлите Клыка к командиру!»...

Наконец, после долгого стука, раскрылась дверь. Клык медленно поднялся. «Иду», — коротко ответил он, поняв, что командир его зовет. Затем еще на мгновение Клык задержался. Он аккуратно сложил письмо и вложил его в кошелек и тогда быстро вышел из комнаты... Какое-то время он будет чем-то занят и сможет не думать о письме, о страшной вести, о чем-то сложном, непоправимом, непонятном...

Командир, поглаживая плечо и левую руку, которую, после ранения, всегда сильно ломило в такую холодную погоду, ровным и спокойным тоном обратился к Клыку. Он объяснил, что его только что известили, что в мастерской полка, которая на другом конце города, отремонтировали для них танк. Его надо сейчас же забрать, а то отдадут кому-либо другому. Пусть Клык возьмет мотоциклет и поспешит за танком.

Кроме того, вся рота через час выступает вот к этому перекрестку дорог у юго-восточной части города. Там ожидается под вечер попытка неприятеля прорвать наши позиции, и мы должны быть там наготове. Поэтому Клыку следует торопиться.

« Когда получишь танк, мотоциклет погрузи на него — не оставляй там, — и сейчас же двигайся на соединение с нами. Не сюда, а через город. Вот карта. Лучше всего по этой улице, а то вот тут улицы засыпаны разрушенными домами, а тут пустырь и городской или, кажется, университетский парк, и выходит прямо сюда. Торопись всё время. Не опаздывай — нам каждый танк нужен. Я тебя самого посылаю, так как каждый человек сегодня на счету... Торопись, Клык! »

Мотоциклет хлюпал по лужам, и тяжелые брызги жидкой грязи взлетали из-под колес. На дороге встречались редкие грузовики, самых различных размеров и назначений. Двигались они медленно и осторожно. Каждый раз, когда колесо встречного грузовика попадало в яму, он с шумом приседал и потом раскачивался, как бы раскланиваясь в странном и не очень красивом танце...

Клык старался держаться подальше от встречных, а если приходилось обогнать какую-либо дрожащую и рычащую машину, то он это делал широкой дугой, чтобы не подставлять себя под поток грязевых брызг. Еще не моросило, но ветер был влажный и неприветливый. Продвигался Клык не быстро, хотя и старался торопиться. Приходилось напряженно следить за дорогой и стараться не попадать в выбоины. Думать он ни о чем не мог, да и гнал от себя мысли, но что-то давящее и тяжелое было внутри его, и он чувствовал себя ослабевшим. Больше двух часов он уже потратил на такое, казалось бы, небольшое расстояние, и это тоже укореняло в нем беспокойное состояние, досаду и озлобление...

В ремонтном пункте, помещавшемся в старом гараже за городом, задержки не было. Правда, там он встретил много старых приятелей-механиков, но сегодня Клык был особенно неразговорчив.

После небольших формальностей, привязав свой мотоцикл сверху на танк, Клык занял место водителя, раздвинул передний бронированный щиток, чтобы лучше видеть перед собой дорогу, поправил шлем на голове и, шумно маневрируя, выплыл со своим танком из ворот. Мотор работал ровно. Гусеницы мерно звякали. Двигался Клык осторожно, и чувство досады на то, что он опаздывает, еще больше усилилось.

Раньше с командиром и теперь, перед тем, как забраться в танк, Клык хорошо проверил свой путь по карте. Продержавшись на дороге до нужного перекрестка, он оставил ее и небольшими улицами направился к той части города, где был парк. Через него легко будет добраться до места встречи, которое ему показал командир. Город был почти пуст. Раз-

рушений виднелось немного. Пять недель прошло с тех пор, когда, под неожиданным натиском прорвавшихся танков, неприятель поспешно оставил город. Повсюду лежало много мусора, и везде были кучи грязного, еще не стаявшего снега. Изредка попадались погоревшие дома и разрушенные заборы, а полное отсутствие людей на этих улицах городской окраины создавало впечатление незнакомого чужого мира и полного одиночества. Как будто этот живой и грохочущий танк пробирался среди забытых и покинутых домов, среди остатков вымершего жилья...

Далеко не все улицы были расчищены и удобны для проезда, но танк Клык легко брал препятствия. Сначала Клык следил за дорогой по памяти, потом он два раза останавливался на перекрестках и проверял по карте свое направление. Дорога то подымалась на не очень крутые холмы и сужалась, то опять сходила в более низкую часть города. Но вот стало больше зелени по заборам вокруг небольших красивых домиков, появились деревья по тротуарам, и Клык понял, что вскоре начнется парк.

Улица, по которой пробирался Клык, была не узка, но середина ее лежала много ниже обочин и создавала своего рода желоб, по которому должна бы стекать дождевая вода. Сейчас этот желоб был наполнен тающим снегом, а у обочин и на тротуарах возвышались почти-что сугробы пожелтевшего, запыленного и слипшегося снега.

Клык не боялся этой слякоти, но понимал, что если на встречу появится грузовик, то разминуться с ним будет трудно.

Легкий наклон дороги вскоре выровнялся, и, завернув влево, она немного сузилась. После этого поворота Клык увидел впереди себя довольно ровное прямое пространство, утыкавшееся вдали в металлическую решетку изгороди, за которой, судя по всему, начинался парк.

Почти в самом конце, у решетки, Клык заметил темную человеческую фигуру, склонившуюся над чем-то. Фигура стояла посередине улицы, явно в воде. Чуть повыше, на тротуаре за снежным холмиком, маячила вторая фигура.

Не сбавляя скорости, Клык вел танк по самой середине улицы и быстро приближался. Несмотря на усиливающийся шум мотора и лязг гусениц танка, человек продолжал стоять на том же месте, согнувшись над чем-то большим. Теперь уже можно было различить, что он склонился над каким-то длинным предметом, завернутым в клетчатое одеяло. Предмет лежал на детских довольно больших салазках, стоявших поперек улицы, в самой низкой ее части, в воде. Человек ста-

рался приподнять и получше укрепить этот предмет на салазках и, вероятно, хотел всю эту ношу перетащить через улицу. Но санки явно застряли, ноша сползла с них одним боком в тающий снег и воду, а тащивший был не из сильных.

Клык хотел крикнуть, но в это время стоявший и упорно трудившийся над салазками человек выпрямился и строго посмотрел на танк. Клык разглядел его. Это был совсем седой, не очень высокий, худой человек, с небольшой бородкой и с дрожащим на носу пенсне. Он был в длинном черном пальто, шарф укутывал шею, а голову прикрывала смятая и просаленная фетровая шляпа. В руках он держал веревку от салазок.

— Чего еще ты сюда заехал? — зло обратился он к Клыку. — Мало вы там на фронте стреляете друг в друга, целые дни над нами летаете, никакого покоя от вас дикарей нет, еще и сюда с танком пожаловал?

Клык растерялся. Кто это так грубо говорит с ним? После мгновенного оцепенения Клык выдвинул голову немного вперед из своего отверстия и закричал:

— Ты что — с ума спятил? Ты мне дорогу загородил — мне торопиться на фронт надо! А ну, убирайся поживей со своей краденой ношей! Живо, а то отберу ее у тебя!

— Отберешь? — стоявший повысил голос, который стал злым, хриплым и очень высоким. — Отберешь? — повторил он. — Да я тебе с твоими грязными ручищами и прикоснуться к ней не дам! Знаешь ли ты, что это? Да знаешь ли ты, что такое мумия? Да она царицей была! Да перед ней такие, как ты, на коленях стояли! Вы, варвары, наш старинный университет разбили! Я спасаю ее — в сухую и чистую свою квартиру переносу. Знаешь ли ты, что это святыня для каждого культурного человека? Знаешь ли ты, что она уже четыре тысячи лет лежит? Да что я с тобой о культуре говорю! — голос его сорвался, и он, закашлявшись, бросил веревки и поднес обе руки ко рту.

Фигура, стоявшая на тротуаре, оказалась женщиной. Она тоже была закутана в пальто и шарф, но, очевидно, боялась сходить вниз, к стоявшим в воде санкам. Теперь она принялась кричать на Клыка:

« Это профессор! Это профессор! Вы должны уважать его! Он известен во всем мире. Он специалист по древним культурам! Вы должны уважать его! Он спасает мумию! Спасает мумию от ужасов войны и этого разорения! Вся культура погибает и уничтожается, когда вы, солдаты, воюете! » — теперь и женщина закашлялась.

Клык был взбешен. Он еще больше подался вперед из своего прореза и громко, по начальнически сказал :

— Мне всё равно, какой культуры ты профессор! Уходи с дороги, не то раздавлю! Мне спешить надо! Мне на фронт! Там, может быть, мои друзья уже сражаются и погибают и меня ждут! Мне туда надо! Мне не время с тобой разговаривать, профессор! Уходи, а не то раздавлю! Уходи! — громко кричал он. Мотор заработал сильнее.

Профессор выскочил из лужи, в которой он всё время стоял, стал впереди санок и начал дергать изо всех сил веревки, но санки не двигались.

Вдруг профессор быстро повернулся к Клыку.

— Не смей! — закричал он и замахал обоими кулаками на Клыка. — Не смей! Это мумия жены фараона! Это древняя культура, которой вы, варвары, не понимаете! Это самое ценное в науке! Мумия... остановись... не смей! — и профессор захрипел и закашлялся.

Танк Клыка приблизился вплотную к мумии. Рокот мотора опять ослаб. Клык снова высунулся из своего бронированного окошка. Теперь он был почти спокоен, — он принял нужное решение и, медленно подчеркивая слова, а, может быть, подыскивая их, начал :

« Культура, говоришь, профессор? Ты всю жизнь этой культурой занимался? Мумиями занимался? А что ж ты людьми не занимался? Ты о мумиях ученые труды писал, а что ж ты нас не научил в мире жить? О ценностях, которые пропадают, говоришь, а о жизнях убитых забыл! Мумия самое ценное, говоришь, а моя Лизонька где? Моя Лизонька не ценная? Мой ангелок, — она дороже мне всех твоих фараоновых мумий! Отойди!... Мумию не смей, а девочку можно!... Отойди! » — И Клык, зло в упор глядя на профессора, медленно двигал танк вперед. « Лизонька моя, Лизонька моя », — шептали его губы.

Профессор инстинктивно сделал два шага вбок, выпустил веревку салазок, сдвинул обеими руками голову и потом медленно стал приседать на корточки, прямо в снег. Ртом он едва хватал воздух. Широко раскрытые глаза его бегали. То он смотрел на Клыка с его приоткрытыми губами и выдававшимся оттуда непомерно большим зубом, то на передвигающиеся гусеницы танка, то на завернутую в клетчатое одеяло мумию.

Танк наползал на нее медленно и неуклонно.

— Звери-и! Звери-и-и!! — громко закричал профессор и потом тонко и пронзительно завизжал, как визжат дети.

Гусеницы танка без усилия раздавили мумию и санки и смешали всё с тающим снегом и грязной водой.

Профессор перестал визжать, потом как-то еще больше осел, голова повисла, и он повалился на бок в снег.

Клык не видел этого. Он прибавил скорости, чуть повернул танк, легко перевалил с ним через тротуар, развалил невысокую каменную ограду парка, украшенную железной художественно исполненной литой решеткой, а затем через парк взял направление к фронту. Он не слышал и не знал, что его губы продолжали повторять : « Лизочка, мой ангелок... Лизочка, мой ангелок... ».

На второй день хоронили профессора.

День был серый. Ежеминутно мог начать моросить дождь, а то, чего доброго, и мелкий запоздалый снежок... Было прохладно и сыро...

На кладбище, перед свежее выкопанной могилой, вокруг гроба с телом почетного, всеми уважаемого и всем в этом городе известного профессора, собралось много людей. Это всё были люди почетные, уважаемые, чьи имена можно было встретить в научной литературе, люди, которые, как считалось, были носителями высоких достижений человеческой мысли, творцами культуры нашего века...

Погребение совершал такой же почтенный и солидный, как и все, старик с жидкими седыми волосами на голове. Он горбился и не совсем уверенно ставил ноги, будто непосильная ноша давила на его плечи. Несмотря на свой духовный сан, он был известен в городе, как человек смелой и своеобразной мысли, необычных, но очень последовательных суждений. Сегодня он смотрел всё время вниз, в землю, был задумчив и, казалось, готовился к чему-то важному и необходимому, к чему-то, что еще не сделано или не сказано и что обязательно надо высказать со всей прямоотой и откровенностью и этим снять с себя давивший груз...

Не подымая головы, старик повернулся лицом к стоявшим, откашлялся, потом выждал, когда наступит почти полная тишина, и начал :

« Вы все хорошо знали и уважали профессора, и мне не надо говорить вам об его достоинствах... Вы все уже знаете трагические обстоятельства его кончины, и не стоит задерживаться на мелких подробностях — что произошло и в каком порядке... Будем помнить, что всё делается по воле Божией... Примем смиренно то, что нам послано свыше, но, приняв, за-

думаемся, и задумаемся крепко и глубоко, так, как следует задумываться над волей Творца, над мудростью Божией!»

Старик с каждой фразой всё выше подымал голову. Сейчас он смотрел поверх слушавших, куда-то в пространство. На ногах он стоял теперь уверенно и легко, а в голосе чувствовались ноты вдохновения.

«Всё, что посылает нам Господь, — это всё Его мудрость! А посылает Он ее нам из милости к нам, из любви к нам, чтобы помочь нам, людям, чтобы научить нас — гордых, самовлюбленных и самообольщенных людей!

«Мы не всегда понимаем Его волю, хотя понимаем сложные формулы отвлеченных наук. Мы не всегда согласны с Его желаниями, хотя требуем, чтобы наша воля исполнялась неукоснительно. Мы не всегда хотим задуматься над Его уроком и Его указаниями, хотя требуем и заставляем, чтобы наши мысли изучались и одобрялись бы другими».

Старик сделал паузу, откашлялся, выждал, пока смолкнет легкий шопот удивления, и продолжал:

«Мне легко сейчас обращаться к вам, так как все вы люди ученые и коллеги умершего. Мне легко говорить вам, так как недалеко от нас свершаются ужасы и до нас доносятся выстрелы. Задумайтесь же над уроком Творца, преподанным всем нам этой смертью нашего знаменитого на весь мир профессора. Он всю свою жизнь кропотливо и настойчиво изучал свою науку, как и все вы изучаете ваши науки. Он всю жизнь, во имя своих идеалов и научной работы, сторонился от всего мира, как и все вы сторонитесь. А мир вокруг кипит! Мир творит и рушит, мир создает и уничтожает! Мир спорит и смеется, восторгается и злобствует, и воюет, воюет, воюет!

«Мир убивает! Мир убивает невинных!

«Убивает людей всяких — и таких, как вы, и менее образованных, и совсем необразованных, но людей — ваших братьев! А они смотрят на вас! Смотрят давно, годами и десятилетиями! А вы замкнулись в своих научных интересах и отвернулись от нужд мира! Вы замерли в своих научных одеждах, в своей славе, как эти мумии в величии своего прошлого! И вы безмолвствуете, как они, как немые, как перепеленутые, как неподвижные...

«Вы такие хорошие по душе, такие исполнительные, обязательные, дисциплинированные. Вы такие умные, способные анализировать, создавать теории, изучать закономерности. Вы, как и наш профессор, лучшие из людей! Как смеее вы бросать своих младших братьев на произвол и на волю напористых бродяг, на волю фанатиков и одержимых, на волю тех,

кто не умеет логично мыслить, не имеет понятия о правде и о долге, не уважает человеческих прав, не ценит человеческой жизни? Они приводят к безумию, к насилию, к войне! Приводят и братьев ваших, и вас.

« И не умывайте руки, как Пилат умыл!

« В этих ужасах, что творятся вокруг нас, виноваты больше всего вы — образованные и мудрые... Вы — ученые... Вы... » — и старик не закончил фразы, запнулся, подыскивая какое-то слово, но потом продолжал :

« И в печальной смерти моего друга — профессора виноват и он сам, виноваты и вы все, виноват и я... »

На последних словах старик сильно закашлялся. Он вынул платок, поднес его ко рту и стал долго кашлять с хрипением и со вздохами.

Присутствующие, воспользовавшись паузой, стали переговариваться. Им был непонятен смысл того, что они слышали. Да и кому приятно, когда его будят от спокойных и мирных сновидений и говорят ему о неисполненном долге?... Ставят перед ним вопрос об ответственности?!...

А на другой стороне города, там, где сходились дороги и где в грязном крестьянском дворе, под старым голым деревом стоял танк, в маленькой комнатушке, у столика в углу, неподвижно сидел Клык.

Он опять читал полученное три дня тому назад письмо. Ему казалось, что теперь он умеет понимать то, о чем написано в конце письма. Те слова, которых раньше он не мог осмыслить, сейчас, казалось, становились немного яснее.

« А пожарные весь дом раскопали, — писала старушка, — а Лизоньку — твоего ангелочка — не нашли. Ее там не оказалось. Ее, как говорят, Господь взял к своим ангелам. И я тоже так думаю. Но ищем, ищем, еще надеемся найти ее тельце, а я знаю, что не найдем — она у Бога... »

Клык медленно положил перед собой письмо и уставился на него неподвижным взглядом, Оба кулака, крепко сжатые, легли неподвижно рядом с письмом. Он сидел прямо, как будто был высечен из гранита. Он не знал, что по его лицу катятся крупные слезы и что губы что-то шепчут...

« Клык к командиру! Клык к командиру! Пошлите Клыка к командиру! » — раздался вдали голос дежурного...

Сиреневый остров

Происхожу я из захудалых дворян Псковской Области. Единственным выдающимся представителем нашего рода был наш родоначальник, потешный Петра Великого, участник всех его походов, много раз раненый, дослужившийся до чина полковника.

Подобно тому, как Петр женил своего Арапа на богатой боярышне, так же он женил нашего предка на богатой наследнице, от которой мы унаследовали наше имение, кстати, по соседству с Пушкинским Михайловским, и его мы сохраняли, правда, сильно урезанное, — до революции.

Все мои предки были военными. Отец был ранен в левое колено в японскую войну и должен был выйти в отставку. Жил в имении и занимался хозяйством, а также моим воспитанием, так как мать моя умерла рано, когда мне шёл восьмой год.

Усадьба наша стояла на небольшом пригорке. Фруктовый сад спускался по склону от деревянного дома до речки, на которой когда-то руками крепостных был вырыт пруд, в середине которого был оставлен маленький остров. Вся вырытая земля была насыпана на этот остров, так что образовался невысокий курган, на вершине которого была выстроена восьмиугольная беседка с острым верхом и лавочкой вдоль балюстрады. Склоны кургана были засажены сиренью, оттого и самый остров стал называться Сиреневым. Когда сирень цвела, это было очень красивое место с чудным благоуханием.

В полуверсте ниже усадьбы была запруда на речке и водяная мельница. Мельник-арендатор был сухощавый рыжий мужчина, мастер на все руки и любитель-охотник. У него был чудный охотничий сеттер, из-за которого его приглашали на охоту соседние помещики.

Собственно, этот сеттер щенком был подарен моему отцу. Но так как отец им не занимался, он начал душить домашних кур на дворе, за что и был отдан мельнику, который его выдрессировал и сделал из него замечательного охотничьего пса.

Когда я подрос настолько, что мог ходить на охоту, я стал сопровождать мельника. Но не только охота меня привлекала. Я не был кровожадным, и стрелять птиц мне было скорее неприятно. Но у мельника была единственная дочь, на-

стоящая русская красавица, которая мне очень нравилась. От отца она унаследовала рыжие волосы, но у нее они не были красными, а отливали, особенно на солнце, — золотом. На высоком лбу и на висках они вились мелкими завитушками, глаза у нее были зеленоватые, лицо овальное, носик слегка вздёрнутый, розовые щёки, с ямочками по бокам и с множеством веснушек, тонко очерченный рот, полнокровные, натурально красные губы, ровные белые зубы. Была она среднего роста, имела высокий безупречный бюст, широкие бёдра и маленькие ручки и ножки. Ее флюиды женского очарования кружили мне голову. Я всё время думал о ней и часто видел ее во сне. Звали ее Машей. Одевалась она просто, и летом часто ходила босиком. Мы были ровесниками.

Не только охота была моим развлечением. В летнее время у нас проводили свои каникулы два брата холостяка, Петроградские чиновники, наши дальние родственники — страстные рыболовы. На мельнице под навесом хранилась их лодка. По нашей речке, мы спускались до Сороти, воспетой Пушкиным, и проезжали мимо Михайловского, которое также стояло на высоком берегу озера (Маленец), через которое протекала Сороть. От дома к озеру спускалась широкая деревянная лестница, обсаженная с обеих сторон параллельными рядами сирени и желтых акаций. Когда они цвели, — это была картина, которая навсегда осталась в моей памяти.

Пушкинский дом был сожжен в 1905 году, но был отстроен заново на старом фундаменте и служил приютом для престарелых писателей. Однако, сохранился чудом домик няни, Арины Родионовны, моей землячки.

Немного ниже Михайловского Сороть протекала у самого псковского пригорода Воронич. Когда-то это был большой укрепленный город, разоренный Стефаном Баторием. От него остался маленький поселок, — десяток дворов, с приходской церковью, перед которой находилось кладбище, где покоились Ганнибалы, предки Пушкина по матери.

Могилы были покрыты серыми каменными плитами с надписями. На этих плитах я часто играл в детстве вместе с другими детьми.

Приходилось мне бывать и на могиле Пушкина в Святогорском Монастыре, в 3-х верстах к западу от Михайловского.

На высоком цоколе из белого мрамора стоит ромбоидальный обелиск, украшенный гирляндами, с опрокинутыми факелами и прочими масонскими эмблемами, по обычаю того времени. Памятник находился у самой стены монастырского храма и, говорят, сильно пострадал во время последней войны.

У Воронича Сороть поворачивает к востоку и протекает

мимо «Городища», — остаток бывшего Кремля, окруженный глубоким рвом, почти оврагом. Когда-то в нем была вода, но теперь он уже давно высох.

На «Городище» была «Вышка», курган, на котором когда-то стояла сторожевая башня и церковь с домами причта. Тотчас же за Городищем, на другом берегу оврага, находился дом имения Тригорского, длинное, четырёхугольное, одноэтажное, деревянное здание, окруженное галереей с деревянными колоннами. Здесь, у Вульфов, — Пушкин любил проводить свои вечера.

За домом и вдоль Сороти, раскинулся большой парк, где было много дубов, клёнов и конских каштанов. Неизвестно, что от них теперь осталось.

Вскоре за Тригорским, Сороть впадает в реку Великую. Немного ниже устья Сороти была запруда и мельница. Запруда состояла из гряды камней, — так сказать, искусственный порог, через который, пенясь, свободно переливалась вода. Там водилось много всякой рыбы и ловились на живца крупные, по 4-5 фунтов, лещи. Крупную рыбу мы привозили домой, а мелкую там же варили на берегу, прибавляя перцу и луку и ели вкусную уху, так как там мы проводили целый день, с раннего утра до позднего вечера.

Весной 1914 года я окончил Реальное Училище и вернулся домой. Никаких планов не имел. Всё мое внимание было заполнено любовью к Маше. В мыслях у меня было только, как бы ее повидать и перекинуться с нею несколькими фразами. Между прочим, я нашел место, где она купалась на речке и однажды подкараулил ее, спрятавшись в береговых кустах лозняка. Она пришла с другого берега, остановилась на маленькой прогалине напротив меня, осмотрелась кругом и, не заметив ничего подозрительного, стала раздеваться. Можете себе представить, как стучало моё сердце в это время! Раздевшись, она отошла шагов на двадцать назад, всё время оглядываясь по сторонам, повернулась к реке, быстро подбежала к берегу и бросилась в воду, подняв облако брызг и пыли, продолжая хлопать ногами и руками по воде, как молодая русалка, или как Афродита, рожденная из водяной пены. Я жалел, что со мной не было фотографического аппарата, чтобы снять ее перед прыжком. Впрочем, в те времена цветная фотография ещё не существовала.

В следующий раз, я заранее разделся и остался в воде под кустами лозняка. Картина повторилась та же самая, но когда она остановилась недалеко от меня, стоя спиной ко мне, и стала пригорошнями лить воду на свои волосы, я бесшумно подплыл к ней и, схватив ее сзади, стал целовать ее пле-

чи и шею. Она вскрикнула и стала дрожать мелкой дрожью. На этот раз, дело ограничилось поцелуями. Но с того момента между нами установилась некоторая интимность. Я предложил ей встречаться в беседке на Сиреневом острове, который соединялся с нашим садом мостиком в одну доску на сваях. Там мы стали встречаться довольно часто, обнимались и целовались и говорили друг другу ласковые слова. Я, кроме того, старался повысить ее образовательный уровень.

Однажды, сходя с мостика, Маша споткнулась и подвинула себе ногу в колене. Я взял её на руки и отнес в беседку, уложил ее осторожно на лавочку и стал массировать колени. словно электрический ток прошел по нашим телам. Маша взяла меня обеими руками за плечи и притянула к себе. В глазах у меня потемнело, в висках застучало и наши губы слились в нескончаемом поцелуе. Одним словом — тогда совершилось неизбежное...

В Песне песней Соломон говорил: «Три вещи удивляют меня: — путь орла в небе, путь змеи в скале и путь юноши к сердцу девушки».

Путь этот не трудный, потому что глаза играют роль беспроводного телеграфа...

С этого момента началась для нас пора острого, волнующего счастья: унисон молодых душ и тел... Любовь есть универсальный закон природы, такой же, как закон всемирного притяжения...

Однако, это наше счастье продолжалось недолго. В один прекрасный вечер, на Сиреневом острове Маша сообщила мне между двумя поцелуями, что она чувствует себя беременной. Я тотчас же пообещал ей жениться на ней в скором времени. На другое утро, после чая, я заявил отцу, что женюсь на Маше. Отец страшно рассердился и сказал, что этого он не допустит ни в коем случае, тем более, что я еще не совершеннолетний. Несколько дней подряд между нами происходили жестокие ссоры без всякого результата. Дворянские предрассудки моего отца были очень сильны. Я ломал себе голову, как выйти из этого весьма невеселого положения, и проклинал моё легкомысленное поведение в отношении Маши.

«Крепка любовь, как смерть», говорил Соломон. — Несколько раз я помышлял о самоубийстве. В это время уже шла война с немцами и мне исполнилось 18 лет. Я уже не нуждался в разрешении отца, чтобы поступить добровольцем в Армию, что я решил сделать. Если погибать, то уж лучше с пользой. Для меня это был единственный выход.

В одно осеннее утро, еще до рассвета, я уложил самые необходимые вещи в охотничью суму и оставил отчий дом

ни с кем не простясь, — даже с Машей, — и зашагал по направлению к уездному городу.

После восхода солнца, я вышел на большую дорогу, где меня подобрал незнакомый крестьянин, ехавший на базар, и довез меня до уездного города, где я тотчас же явился к Военскому Начальнику, в тот же день подвергся осмотру и был отправлен в запасной полк для обучения. Через шесть недель нас отправили на Западный фронт для пополнения пехотной дивизии, пострадавшей в боях с немцами.

С этого момента жизнь моя потекла, как и у многих других, словно ускоренная кинематографическая лента. Зима на фронте, школа прапорщиков, снова фронт, теперь уже румынский, ранение, эвакуация в Петроград, где вскоре произошла революция, — возвращение на Румынский фронт, октябрьская революция, гражданская война, эвакуация в Константинополь.

В конце концов мне удалось попасть во Францию и получить стипендию в одном из провинциальных университетов. Окончив по химии, я поступил на службу в лабораторию коксового завода около Меца. Так как я был единственным служащим с высшим образованием в этой лаборатории, я через два года сделался ее заведующим.

Образ Маши стал бледнеть в моей памяти. Вернее, ее образ стал вытеснять другой образ, молодой французской барышни, которую я каждое утро встречал по дороге в лабораторию. Сначала мы переглядывались, потом стали улыбаться друг другу, потом стали раскланиваться, потом стали прогуливаться и сидеть на скамейке в городском саду.

Она была единственной дочерью своих родителей и служила в Городской Управе. У них был свой домик с садом и огородом, и небольшая торговля съестными припасами.

Через некоторое время я сделал предложение и оно было принято. Сыграли свадьбу; я переселился к родителям жены. Зажили мы счастливо, хотя и однообразно. Жена родила мне довольно быстро трех дочерей — одну за другой, после чего мы решили остановиться...

Вспыхнула вторая мировая война. Я оставался на своём месте. — Кокс был нужен для тех и других.

Я был записан в Резистанс, но моя роль сводилась только к передаче секретной корреспонденции.

Отгремела война, нужно было залечивать раны. Поумирали родители жены. Девочки окончили свои школы и быстро выходили замуж, за французов, конечно... Ни жена, ни дочери не говорили по-русски. Мне стукнуло 65 лет и я должен был выйти на пенсию.

Вскоре после того умерла моя жена от сердечного припадка. Я остался один как перст. Дочери мои были со мной ласковы, но у нас нет ничего общего. У них свои мужья, свои дети, свои интересы... Ничто русское их не интересует, а меня интересует только русское... Как писал Сергей Есенин :

К кому пойти мне,
С кем мне поделиться
Той грустной радостью,
Что я остался жив?..

Мысль моя стала всё чаще и чаще возвращаться к прошлому :

В уме подавленном тоской
Теснится тяжких дум избыток,
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток...

Снова и снова я стал видеть себя на Сиреневом острове, держащим в своих объятиях красавицу Машу. Все переживания первой любви проходят у меня перед глазами во сне и наяву. Наконец мне пришла в голову мысль написать в Советскую Россию. Послал на старый адрес короткое письмо в осторожных выражениях с просьбой откликнуться и стал ждать ответа.

Прошла неделя, другая, третья...

Наконец, на седьмой неделе я получил довольно толстое письмо на неважной бумаге, с советской маркой. Я увидел знакомый почерк. Дрожащими руками я открыл конверт и стал целовать листы, исписанные снова ставшей мне любимой и дорогой Машей. Она писала :

« Милый и дорогой Ваня, ты не можешь себе представить радость, которую мне доставило твое письмо. Признаться, я давно его ожидала. Я всегда молилась, чтобы Бог сохранил тебя в твоей опасной жизни и всегда надеялась, что Бог услышит мою молитву и продолжала надеяться, что мы еще увидимся, хотя мы уже не те, наша молодость уже за горами. Прошу тебя мне верить, что я на тебя не в претензии за то, что произошло летом 1914 года. Я не вышла замуж, но я не одинока. У меня есть дочь и внуки.

« Я по-прежнему люблю тебя. Твоя любовь — самое яркое и счастливое воспоминание моей молодости. Я чувствую себя счастливее многих других, которые ничего подобного в жизни не испытали. Каждую весну, когда цветет сирень, я

хожу на Сиреневый остров и снова переживаю наше короткое счастье, переживаю и плачу, не знаю — от радости, или от горя. Сажу долго, почти до сумерек и потом возвращаюсь домой уже ночью.

« Сиреневый остров сохранился, как и сирень, но беседка давно уже сгнила, а остатки сожгли. После октябрьской революции, деревенские бабы стали посещать твоего отца и говорить ему : « наши мужики собираются скоро тебя убить, так ты подари нам чтонибудь на память ». После таких разговоров, — твой отец в одну прекрасную ночь исчез и больше о нём я ничего не слыхала. Наверно, уехал в какой либо большой город...

« В феврале 18-го года, когда немцы возобновили наступление после перерыва Брест-Литовских переговоров, мужики сожгли Вашу усадьбу, как и во многих других имениях, чтобы помещики не могли вернуться в случае немецкой оккупации : землю поделили по едокам, а в начале НЭП'а даже разошлись на хутора, но это продолжалось недолго, пришлось объединиться в колхоз...

« Что касается лично меня, когда стало невозможно скрывать мою беременность, я оставила дом и ушла на земский медицинский пункт в 17-ти верстах от дома, где жили и работали врач и его жена акушерка. Они были бездетные, приняли меня как родную дочь, хотя я была всего лишь только прислугой. Я им сказала, что ты ушел на войну, не зная, что я ожидаю ребенка, и вскоре пропал без вести на немецком фронте. У них я и родила дочь, которую назвала Надеждой. Там же я научилась акушерскому искусству и после смерти моей приёмной матери заняла ее место. Там же я воспитала нашу дочь и выдала ее замуж за участкового агронома. Сейчас у них двое взрослых детей, которые уже переженились и я ожидаю правнуков... »

Письмо это я перечитывал десятки раз и каждый раз слезы заволакивали мне глаза. Что делать : к старости люди делаются сентиментальными.

Наконец, я принял решение : из своей скромной пенсии я буду делать сбережения. И когда я соберу достаточную сумму, я поеду интуристом в Советскую Россию, чтобы повидать Машу и познакомиться с моим русским потомством, отвезти им заграничные подарки и, вместе с Машей, теперь уже состарившейся, как и я, совершить паломничество на Сиреневый остров.

Ш А Р А Д Ы

Эта смутная и переменчивая зима в приморском городе была обильна событиями, как радостными, так и печальными. Были и неожиданные возвращения домой долго отсутствовавших близких, были и не всегда желанные и никем не предвиденные смены власти, так что темп жизни города был неровен как сердечные перебои и еще не так давно можно было проснуться от стука в дверь матросского красного патруля. На улицах можно было встретить и гетмановцев, и гайдамаков Петлюры, в связи с чем город был часто подразделен на зоны различных властей и совершенно противоположных интересов.

Проживавшие в городе люди то более менее нормально ходили на службу, в университет и в гимназию, а по вечерам посещали выраставшие как грибы театры, то притаившись сидели по домам, вздрагивая от каждого неурочного звонка и прислушиваясь к стрельбе на улице.

То, что им выпало на долю пережить, было уже мастерски изображено Булгаковым в его «Белой Гвардии», и то обстоятельство, что описываемое здесь происходило не в исторически-богатом своими лаврами и церквями Киеве, а в его более южной и легкомысленной соседке, приморской красавице Одессе, дела совершенно не меняло.

Всегда в полной неизвестности о завтрашнем дне, ощущая особенно остро свою дружную сплоченность, жила, волею судьбы заброшенная в этот город, среди сотен ей подобных, и семья Вики, давно уже оторванная от своего постоянного очага. Ее бродячее состояние началось с войной, которая застала их в Царстве Польском, где служил отец и откуда он со своей бригадой ушел на фронт. По его желанию, мать с двумя младшими детьми перебралась вглубь страны, подальше от зоны военных действий. После многих переездов они обосновались в Одессе, занимая три больших комнаты в центральной квартире. Мать Вики мебелировала их добавочно и тем самым придала им уютный «собственный» вид, так что жили удобно и приятно. Большой балкон выходил на Соборную площадь. Оттуда один раз довелось им наблюдать жуткую картину: «показательную атаку» на собор, возглавляемую полоумным кокаинистом, полковником М. - По сведениям, этот прекрасный собор снесен.

Напротив площади, на Преображенской, рядом с парад-

ным входом дома, где жила семья Вики, находился писчебумажный магазин. Владельцем его был то ли Иван Мах, то ли Иосиф Покорный.

В памяти выскакивает вдруг еще одно чешское имя: Франц Мах! Видно, писчебумажная торговля в этом приморском городе была сосредоточена в руках западных славян.

Перейдя Греческую, немного дальше выходили на Преображенской к большой гостинице, а вскоре за ней начиналась широкая и красивая Дерibasовская улица. В Аргентине бы её называли непременно «Авенида» и следовало бы её именовать «проспектом». На одном из углов этой улицы находился великолепный гастрономический магазин Дубинина. Вике он был особенно памятен своими изумительного размера Сибирскими котами, перед которыми она с малых лет застывала в экстазе восхищения. Ей не приходилось видеть ни ангорских, ни персидских котов, мать ее кошек не любила и их в доме никогда не водилось. У Вики же было с раннего детства своего рода притяжение к пушистым хищникам, а умные звери, чуя это, встречали её неизменным мурлыканьем и охотно подставляли для ласки головку и шейку. Помнится, что один из котов был совсем светло-серый, а другой много темнее, с едва обозначенным тигровым рисунком. По длине хвостов и пушистости шерсти они не уступали, вероятно, ни персидским, ни ангорским своим сородичам. Красивыми изваяниями лежали она на стульях, оживляясь только для редких избранных.

Несмотря на смены власти, стрельбу, недостаток продуктов и невидимо нависшую над городом угрозу, жизнь кипела тогда в Одессе. Оба главных кафе — Фанкони и Робина — были всегда переполнены, так же как и кондитерская Печеского, куда иногда водили Вику и угощали ее там дивным «кафэ гласэ» и меренгами. Было это так вкусно, что Вике много лет спустя казалось, где бы она их ни ела, что это — далеко не так хорошо, как у Печеского в Палэ-Рояль. Почему это называлось «Палэ-Рояль», Вика не помнит больше; кажется, там были ступеньки и колоннада. Но само название крепко удержалось в памяти. А от Фанкони ее матери приносили торты, пирожные и хрустящие «микадо», двоюродные братья венских «пишингеров».

На Греческой, в двух кварталах от дома, где они жили, находился Драматический Театр. В ту пору там давала спектакли труппа Собольщикова-Самарина, нечто схожее с «Кривым Зеркалом» и «Летучей Мышью». Иногда, с разрешения матери, братья брали туда и Вику, к ее вящему восторгу. Подбор «скетчей», как называли маленькие пьески, был на редкость удачный и публика от души смеялась, наполняя зал до

отказу. Конечно, эта зима с будто бы нормальной жизнью в Одессе была некоторого рода «пиром во время чумы», но тогда никто об этом как-то не думал.

Не взирая не тревожную атмосферу, Вика продолжала с редкими вынужденными перерывами посещать гимназию Видинской, на углу Конной и Новосельской. Раз ей пришлось из-за стрельбы в зонах, которые ей следовало пересечь, остаться ночевать в гимназии. До чего же это было интересно и авантюрно! Вечером их накормили совсем необычной едой, которая показалась гораздо вкуснее чем нормальный ужин дома: молоко и бутерброды, а потом на каких-то подушках и покрывалах их устроили на ночь на больших столах в классе рукоделия, который выглядел в темноте совершенно иначе. Правда, в коридоре горела маленькая лампочка, но в этом тусклом освещении было моментами жутковато. И всё же эти первые шаги на поприще самостоятельной жизни были настолько интересны, что даже спать было досадно. Вика впрочем и не заметила, как уснула, а утром в первый момент никак не могла понять — где она? что случилось?

Всё тело болело от неудобного положения, но после умывания настроение сильно поднялось. Детям дали чай с подогретым хлебом и маслом и потом прямо направили в классы. После уроков за ними пришли родители, и хотя чувство «взрослости» померкло у Вики, всё же было очень приятно видеть своих и чувствовать снова любовь и заботу близких.

Этой осенью вернулся с фронта отец, внешне как всегда спокойный, но внутренне морально разбитый. Боевой, заслуженный генерал, он видел своими глазами крушение армии, родной ему со времен Военной Гимназии и Павловского Училища. Удар, нанесенный ему этим, оставил незаживающую рану на всю жизнь.

Из Царской Ставки, куда он был переведен после тяжкого ранения под Перемышлем, приехал старший брат Вики, артиллерийский капитан, которому выпало на долю пережить там трагическую развязку. Второй брат, с четвертого курса Политехникума ушедший на войну, был взят в плен под Сольдау. Три неудачные попытки бегства, соответствующие репрессии и, наконец, четвертый, удачный, побег. Лучшим рождественским подарком явился он в канун Сочельника у дверей материнской квартиры.

Младший из братьев, только что окончивший Ришельевскую гимназию (где его одноклассником был выросший позже в большого поэта Юрий Олеша) учился на юридическом факультете и жил дома с матерью и с единственной сестрой, Викой.

Она в свои двенадцать лет представляла собой типичный продукт эпохи, обладая странной смесью недетской серьёзности и большого запаса здравого смысла, с чисто ребяческой шаловливостью. Она могла часами с увлечением шить туалеты своим куклам и вслед за тем принимать участие в совсем недетских разговорах на животрепещущие темы. Умела она также и молчать, когда это было нужно, как это умели, вероятно, все дети, выросшие в войну, революцию и гражданскую смуту и рано научившиеся дрожать за жизнь своих близких. Отпечаток этих тяжелых лет остался у них на всю жизнь, но тогда Вика, понятно, не замечала этого: она жила жизнью и интересами своей любимой семьи, радуясь ее радостями и горюя ее печалью.

Мать ее, единственная дочь богатых помещиков Юга России, избалованная с детства бабушкой и бездетными тётками, оказалась совсем неподготовленной к трудной борьбе за существование, и Вике, с ранних лет, как-то само собой пришлось взвалить на свои детские плечи тяжкое бремя заботы о семье.

Она быстро научилась доставать продукты, которых не хватало, узнавая первой, где и когда что можно получить; она никогда не терялась при неожиданном появлении из комнаты братьев, заночевавших там в силу тех или иных обстоятельств, друзей, и умудрялась уделять и им кое что от, не всегда слишком обильного, семейного завтрака; она же устраивала на диванчике в столовой незнакомую барышню, укрывшуюся от перестрелки в их подворотне. В благодарность, та дала ей мудрый совет: в наши беспокойные времена никогда не выходить из дому без зубной щетки, ибо не знаешь, где придется заночевать... Та же Вика, когда лопнул водопровод, за двенадцать кварталов тащила с тяжелыми ведрами, вместе с братом, в очередь за водой, не ропща и считая всё это совершенно естественным. Этим трудным временам она обязана качеством, для жизни весьма удобным: никогда не жаловаться и во всем стараться найти чтонибудь хорошее.

А в ту пору, несмотря на все невзгоды, опасности и лишения, хорошего в их жизни было немало. Ведь впервые за долгие годы собралась вся семья и эта большая, нечаянная радость оттесняла на второй план то мрачное, что неумолимо надвигалось. Радуясь тому, что они снова вместе, спешили они наговориться, успеть друг другу рассказать о пережитом и расспросить получше обо всем. Ведь никто не знал, как долго это счастливое состояние продлится и повторится ли оно когданибудь.

Мать отлично понимала это и давно уже перестала отсы-

лать Вику спать в половине десятого. Тем самым девочка была принята в круг старших и стала полноправным членом своей любимой семьи.

Наступили Святки.

Давно уже в эти праздничные дни не царило в семье такого ликующего настроения, как в этом смутном и тяжелом году. К тому же и в городе стало как-то спокойнее; даже стреляли меньше. По-видимому, власть находилась в чьих-то более или менее надежных руках.

Сочельник провели в тихом семейном кругу, с двумя лишь случайными «постояльцами» в доме. Вернувшись из Собора, с первой звездой, зажгли ёлочку, раздобытую где-то отцом. Из случайных материалов удалось даже состряпать кутью.

Когда вспыхнули свечи, все притихли и, вероятно, одна и та же мысль владела ими: сойдутся ли они еще волей Божьей, когда нибудь, вот так вместе у зажженного деревца?

На следующий день, уступая просьбам детей, мать устроила «ёлку с приглашенными». Всем им как-то лихорадочно хотелось веселиться, забыться и не думать ни о чем печальном. Звонили всем друзьям и старшего и младшего поколения, приглашая их на праздник.

Вечер удался на славу. Ярко расцветенная безделушками и свечами, сияла ёлка. Звездами рассыпались холодные Бенгальские огни, описывая в воздухе то огненные колеса, то причудливые рисунки. С треском рвались хлопушки и молодежь всех возрастов одинаково ликовала получая бумажный коллап, свистульку, конфетку или же рвущуюся с треском цветную бумажную полоску — слабый прообраз теперешних взрывчатых игрушек.

Всё принималось с неизменным восторгом и шумными криками, будто каждый хотел полностью насладиться минутным весельем.

Играли в фанты, водили хороводы и воодушевленные успехом вечера решили, не откладывая в долгий ящик, собраться снова для встречи Нового, 1919-го года. Вика задержалась в гостинной и слышала, как ее отец, взяв ласковым жестом под руку мать, тихо сказал ей: нам было дано сегодня большое счастье — объединить под одним кровом всю семью и даже если оно и не продлится долго, мы должны быть за это благодарны Богу.

Сколько раз потом Вика вспоминала эти слова, когда их, разрозненных, как щепки швыряло по белу свету!...

Наступил канун Нового Года. Из добытых разными путями продуктов готовился большой праздничный ужин, но, ко-

нечно, дело было не столько в еде, сколько в ожидаемых развлечениях. Предполагалось и новогоднее гадание, и игры, и танцы, и любимое развлечение всех — шарады.

Ужин прошел очень оживленно, было много тостов личных, с шутливыми и прозрачным намеками, и патриотических, с никогда не исполнившимися пожеланиями. Но в тот вечер казалось, что всё случится именно так, как всем того хотелось. После ужина приступили к традиционному гаданию. Сперва из ёлочных свечей, наломанных в ложку, подержав её над огнем, лили в воду растопленный воск. Нечего и говорить, что Вика гадала наравне со всеми и волновалась и шумела, наверно, больше всех.

Когда она в глубокую тарелку полную воды плеснула содержимое закопченной ложки, все ахнули: по тарелке поплыл отчетливо обрисованный маленький парходик, даже трубы и те были ясно видны.

Вика была просто ошеломлена и даже притихла. Не обращая внимания на шутки и расспросы — куда это она собралась плыть?... — она бережно вынула свой кораблик из воды и отнесла его на письменный столик, к другим сокровищам, дивясь странному гаданию.

Она не могла знать тогда, что не пройдет и двух месяцев, как она будет плыть на пароходе, покидая на неизвестное время милую Одессу.

Когда она вернулась в столовую, там уже стояла посередине ковра миска с водой, вся обклеенная бумажками, с написанными на них пожеланиями и именами. По ней была пущена чьей-то рукой ореховая скорлупа с зажженной свечечкой. Она крутилась по миске, под наклеенными бумажками, пока пламя не затрагивало одну из них. Тогда свечу тушили и читали написанное на бумажке.

Видно, этому вечеру было суждено быть вещим, так как свеча, пущенная вторым братом Вики, подожгла бумажку с именем девушки, в которую он был влюблен: через полтора месяца, когда он выступил с артиллерийской частью в поход, чтобы позже влиться в состав Белой Армии, та, чье имя подожгла свечечка, пошла сестрой милосердия за ним на фронт и весной они обвенчались. После гадания кто-то сел за пианино и начались танцы. При всеобщем ликовании и больших овациях отец Вики, бряцая шпорами, прошелся мазуркой с ее матерью. Вика хлопала больше всех; она была в восторге и потрясена совершенно: подумать только, такие старые люди (ее матери не было в ту пору и 47-ми лет) и могут еще танцевать, и не больше, не меньше как мазурку!... Разве это не изумительно? Устав от танцев, компания разбилась на

группы и начались шарады, в которых принимали участие и старшие. Группа, в которую вошел отец Вики, поставила «Бог-дан Хмель-ниц-кий». В памяти Вики удержались кое-какие детали этих постановок. Первый слог «Бог» они попытались изобразить как поклонение древних египтян языческому богу Ра: на ночной тумбочке, в классически-угловатой позе, с повязкой и эгретом на лбу, восседала в полной неподвижности Вика, облаченная в материнский халат цвета темного золота. В изогнутых «по-египетски» руках она держала жезл, кухонную деревянную ложку, а у ног ее распластались в экстазе и обожании остальные члены группы.

Хороша была и постановка слога «Хмель»: Ной (брат Вики), укутанный до пояса в покрывало, с венком из полузавядших гераний съехавшим на бок, возлежал в явно хмельной позе на маленьком венском диванчике, с недопитой чашей в руках. Два его сына шумно глумились над ним, тогда как третий сын (Вика), потупив скромно очи, пытался прикрыть его «наготу», натягивая ему до подбородка сползшее покрывало.

Биллиардом для инсценировки «кий» служил обеденный стол, по которому шашками гоняли «шар» — тугой резиновый мячик Вики. — Но коронным номером стало безусловно «целое».

Обеденный стол был выдвинут на середину комнаты. Сверху на него установили другой, меньший стол из спальни мальчиков. На него взобрался второй брат Вики и стал на четверенки, подняв на подобие передней ноги, правую руку очень картинным жестом. Сверху его покрыли вывернутой наизнанку бекешей отца и ретивому скакуну оставалось только заржать, если бы он не был «из гранита». На этого коня лихо сел отец Вики, в белой «кубанке», и занес обнаженную наголо саблю высоко над головой.

И «глазевшая на памятник публика», и члены второй группы встретили шумными аплодисментами эту живую картину.

Всем было особенно хорошо в этот вечер и никак не хотелось расходиться. Как только кончалась одна забава, придумывали другую. Но и в самом оживлении было что-то лихорадочное: все спешили радоваться, смеяться, будто хотели запастись этим весельем на последующее время.

Разошлись только под утро.

Лёжа с открытыми глазами в предрассветной мгле, Вика перебирала в памяти все подробности этой впервые по-взрослому проведенной встречи Нового Года, восстанавливая мысленно все сцены и беззвучно смеясь слышанным шуткам. Она

знала с уверенностью, что этого вечера никогда не забудет.

Спохватившись, что забыла помолиться, она прочитала наскоро все молитвы и вдруг сразу почувствовала, как ужасно она устала.

Всё еще улыбаясь своим мыслям, она видела перед собой, засыпая, лихого всадника на белом коне...

Это была последняя встреча всей семьей Нового Года перед началом бесчисленных перемещений с места на место не по своей воле, именуемых теперь общепринято «эвакуациями», будто это иностранное слово может как-то смягчить горечь печального факта.

Ирина Астрау

Вышла из печати и поступила в продажу во всех
русских книжных магазинах книга :

Елена Рубисова

ОГНИ НА ДОРОГАХ

ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЕЙ СВЕТА

320 страниц. 90 иллюстраций

Цена : 20 фр. франков

или

5 ам. долларов

Р О Н Д О

РОНДО. Обреченность в нежнейшей усладе,
Рассудок вознесший холодные крылья,
И магия круга и грусть о номаде,
О злом, о котором почти позабыли.

Но месть зачернеет, пронзая как дротик,
Припомнит удар, что направлен был сзади,
И вздрогнет сердцами своих библиотек
РОНДО — обреченность в нежнейшей усладе.

Чтоб вдовам-эпохам искать утешений
У вражьих становищ осыпанных пылью,
Чтоб стал недоступней еще и надменной
Рассудок вознесший холодные крылья.

С усталостью в душах, с презреньем на лицах,
Сойдемся безмолвно в последнем обряде,
И снова проснутся на мертвых страницах
И магия круга и грусть о номаде.

Когда ж любознательный дальний потомок
Захочет проникнуть в заветные были,
Пусть говор веков будет ясен и громок
О злом, о котором почти позабыли.

Затем, что из дыма, и крови, и свиста,
И стога бичей и ночей без рассвета,
Не раз зарождалась тревога артиста,
Не раз намечалось призванье поэта.
РОНДО — обреченность.

Ю. Крузенштерн-Петерек

Ч У Д О

Пусть вспыхнут свободные звуки, —
Ликуя, рыдая, звеня, —
Сметая преграды разлуки,
Любви возвращая тебя.

Библейским глаголом вещает
О Боге пророк Пастернак :
Он в небе душой прозревает
Над Русью Спасения Знак.

Высокое Слово поэту
Дано как бессмертья залог, —
В юдоль беспросветную эту
Открыто является Бог.

И в сердце нет места печали :
Полвека мы в чуде живем,
Но тщетно Россию пытали
Обманом, мечом и огнем.

ПРАОТЕЦ НОЙ

Пить вино — не смрадную сивуху —
И желанных женщин целовать,
Бить врагов Христовых, что есть духу!
А угасли силы — умирать, —

Я судьбу такую выбираю...
И пускай не сетует мудрец :
Пьяный Ной был удостоен Рая —
Винодел и общий наш отец.

В ПОЕЗДЕ

Что ни ночь, звенит и содрогается
Подо мной железная дорога,
То, как перья страуса, качается,
То петлит, как невяская минога...

Все оттуда. Обольщенным бреднями
Заклинаний Александра Блока
Не восполнить поздними Обеднями
Пустоту красивого порока;

Не избыть похмельного томления
И с бесполой «белой дамой» встречи,
Легкости позорной отречения,
Общего предательства предтечи.

Мы не отвернулись, а прославили
Ядовитой прелести побеги...
Поздно встали, тщетно окровавили
И победы наши и побеги...

Николай Станюкович



ГРАФ С. Ю. ВИТТЕ

(Продолжение) *)

Глава третья

ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВИТТЕ

Мнения о нем его современников, нашедшие себе выражение в мемуарной литературе посвященной предреволюционному периоду, создали Витте репутацию эмпирика, если не оппортуниста. Эмпириком, т. е. человеком практического опыта, он действительно был, в особенности в финансовой области, где его способности и достижения заслужили как раз наиболее широкое признание. Что осталось незамеченным его критиками — да и не только ими одними — это присущий ему подход ко всем вопросам останавливавшим его внимание. В применявшемся им способе их анализа и разрешения он выступает постоянно как доктринер, т. е. человек, по складу своего ума и привычкам мышления склонный подчинять свои решения соображениям чисто теоретического свойства.

Приведенные в предыдущей главе примеры служат иллюстрацией методов, которым Витте следовал в своей государственной работе. Что же, выражаясь современным языком, служило им «идеологической базой»? Попытка ответить на этот вопрос будет облегчена, если мы последовательно рассмотрим основные элементы характеризующие духовную сторону его личности.

Прежде всего, полагаем мы, следует подчеркнуть его преданность интересам его страны и его народа. Она наложила печать на все его действия. Ибо не только честолюбие и желание возвращения к власти руководили им — и это сознавалось наиболее чуткими из его противников, — когда, вовремя или не во-время, он поднимал свой голос, чтобы предостеречь от опасного шага или указать на правильный выход из трудного положения.

С другой стороны, как бы сильно ни было, в некоторые периоды, его раздражение против его государя, он никогда не нарушал своего монархического долга и до самой своей

*) См. «Возрождение», №№ 223-225.

смерти неотступно выражал убеждение, что личная и притом наследственная власть лучше какой-либо другой способна преодолевать трудности, встречаемые в управлении государством.

Его деятельность — и здесь мы касаемся ее идеологической основы — вдохновлялась комплексом этических и гуманитарных идей очень возвышенного порядка.

Он был, наконец, равнодушен к формам правления; значение для него имела лишь их эффективность. При одном, но непременно условии: соблюдения верности нравственному идеалу, который в его глазах оправдывал само существование государства.

Нет ничего из ряда вон выходящего в том, что государственный человек отождествляет себя со своим народом. Более редки случаи, когда такое отождествление не носит на себе следов определенной политической окраски. А ведь только в отвлечении от духа предвзятости достигается возможность беспристрастного суждения о соперничестве различных сил и борьбе интересов, составляющих повседневную жизнь нации.

Бурный темперамент Витте способствовал искажению правильного представления о нем. Нам кажется тем не менее, что не надо делать особых усилий, дабы уяснить себе его настоящий облик. Страстный в борьбе за защищаемое им направление политики, он, однако, никогда не чувствовал неприязни к своим противникам только потому, что они создавали препятствия на его пути. Что возбуждало его раздражение, иногда длительное и агрессивное — это вред, который приносило государству их противодействие осуществлению его планов, в особенности, если оно объяснялось личными или мелочными причинами. За исключением некоторых редких случаев, когда его нерасположение усиливалось различием взглядов на основные политические вопросы — мы имеем в виду его коренные разногласия с Плеве и Столыпиным — Витте не был злопамятен. Когда этого требовала государственная польза, он, не колеблясь, преодолевал антипатии, которые могли породить в нем столкновения личного характера. Мы покажем это, приведя два примера, где, на наш взгляд, особенно ярко вырисовывается привычный ему образ действий.

В ноябре 1905 года, в период нарастания новой волны революционных беспорядков, ему случилось принять молодого губернского предводителя дворянства, отличавшегося своим мужеством и энергией. Он явился к нему по инициати-

ве министра внутренних дел П. Н. Дурново, желавшего, чтобы председатель совета министров ознакомился, со слов очевидца, с напряженным состоянием приволжских губерний. Преисполненный сознанием своего достоинства, как представитель поместного дворянства, сам крупный землевладелец, этот провинциальный общественный деятель был лишен какой либо благосклонности к главе правительства, подозреваемому им в неискоренимой враждебности к его сословию. Как многие представители правого крыла русской общественности, он питал к нему чувства граничившие с ненавистью и не давал себе труда скрывать их. Вынужденный прождать некоторое время в приемной и узнав, что перегруженный работой премьер-министр может принять его только через день, он попросил довести до его сведения свое неудовольствие, высказанное им в намеренно резких выражениях.

На следующее же утро, новое приглашение предлагает ему явиться к председателю совета министров. Пораженный его «необыкновенно усталым, вернее сказать измученным видом», он совершенно не тронут этим обстоятельством. Описывая тридцать лет спустя эту сцену 1), А. Н. Наумов, в свою очередь призванный занять во время первой мировой войны министерский пост и окончивший после революции свою жизнь во Франции, не может отрешиться от своей прежней неприязни к человеку, именуемому им в своих воспоминаниях «российским диктатором». Он находит лишь полные вражды эпитеты, чтобы охарактеризовать своего собеседника 1905 года. То, что представляется нам наиболее любопытным в рассказанном им эпизоде — это, однако, его заключение.

Невзирая на свое переутомление в момент, когда происходила изложенная Наумовым беседа — она имела место несколько недель после октябрьского кризиса, потребовавшего от него почти сверхчеловеческих усилий, — Витте внимательно выслушивает своего посетителя, задает ему ряд вопросов и, отклонив не без раздражения некоторые его проекты, делает ему, заканчивая прием, неожиданное предложение: занять одно из вакантных губернаторских мест.

Несмотря на немедленный и категорический отказ Наумова, предложение это было ему возобновлено, немного спустя, косвенным путем. Искренность молодого провинциала произвела, очевидно, благоприятное впечатление на Витте и он не захотел упустить случая пополнить ряды правительственной администрации человеком честным, энергичным и ре-

1) Примечания см. стр. 86, 87, 88.

шительным. Что же касалось до его чувств по отношению к нему лично, о которых у него не должно было быть никаких сомнений, то он не придавал им, как видно, никакого значения.

Бывали случаи, когда, давая волю своему неудержимому нраву, Витте встречал резким отпором начинания с коими он не мог согласиться. Но и тогда его гнев против лица, вызвавшего его противодействие, длился лишь до тех пор, пока он не шел в разрез с тем, что почиталось им более важным: благом государства. Мы увидим это, когда нам придется говорить об его отношениях с П. Н. Дурново. Его конфликт с В. Н. Коковцовым, о котором мы скажем сейчас несколько слов, кажется нам еще более показательным.

Назначенный министром финансов после смерти Плесске (который заменил в 1903 году смещенного с этой должности Витте), Коковцов показал себя осенью 1905 года ожесточенным противником некоторых реформаторских тенденций нового председателя совета министров. Небезосновательно Витте видел одну из причин слабости центральной государственной власти в отсутствии в России кабинета министров, в западном смысле этого слова, т. е. в смысле органа объединенного единым политическим руководством. Нам приходилось уже отмечать, что русские министры были в сущности лишь уполномоченными монарха, действовавшими самостоятельно каждый в своей области²). Председатель Комитета министров отнюдь не был их главой. Поэтому одной из первых забот инициатора конституционной реформы 1905 года, в момент, когда он подготовлял образование нового правительства, было изменение давно уже изжившей себя системы³). Ему пришлось столкнуться в этом вопросе с упорным сопротивлением Коковцова, предполагавшего, что его оппозиция намерениям будущего примьера соответствовала сокровенным желаниям государя,

После бурных прений в заседании специально созванного для рассмотрения этого вопроса совещания, где Витте с присутствующей ему вспыльчивостью парировал его доводы, Коковцов выразил желание покинуть пост министра. Его отставка была принята и император Николай II тут же назначил его председателем департамента экономии Государственного Совета, продолжавшего, в ожидании созыва Государственной Думы, функционировать в качестве единственного законосовещательного собрания Империи. Назначение это явно не соответ-

вовало требованиям времени (таково было, между прочим, мнение председателя Государственного Совета гр. Д. М. Сольского), так как названный департамент призван был обсуждать финансовые проекты правительства и враждебные отношения между председателями этих двух государственных инстанций никак не могли служить пользе дела. Витте посмотрел на вопрос именно таким образом. Со свойственной ему быстротой и решимостью, он не замедлил довести до сведения императора, через посредство Государственного Секретаря, барона Ю. А. Икскуля, что если государю «не будет благоугодно» отменить назначение Коковцова, «ни он, граф Витте, ни другие министры в заседания ездить не будут, а для участия в делах станут посылать своих товарищей». Барону Икскулю не оставалось другого выхода, как испросить по этому поводу указаний государя.

«Я этого нахальства никогда не забуду», гласила резолюция императора Николая II на докладе Государственного Секретаря 4). Назначение Коковцова, еще не опубликованное в печати, было, однако, отменено.

История этого конфликта опровергает ходячее представление о раболепстве Витте перед носителем Верховной власти. Ее дальнейшее развитие также не безынтересно, ибо оно показывает сколь мало он считался со своими собственными настроениями, когда забота о порученном ему деле побуждала его забыть о них.

Инцидент с назначением Коковцова относится к последним дням октября 1905 года. Прошло два месяца и Витте приходится преодолевать целый ряд трудностей. К борьбе с продолжающимися внутренними беспорядками присоединяются другие неотложные проблемы и, среди них, вопросы финансового характера. Кроме нескольких верных ему сотрудников, в его распоряжении нет соответствующего правительственного персонала. Он вспоминает тогда о Коковцове, финансовая компетенция которого не вызывала сомнений. Намереваясь поручить ему ведение, в их последней стадии, переговоров о международном займе и помня свою недавнюю ссору с ним, он не колеблясь приносит ему свои извинения. Как рассказывает Коковцов, Витте не только признал, что он был «глубоко несправедлив» к нему, но предложил повторить ему эти слова в присутствии самого государя. Он действительно не скрывал от императора предпринятого им шага, подчеркнув, как ему «больно и обидно» происшедшее 5). В конце концов, Коковцов отправился в Париж и переговоры о необходимом России займе были благополучно завершены.

Любопытно отметить, что человечность Витте не ускользнула от внимания такого реалистически настроенного и недоверчивого наблюдателя, как Теодор Рузвельт. В одном из своих частных писем, он признается, что Витте не понравился ему, во время их первых встреч в начале портсмутской конференции. Это не помешало ему сообщить своему корреспонденту о глубоком сочувствии русского государственного деятеля участи сосланного в Сибирь Достоевского. «Витте изложил также свои взгляды о свободе совести», добавляет Рузвельт, «и сделал это так, что они должны были бы вызвать самую сердечную поддержку каждого из нас» 6).

Такие гуманитарные высказывания не были притворными и в них не надо видеть искусного приема для привлечения симпатий Президента Соединенных Штатов. Тот, кого нередко изображали существом холодным, бесчувственным, преисполненным мысли о величии и мощи государства, которому он будто бы был готов приносить в жертву благополучие своих сограждан, был на самом деле наделен значительной дозой сентиментальности. Под авторитарной, а иногда и намеренно надменной маской величественного сановника, скрывалась натура — ее можно было бы, пожалуй, назвать романтической — человека не оставившегося равнодушным ни к одному из моральных вопросов, волновавших его современников.

В. И. Ковалевский, занимавший при нем пост товарища министра финансов, рассказывает в некрологической статье, посвященной в 1915 году его памяти, как, в конце прошлого столетия, он сопровождал его во время путешествия по Волге. Когда пароход их проходил мимо бедного, полуразрушенного селения, Витте воскликнул: «Вот она, полуголодная, полунагая, сирая Русь. Она истощена и обескровлена, потому что вынесла на себе создание могучего и обширного государства. Она отдала себя во имя будущего, и теперь наша святая обязанность воздать ей за принесенные жертвы» 7).

Мы не думаем, что только что приведенный рассказ был продиктован его автору желанием представить в наиболее выгодном свете своего покойного начальника. Отражения таких же чувств встречаются в заявлениях самого Витте, сделанных при обстоятельствах исключаяющих какое либо подозрение насчет их искренности. Ограничимся ссылкой на его письмо гр. А. Ф. Гейдену, начальнику военно-походной канцелярии Его Величества. Оно относится к началу лета 1905 года, т. е. к периоду, когда Витте, находясь в опале, имел, с точки зрения чисто карьерных расчетов, все основания не раздражать власть имущих. Его письмо пренебрегает этими

соображениями и подчеркивает пагубные последствия войны с Японией для населения России. Настаивая на необходимости скорейшего заключения мира, мысль о котором была чужда правящим сферам и самому государю, он ссылается на тяжесть условий существования «русских заурядных людей», людей, говорит он, «которые не подобны нам, живущим, телесно, припеваючи», но «проливают кровь, теряют близких, голодают и разоряются из-за этой ужасной войны» 8). Свидетельство В. И. Ковалевского, отметившего, что отличительной чертой Витте был «глубокий патриотизм», и добавившего к этому, что, любя всей душой народ, «он ясно сознавал, что первая задача государства — забота о благосостоянии масс», кажется нам поэтому соответствующим истине 9).

Область его личных отношений с императором Николаем II относится к наиболее деликатным вопросам, которых приходится касаться биографам Витте. Даже многие из его почитателей были в свое время смущены откровенностью его суждений и резкостью выпадов, которые он себе позволил против государя на страницах опубликованных уже после его смерти воспоминаний. (Очень характерны в этом отношении тексты двух предисловий, написанных для последовательных изданий его книги о портсмутской конференции секретарем русской делегации И. Я. Коростовец, закончившим свою дипломатическую службу в качестве последнего императорского посланника в Китае. Предисловие к первому изданию его труда, напечатанному в 1918 году в Петрограде, — настоящий хвалебный гимн Витте. То, что предпослано второму изданию, вышедшему в 1923 году в Пекине, лишено какого-либо уважения к памяти государственного деятеля, превозносившегося тем же автором не далее, как за пять лет до этого 10). В промежутке между сравниваемыми нами публикациями вышли в свет «Воспоминания» Витте!). Озадаченные этими высказываниями, редкие его сторонники из монархического лагеря отвернулись от него. Что же касается до его противников, они могли лишь радоваться тому, что представлялось им непревзойденным скандалом. Правильная оценка происшедшего требует, полагаем мы, более вдумчивого подхода.

Чтобы объяснить себе вспышки раздражения и гнева Витте, не следует терять из вида обстоятельств их вызывавших. Надо помнить о том, насколько он страдал от обвинений наносивших удары его самолюбию и позоривших его имя. Доста-

точно указать хотя бы на то, что он был дважды объектом покушений на его жизнь, организованных, как это теперь доказано, крайне правыми организациями 11). Следственная процедура, которая велась по этому поводу полицией и судебными властями, была приостановлена, и решение об окончательном прекращении его дела санкционировано высочайшей резолюцией. Вместе с тем распространялись слухи, что покушения симулированы самим Витте, в целях увеличения своей популярности в левых кругах. Не трудно понять негодование жертвы подобных махинаций, лишенной к тому же каких либо средств защищать себя.

Но это еще не всё. Представим себе душевное состояние человека, оказавшегося достаточно проницательным, чтобы предвидеть несчастья обрушившиеся не только на Россию, но и на Западный мир, и сумевшего при этом указать средства, которые позволили бы избежать их. Вспомним об его усилиях открыть глаза тем, кто беспрестанно становится поперек его пути и кому в конце концов удалось отстранить его от власти. С какой безнадежностью должен был он встречать непонимание, недобросовестность и даже презрение, проявившиеся по отношению к нему! Не забудем к тому же, что если посредственность его противников не позволяла им отдавать себе отчет в том, к чему вели их поступки, страшная картина судьбы уготованной его родине не переставала волновать Витте. Может быть нам станет тогда понятным, что означали страстные филиппики его посмертных воспоминаний. И вместо раздражения и злобы, которые они возбуждали в его современниках, мы ответим на них снисходительностью и сочувствием.

Наряду с суровыми замечаниями о носителе Верховной власти, мемуары Витте содержат неоднократные заверения в его преданности не только монархическому принципу, но и особе его государя. Его критики взяли за правило обходить молчанием такие его высказывания. Должно быть, потому, что они считали их не заслуживающим внимания выражением лицемерия. А между тем мы имеем здесь дело с самыми основами политической мысли Витте, краеугольным камнем того, что можно было бы назвать его идеологией. «Многие, как прежде, так и теперь не понимают», писал он в своих воспоминаниях, «что сила царя, как и всякого монарха, в своего рода таинстве-секрете, недоступном познанию людей, наследии-наследственности». И, чтобы конкретно пояснить свою

мысль, он добавляет : « Никто ближе не знает Николая II как царя, никто лучше меня не знает его пороки и слабости как государя, но тем не менее я по убеждению, как перед Богом, говорю, что не дай Господь, если что-либо с ним случится... Ибо покуда Россия не найдет себе мирную пристань в мировой жизни, покуда всё расшатано, она держится только тем, что Николай II есть наследственный, законный наш царь » 12).

Религиозные убеждения Витте были глубоки и искренни. Высказываясь в пользу монархического образа правления, он не настаивает, однако, на тех сторонах его, которые обычно занимают первое место в мировоззрении защитников богоустановленности монархии. То, что он подчеркивает, — это « природность » царской власти. Он имеет в виду ее непрерывность, автоматический характер замены главы государства, в случае его смерти, его преемником.

Личность монарха не должна быть, по его мнению, непременно выдающейся. Он прекрасно сознает невозможность видеть на троне ряд « гениев ». В перечне качеств, которые он считает необходимыми для носителя самодержавной власти (несмотря на свои личные разочарования, он никогда не переставал отдавать предпочтение неограниченной монархии, как наилучшей, по его словам, форме правления), « ум » занимает последнее место. Ему предшествуют « сильная воля », « характер » и « возвышенное благородство чувств и помыслов ». « Даже с ограниченным умом », пишет он, « можно быть не только хорошим, но даже великим монархом » 13). Он очевидно подразумевает императора Александра III, мощному содействию которого он был обязан успехами всех крупных начинаний первых лет своей министерской деятельности. Но и удача связанных с его именем мероприятий начала царствования императора Николая II объяснялась в значительной степени твердой поддержкой, которую оказывал ему молодой государь. Воспоминания об этом никогда не изгладятся из его памяти, и творец русской конституционной реформы сохранит до конца своих дней парадоксальную, казалось бы в его положении, привязанность к самодержавию.

Витте был монархистом не только по традиции унаследованной от нескольких поколений верных слуг трона 14), но и по своим убеждениям. Он ценил больше всего в монархическом строе его устойчивость, твердость и прямоту, которую он считал одним из отличительных его свойств. Сентиментальной стороне его взглядов следует приписать периодически

усиливавшиеся в нем чувства преданности — можно без преувеличения сказать — нежности — по отношению к императору Николаю II, и это несмотря на его многократные столкновения с ним. Поэтому-то он особенно тяжело переживал всякое отступление носителя Верховной власти от того, что он считал основными принципами монархии.

Самодержавие, как образ правления обеспечивающий независимость власти, отнюдь не отождествлялось им с режимом ставящим во главу угла произвол монарха. Еще в 1900 году, в одном из своих писем Д. С. Сипягину (предшественнику Плеве на посту министра внутренних дел и как Плеве убитому членом боевой организации партии эсеров), он подчеркивает, что царь должен соблюдать создаваемые им законы. Его роль — «установить машину действия». т. е. организовать правительственную систему. Он, конечно, может вносить изменения в ее организацию, но править без нее громадной страной он не в силах. Это исключает в представлении Витте слепое подчинение монаршей воле. Иначе, пишет он, в России «будет не самодержавие, а хаотическое управление» 15).

Цель, к которой, по его мнению, должна стремиться монархия, исключала поползновения употреблять государственную власть в узко-сословных интересах. Самодержавие, говорит он в своих воспоминаниях, надо понимать, как «высокий долг святого служения народу» 16). Если Витте и не ссылается на божественное происхождение царской власти, ему кажется невозможным, чтобы эта власть могла пренебрегать моральными принципами и действовать в противоречии со своим нравственным идеалом. «Понятие о самодержавном русском царе», пишет он, «неразрывно связано с понятием о царе, как покровителе-печальнике русского народа, защитнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на христианских началах; он связан с идеей христианства, с идеей православия». Ничто не было ему более чуждо, как мысль о классовом строе. Осуществление провозглашаемых им принципов он видел «в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих, а не в покровительстве», как тут же добавляет он, «нам (...) русским дворянам, и в особенности русским буржуа, которые не имеют того хорошего, того благородного, что встречается во многих русских дворянах, но зато в избытке имеют всё то нехорошее, что дают излишества жизни, обесценение ценности чужого труда, а иногда и чужого сердца» 17).

Приведенные строки не были для Витте чем либо случайным. Подобные им суждения встречаются в его воспоминаниях, письмах, устных высказываниях. Они связаны с оп-

ределенным строем мысли и питаются определенными духовными источниками. Этим последним мы и посвятим ближайшие страницы.

Каково же было идеологическое и политическое кредо Витте? Мы полагаем, что больше чем у какого-либо другого государственного деятеля Империи, мировоззрение, поступки и даже слабости его носят на себе отпечаток идей славянофилов. Такое утверждение может показаться неожиданным. Один из крупнейших финансовых авторитетов начала века, зачинатель планомерной индустриализации России, министр, к которому относились не без робости даже те, кто не сочувствовал ему, — славянофил, иными словами идеалист, а для некоторых и утопист не заслуживающий серьезного к себе отношения? И всётаки мы не думаем, что наше определение его духовного и умственного облика грешит чем-либо против истины. Более того, мы считаем, что невозможно понять сложную личность Витте, оставив без внимания то, что на наш взгляд составляет существеннейшие черты ее.

Судьба не была благосклонной к московским мыслителям — Хомякову, братьям Киреевским, Самарину, братьям Аксаковым — объединенным глубиной своего религиозного чувства и оставившим неискоренимые следы в истории развития русского национального самосознания. Богословы, философы, историки, писавшие и о социально-политических вопросах, занимавших в их эпоху Россию, они стоят у истоков мысли многих — и наиболее блестящих — представителей русской интеллектуальной элиты. Достоевский, Константин Леонтьев, натуралист Данилевский, Владимир Соловьев в той или иной степени их духовные потомки. Подозреваемые правительством в склонности к крамоле (их искренние монархические чувства не внушали ему доверия, должно быть потому, что они не имели ничего общего с преданностью бюрократическому абсолютизму), пренебрегаемые великими мира сего, ожесточенно критикуемые западной интеллигенцией, они вместе с тем сеяли семена, которые, при более благоприятных обстоятельствах, могли бы дать всходы достаточно крепкие, чтобы противостоять урагану революции.

Провидение изготовило им иную участь. И те, чьи мысли были поняты и оценены лишь гораздо позднее, остались в глазах многих романтиками, влюбленными в прошлое и чуждыми всякой реальности. Такая оценка принадлежала еще к категории наиболее благоприятных о них мнений, ибо в сла-

вянофилах часто видели просто реакционеров, если не шовинистов. Дело в том, что им пришлось испытать на себе превратности не редкие для движений идеологического порядка. Доктрина слишком глубокая и слишком возвышенная остается малопонятной для масс, или, вернее, для того интеллектуального «третьего сословия», которое создает общественное мнение. До тех пор пока у нее не найдутся сторонники, подвергающие ее упрощению, соответствующему их собственному уровню. Тогда она делается более доступной для толпы. Всякая вульгаризация ведет, однако, к искажению первоначальной идеи. Именно это и случилось со славянофилами.

Они, кстати сказать, не несут ответственности за данное им прозвище (основоположники славянофильства никогда не забывали, употребляя это слово, ставить его в кавычки). Оно подчеркнуло то, что, пожалуй, было наиболее спорным в их взглядах, и этим несомненно нанесло ущерб их репутации, придав ей оттенок несколько наивного расизма. Но еще больший вред причинили им их последователи из консервативного лагеря, так как, присвоив себе некоторые из их мыслей, они пользовались ими для защиты принципов и установлений против которых всегда восставали сами славянофилы 18).

Мы говорили, в свое время, о влиянии, которое имел на молодого Витте брат его матери, Ростислав Андреевич Фадеев. Перу этого его дядюшки принадлежит неплохая характеристика славянофильских взглядов, и нам хочется привести ее сейчас, чтобы напомнить, каковы были идеи способствовавшие формированию мировоззрения будущего министра. Поясним до этого, кем был генерал Фадеев. Человек незаурядный, но авантюристической складки, он создал себе довольно широкую известность, как писатель, специализировавшийся на изучении военных проблем. Политические вопросы также интересовали его и ему принадлежит несколько трудов в этой области, проникнутых ярко выраженным националистическим духом. Неудачливый кандидат на разные официальные должности, Фадеев не хотел компрометировать себя выявлением слишком большого свободомыслия и поэтому считал нужным всегда подчеркивать, что сам он не был славянофилом. Это не мешало ему «постоянно восхищаться» богословскими сочинениями А. С. Хомякова, о чем свидетельствует нам его племянник 19). Вот как, делая ряд оговорок, диктовавшихся ему его осторожностью, он высказывается о

теориях, которые в одно и то же время и притягивали его, и пугали его своей смелостью :

Славянофилы, писал в 1874 году, « были не только либералами, но либералами-утопистами (...). Они так глубоко верили в сокровенную духовную мощь русского народа, что считали возможным осуществление самых широких идеалов жизни почти без всяких обеспечений со стороны власти и закона, на началах одного полюбовного соглашения; они верили в народную правду, т. е. в разумное сельское самоуправление с общиной и круговой порукой; верили в самое широкое самоуправление областное и государственное (земский собор, как совещательное собрание); верили в полную свободу слова, служащего само себе противовесом; верили в безизъятную свободу совести и духовную вселенскую церковь, стоящую исключительно на единодушии верующих, вне всякой охраны со стороны государства (...); ограничивая в своей теории действие администрации одною внешнею, фактической стороною жизни, были противниками всяких предупредительных стеснений; свято (хотя не слепо) чтили науку, и так далее » 20).

Трудно возразить что-либо против этого краткого определения идеологических, политических и социальных позиций движения, возбуждавшего одинаково враждебные реакции и справа, и слева. Книга Фадеева, где мы заимствовали эти строки, имела целью показать радикальной интеллигенции, что, практически, идеалы традиционалистов чистой воды приближались к ее собственным пожеланиям. Поэтому он не остановился, как это следовало бы сделать, на монархической стороне доктрины славянофилов. В действительности, она составляла один из ее основных элементов. Правда, их монархизм носил довольно своеобразный отпечаток. Хомяков придавал, например, особое нравственное значение тому факту, что династия Романовых приобрела наследственную власть путем народного избрания 21). Своеобразие монархизма славянофилов вытекало также из их взгляда на природу власти. Они рассматривали ее не как привилегию, а как бремя. Неизбежная во всяком человеческом обществе, она составляет тяжкую обязанность несущих ее. Народ вручает полноту самодержавной власти царю, дабы, освободившись от ее тягот, всецело отдаться своему духовному призванию. На нем лежит, однако, долг — долг, а не право, и в этом славянофильские воззрения резко отличаются от демократических концепций Запада, — приходить на помощь православному государю советом, ибо отказавшись от власти, народ сохраняет полноту мнения. Славянофилы не представляли себе общества

иным нежели христианским. Если народ обязан повиноваться царю, то долг царя защищать свободу веры народа и обеспечить ему условия, необходимые для его духовного развития.

Вернемся теперь к цитированным нами выдержкам из писаний Витте. Его письма Победоносцеву, вызванные спорами о стесненном положении печати, его записка о неискоренимости самой идеи свободы, врученная 9 октября 1905 года государю Николаю II, высказывания его воспоминаний с сущности самодержавной власти выражают те же чувства, защищают — может быть немного упрощенно, но всётаки очень отчетливо — те же начала. В этом не было случайного совпадения. Мы узнаем из воспоминаний Витте, что его колебания по отношению к вопросу о сельской общине, в первые годы его министерской деятельности, объяснялись главным образом влиянием, которое оказывало на него учение славянофилов. « Аксаковы, Хомяковы и прочие члены этой чистой плеяды русских идеалистов, к тому же людей с громадными талантами, владели моим сердцем », говорит он. « И доньне (это писалось в 1910 году, М. Э.), я храню к ним род влечения » 22).

Излагая чувства, которые внушали ему проповедники идеала христианского общества, Витте не указывает, что сам он сотрудничал в свое время в славянофильском еженедельнике « Русь », издававшемся И. С. Аксаковым. В 1885 году, т. е. за семь лет до своего назначения министром, он поместил в нем статью, одного заглавия которой — « Мануфактурное крепостничество » — достаточно, чтобы составить себе представление о настроениях ее автора 23).

Чем был озабочен Витте в этот период, когда, несмотря на свои 36 лет, он занимал уже ответственный пост в администрации крупного частного железнодорожного предприятия? Он констатирует торжество в мире покровительственной таможенной системы (протекционизм). Призванная облегчить развитие промышленности применяющих ее стран, она способствует увеличению их богатства, но и ведет к непомерному росту городского пролетариата. Сотрудник славянофильского органа обеспокоен материальной и моральной участью нарождающегося рабочего класса. Отметив, что классическая политическая экономия больше интересуется созданием вещественных благ, нежели судьбой тех, кто создает эти блага, он пишет, что « личность человека и его скромное индивидуальное счастье пропало в этой теории ». Господствующая в

мире экономическая система превращает бывших земледельцев в « пролетариат, оторванный совершенно от земли, живущий изо дня в день, подверженный всем капризам колебания рыночных ценностей, тупеющий и расслабленный от бессмысленной механической работы, где человек обращается в автомата ». « Чтобы избежать в высшей степени печальных последствий, вызванных на Западе чрезмерным развитием мануфактур », говорит он, « чтобы не уродовать духовно и телесно русский народ, настоятельно необходимо, чтобы развитие русского мануфактурного дела шло под влиянием более ясного понятия о национальном богатстве, нежели то, которое царствовало на Западе под влиянием учения Манчестерской школы ».

Каковы же практические меры, намечаемые им для предотвращения положения, в коем он видит настоящее народное бедствие? (Заметим, что он описывает его в выражениях очень близких тем, которые употребляются современными нам критиками « общества потребления »). Ему представляется возможным, путем соответствующей системы внутренних налогов, « получить более или менее справедливое распределение » национального богатства. Он понимает, говоря это, поддержку хозяйственных отраслей, которые кажутся ему наиболее важными для народного благополучия : кустарного производства, промышленности обрабатывающей продукты сельского хозяйства и т. д. Недостаточность подобных мер, особенно, приняв во внимание крупнейшие задачи, стоявшие перед Россией в годы ее экономического переустройства, должна была сделаться очевидной для него, как только он встал во главе хозяйственного управления страной. Поэтому мы не будем останавливаться на них. Более интересны для нас его замечания относящиеся к рабочему законодательству. Здесь он прямо указывает на необходимость скорейшего установления « полных законов о рабочих и строгой инспекции для надзора за их исполнением ». Он имеет в виду регулирование продолжительности рабочего дня, установление ответственности предпринимателей на случай смерти или увечья рабочих и вообще введение в России того, что называется сейчас « социальным страхованием ».

Последнюю часть экономической программы, которую он рекомендовал вниманию правительства, не имея еще ни малейшей надежды придти когда-либо к власти, Витте пытался посылить выполнить сделавшись министром. Чтобы

убедиться в этом, нам придется уделить немного внимания осуществленным или намеченным им социальным мероприятиям.

При нем была реорганизована и значительно расширена, учрежденная его предшественниками, фабричная инспекция. В круг ее функций входило как наблюдение за исполнением законов, так и содействие мирному разрешению споров между фабрикантами и рабочими 24). В 1897 году, после длительного обсуждения разными правительственными инстанциями вопроса о нормировке труда, Государственный Совет одобрил выработанный комиссией министерства финансов проект закона понижавший максимальную длительность рабочего дня с 13 часов (его тогдашний фактический уровень) до 11 1/2 часов. Высший законодательный орган Империи встал при этом на точку зрения Витте, признав, что уменьшение числа рабочих часов не должно иметь своим последствием сокращение заработка рабочих 25). Чтобы отдать себе отчет в значении такой меры, — установленная ею норма кажется нам теперь непомерно высокой, — следует помнить, что в Германии, одной из самых передовых, в отношении социального законодательства, стран Европы, продолжительность рабочего дня равнялась тогда 11 часам. (О степени отсталости России в этой области позволяет судить последовательное понижение максимального рабочего дня в Пруссии: 14 часов в период между 1852 и 1858 годами, 13 часов между 1860 и 1867, 12 часов между 1868 и 1878. Хотя и с опозданием в двадцать лет, Россия все-таки постепенно приближалась к европейским образцам) 26).

Общая направленность социальной политики Витте, больше чем отдельные реформы, которые ему удалось осуществить за время его пребывания у власти, свидетельствовала о том, что он оставался верен идеалам своей молодости. Так, еще в 1898 году его министерство разрабатывало законопроект о свободе стачек «не нарушающих общественного порядка». Оппозиция, которую предполагавшаяся легализация забастовок встретила в правительственных кругах, заставила отсрочить обсуждение ее до 1905 года 27).

В 1902 году министерство финансов готовило проекты нескольких законов, касавшихся рабочих организаций (создание института фабричных старост, учреждение обществ взаимопомощи, разрешение профессиональных союзов). Одно лишь избрание рабочими каждого промышленного предприятия своих представителей получило одобрение междуведомственной правительственной комиссии. Их ввел в русскую индустриальную практику закон 10 июня 1903 года. Об-

щества взаимопомощи начали функционировать в 1905 году 28).

Вопрос о рабочем страховании был частично разрешен законом 2 июня 1903 года, установившим право на получение пенсий рабочих, утративших трудоспособность вследствие увечий 29). Ряд других мероприятий, над которыми финансовое ведомство работало под руководством Витте, был проведен в жизнь уже после его ухода из правительства (страхование рабочих от последствий болезни и старости, и семейств их на случай их смерти, врачебная помощь рабочим и т. д.) 30).

В 1910 году, т. е. через четыре года после оставления им поста Председателя совета министров, соответствующие законопроекты, принятые Государственной Думой, поступили на обсуждение Государственного Совета. Витте, продолжавший оставаться его членом, энергично защищал их. В своей речи 5 мая 1910 года, он выступил против ораторов, пытавшихся возложить на одно правительство ответственность за медленное развитие законодательства о труде. « При проведении всех законов, касающихся рабочих, в Государственном Совете », заметил он, « я всегда встречал громадный отпор, громадную критику от тех членов Государственного Совета, которые вместе с тем и крупные промышленники » 31).

Обсуждение отдельных « страховых законов » обеими палатами продолжалось несколько лет и в апреле 1912 года они снова рассматривались Государственным Советом. Витте опять, с обычным для него пылом, участвовал в прениях. Возражая оппозиции, ведущую роль в которой играли представители фабрикантов, он сослался на выгоды, проистекающие для русской промышленности от протекционизма, на ее высокую доходность, равно как и на низкий уровень заработной платы в России (в среднем около 250 рублей в год, против 450 рублей в Германии, 540 во Франции и 550 в Англии). При наличии таких условий производства, он считал справедливым, « чтобы и промышленники понесли некоторые жертвы при страховании рабочих » 32).

Не безынтересно отметить, что позиция, занятая им во время упомянутых дискуссий, была квалифицирована одним из членов торгово-промышленной группы Государственного Совета (Г. А. Крестовников), как « возбуждение вражды одного класса населения против другого, рабочих против работодателей » 33). В этом, очень показательном для умонастроения известных кругов заявлении, сказывалось, конечно, полное непонимание мотивов им руководивших. Для нас очевидно соответствие поведения Витте в названных дебатах основам его мировоззрения.

Если взгляды Витте на цели государства и обусловленные ими обязанности власти по отношению к народу находились в несомненной связи с влиянием на него славянофилов, нельзя не приписать тому же влиянию и некоторые его иллюзии, ставшие одной из причин неудачи предпринятого им конституционного эксперимента. Для него была всегда характерна неискоренимая вера в конечное торжество здравого смысла. В октябре 1905 года он надеялся на поддержку, как общественной элиты, так и носителя Верховной власти. И в том, и в другом ему было, в конечном итоге, отказано, что и положило предел его активной политической деятельности. Как бы то ни было, он остается в наших глазах наибольшим «славянофилом» — в лучшем смысле придаваемом этому слову — из всех министров Империи.

Докладная записка о назначении государства, составленная для императора Николая II в самый острый период октябрьского кризиса 1905 года, перечисляет формы правления известные истории: монархию, неограниченную и ограниченную, республики разных типов т. д.; в ней упоминается даже о капиталистическом строе, как системе организации общества. Не без удивления видим мы, что она не высказывает никаких критических замечаний на их счет. Это объясняется по всей вероятности тем, что по замыслу Витте, перечисление различных видов власти должно было только подчеркнуть основную мысль его доклада о неизбежности их постепенного вырождения: пренебрегая своими первоначальными целями, все формы правления приходят в конце концов к замене преданности идеалу служением одной лишь видимости, оторвавшейся от своего прежнего содержания.

Записка от 9 октября 1905 года выражает тем не менее нечто большее нежели простое утверждение этой, подтверждаемой многими историческими примерами, истины. В ней сказывается некоторая индифферентность Витте к системам государственного устройства. Первостепенное значение придавалось им лишь принципам, вдохновляющим государство; всё остальное рассматривалось, как средства управления, изменяющиеся в зависимости от потребностей времени и места.

Он имел случай уточнить свои взгляды на этот вопрос, предприняв в 1913 году переиздание одного текста, опубликование которого, двенадцать лет до этого, сильно повредило ему в глазах общественного мнения. Прежде чем говорить о нем, мы приведем выдержки из позднейших объяснений Вит-

те по этому поводу. Они кажутся нам интересными, так как выявляют то, что в сущности составляло его подлинный образ мыслей.

« Я искренно и глубоко верю », говорит он, « что основа действительной силы всякого государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрепшая к самодеятельности личность (...). Я полагал и полагаю, что для развития личной и общественной самодеятельности, формы правления и тесно связанные с ними формы управления сами по себе решающего значения не имеют (...). Формы эти не заказываются и не сочиняются, а в тех случаях, когда навязываются стране, — не служат к добру для страны. Как республиканский, так и монархический режим (...) могут быть и хорошим и плохим средством управления. Каждый из них может обеспечить личную свободу, общественную самодеятельность, способствовать экономическому и культурному преуспеянию народа, может и обратно — давить как отдельную личность, так и целый народ, одинаково покровительствовать только некоторой части населения и держать народ в нищете, полной экономической зависимости и умственном невежестве, Существенна не форма, а ее внутреннее содержание, не то, какая форма, а как она осуществляется (...) » 34).

Приведенные нами слова были написаны для выяснения и оправдания позиции, занятой их автором в известной записке о земстве, представленной им императору Николаю II в 1899 году и опубликованной два года спустя П. Б. Струве в Штутгарте. Надо признаться, что объяснения эти не особенно удовлетворяют нас, как не удовлетворяли они и их современников. Единственное, что нам кажется возможным извлечь из них — это отмеченный уже нами взгляд Витте на системы управления, как на что-то второстепенное, занимающее, во всяком случае, подчиненное положение по отношению к самим принципам осуществляемым властью. Что же касается до значения, которое он придавал свободной самодеятельности личности, как основе могущества всякого государства, то в этом он был постоянен. Фразу выражающую соответствующую мысль, повторенную в 1913 году, мы находим уже в столь шумевшей записке 1899 года.

Записка эта, сообщенная узкому кругу высшей административной иерархии, попала в руки оппозиции и, как мы это указали, была опубликована за границей 35). Обнародование ее вызвало резко отрицательную реакцию либеральных кругов. Действительно, Витте отстаивал в ней принципы однородности начала полагаемого в основу устройства национальной жизни, указывая на противоречие между самодержавным го-

сударственным строем и выборным земским самоуправлением; попутно он высказался самым решительным образом против какой бы то ни было конституции. Не совсем ясно, какую точно цель преследовал он, представляя ее государю. Есть данные свидетельствующие о том, что она послужила ему орудием в его полемике с тогдашним министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным 36). Нам лично это произведение представляется скорее своего рода «гимнастикой ума», нежели документом глубоко принципиального значения. Эффект, произведенный запиской в общественных кругах, был во всяком случае таков, что Витте пришлось пожалеть о том, что он скрепил ее своей подписью. Следует, однако, отметить, что в этом вопросе он был по-своему последователен: Записка о земстве относится к периоду, когда им владело убеждение о вредности для России конституционного строя. Такая точка зрения была свойственна ему вплоть до самой революции 1905 года. Разговор его с статс-секретарем А. А. Половцовым (апрель 1902 г.) 37), так же как его беседа с князем Бюловым (июль 1904 г.) 38) не оставляют в этом никакого сомнения.

Как же можно объяснить происшедшую в его взглядах перемену, заставившую его стать, осенью 1905 года, активным сторонником введения в России конституционного режима?

Одной из главных причин изменения его воззрений было убеждение — к которому он пришел не сразу — о несоответствии носителя Верховной власти его роли самодержавного монарха. Витте очень ясно высказывается об этом в своих воспоминаниях. «При самодержавном неограниченном правлении», говорит он, «в те периоды, когда являются несоответствующие, и особенно совершенно несоответствующие, неограниченные правители, страна подвергается самым ужасным испытаниям. Неограниченный самодержец в самое короткое время может разрушить всё, сделанное его предшественниками» 39).

Страшное признание в устах человека никогда не перестававшего выражать свою привязанность к началам самодержавия! И теперь, только подчеркнув еще раз, что оно отвечает и его «семейным традициям» и «складу» его «ума и сердца», решается он изложить вывод, ставший для него неизбежным «после всего пережитого»: «другого выхода, как разумного ограничения, как устройства около широкой дороги стен, ограничивающих движение самодержавия, нет» 40), пишет он. Чтобы сразу же добавить: «Это по-видимому неизбежный исторический закон».

Тут перед нами второй фактор, обусловивший его решение: твердая уверенность в том, что нельзя управлять стра-

ной не заручившись поддержкой народных масс или по крайней мере их культурного слоя, даже, если такая поддержка требует известного доктринального компромиса. Нечувствительный к соблазнам политического рационализма, видящего в подсчете голосов высшее мерило законности власти, Витте тем не менее полагает, что никакое правительство не может существовать в атмосфере изоляции от окружающей его среды. Он отказывается от того, что теоретически почитает лучшим, дабы восстановить утраченное единение власти и общества. Но делая эту уступку, он не перестает сомневаться в основательности всеобщего увлечения парламентаризмом. « Все страны перешли к конституционному правлению », пишет он, « и пришли к нему не без конвульсий. При таком положении вещей, хотя бы основанном на человеческом заблуждении, трудно, а при данных обстоятельствах невозможно держаться на образе правления, постепенно уже откинута » всеми народами 41). « Как бы ни была несовершенна система парламентского управления, ныне она выражает собой политическую психологию народов, и от нее не уйти » 42).

Ему тем не менее претит мысль, что временное — как всякая привязанность — пристрастие толпы может почитаться последним словом политической мудрости. « Весьма вероятно », замечает он, « что нынешний мировой конституционализм есть историческая фаза движения народов. Через десятки, сотни лет человечество найдет другие формы, соответствующие своему вновь появившемуся самосознанию. Может быть, опять родится стремление к единоличному управлению судьбами народов » 43).

Его предчувствия не обманули его. Полвека оказалось достаточным, чтобы нанести серьезный урон престижу парламентарных режимов. И « персональная власть », так же неожиданно, как и повсеместно, переживает на наших глазах свою вторую молодость.

(Продолжение следует)

М. Н. Энден

ПРИМЕЧАНИЯ

1) А. Н. Наумов, *Из уцелевших воспоминаний* (1868-1917), Нью-Йорк, 1955, кн. II, стр. 32-37.

2) Вот как, отдав должное возвышенным взглядам императора Николая II на свою роль « главы народа », последний министр финансов Империи (1914-1917), П. Л. Барк, характеризует, в своих воспоминани-

ях, положение сановников, управлявших отдельными ведомствами: «Министры действовали от его (государя, М. Э.) имени, как могли бы действовать служащие, приставленные к его персоне и обязанные выполнять его волю». **Возрождение**, тетрадь 43, июль 1955 г., стр. 22-23.

3) Несмотря на реорганизацию в 1905 году совета министров, русское правительство продолжало, до самой революции 1917 года, ощущать последствия органических дефектов своей структуры, связанных с недостаточностью прав его главы по отношению к его членам. См. замечания об этом А. Н. Наумова (министра земледелия с ноября 1915 по июль 1916 г.), указ. соч., кн II, стр. 529, а также кн. В. Н. Шаховского (министра торговли и промышленности с февраля 1915 по февраль 1917 г.), *Sic transit gloria mundi*, Париж, 1952, стр. 58.

4) **Гр. С. Ю. Витте и Николай II в октябре 1905 г.**, доклад Государственного Секретаря бар. Ю. А. Иксуля государю от 24 октября 1905 г., **Былое**, Ленинград, 1925, № 4 (32), стр. 107.

5) Граф В. Н. Коковцов, **Из моего прошлого, Воспоминания** (1903-, 1919), Париж, 1933, т. 1, стр. 90, 100, 105 и 117.

6) Письмо Теодора Рузвельта, адресованное 12 сентября 1905 г. Sir George Trevelyan, цитир. по Joseph Bucklin Bishop, *Theodore Roosevelt and his time*, London, 1920, т. I, стр. 418-419.

7) В. И. Ковалевский, **Исполни мысли, Биржевые Ведомости**, 1915, № 14704, цитир. по Б. Б. Глинский, **Граф С. Ю. Витте, Исторический Вестник**, Петроград, апрель 1915 г., т. 140, стр. 256.

8) Б. Глинский, **Легенда о портсмутском договоре, Исторический Вестник**, апрель 1913 г., т. 132, стр. 266.

9) Цитировано по Б. Б. Глинский, **Граф С. Ю. Витте, Исторический Вестник**, апрель 1915 г., т. 140, стр. 254.

10) **Страницы из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник И. Я. Коростовец, секретаря графа Витте**, изд. 2-ое, Пекин, 1923, стр. V-XVII и XXI - XXII.

11) Уже в эмиграции, бывший начальник петербургского охранного отделения, ген. А. В. Герасимов, дал об этом подробные сведения в своих воспоминаниях, *Général Guerassimov, Tsarisme et Terrorisme*, Paris, 1934, стр. 243-245.

12) С. Ю. Витте, **Воспоминания**, Москва, 1960, т. 2, стр. 555.

13) Там же, стр. 305.

14) См. слова его французскому послу Морису Бомпару, *Documents Diplomatiques Français*, 2e Série, t. X, № 60, p. 88, Bompard à Bourgeois, le 16 Mai 1905.

15) **Письма С. Ю. Витте к Д. С. Сипягину** (1900-1901), **Красный Архив**, Москва, 1926, т. 18, стр. 31-32.

16) Витте, **Воспоминания**, т. 3, стр. 63.

17) Там же, т. 1, стр. 414-415.

18) См. об этом брошюру старшего сына А. С. Хомякова, Дмитрия Алексеевича, **Самодержавие**, Москва, 1903. Как указывает предисловие автора ко второму изданию ее (Москва, 1905), она «была напечатана в 1903 году на правах рукописи в количестве 50 экземпляров, большого количества и на общем основании напечатать не было дозволено».

19) Витте, **Воспоминания**, т. 1, стр. 24.

20) Ростислав Фадеев, **Русское общество в настоящем и будущем**, С. Петербург, 1874, стр. 16.

21) А. С. Хомяков, **Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях**, полное собрание сочинений, 3-е изд., т. 2, Москва, 1886, стр. 36.

22) Витте, **Воспоминания**, т. 2, стр. 498.

23) **Русь**, Москва, № 3, 19 января 1885 г.

24) См. статью Theodore Von Laue, *Factory Inspection under the «Witte System» : 1892-1903*, *American Slavic and East European Review*, vol. XIX, 1960, № 3.

25) А. Ф. Вовчик, **Политика царизма по рабочему вопросу в пред-революционный период**, Львов, 1964, стр. 181-183.

- 26) Claude Fohlen, *Le travail au XIXe siècle*, Paris, 1967, p. 248.
- 27) Вовчик, указ. соч., стр. 89, 98.
- 28) Там же, стр. 96-98, 204.
- 29) Там же, стр. 199, 203.
- 30) Там же, стр. 95.
- 31) Государственный Совет. Стенографические отчеты, сессия V, 1909-1910, стб. 2638-2639, цитир. по А. Я. Аврех, **Столыпин и Третья Дума**, Москва, 1968, стр. 248.
- 32) Аврех, указ. соч., стр. 269.
- 33) Там же, стр. 250.
- 34) Цитировано по Б. Б. Глинский, **Граф С. Ю. Витте, Исторический Вестник**, июль 1915 г., т. 141, стр. 208-209.
- 35) Она появилась в виде брошюры в Штутгарте, в 1901 году, под заглавием **Самодержавие и земство** и была переиздана там же в 1903 году (оба издания с предисловиями П. Б. Струве). В Петербурге она вышла в 1908 году с предисловием Череванина. Сам Витте опубликовал ее в 1913 г. в исправленном и дополненном виде, в своей книге: **По поводу непреложных законов государственной жизни**. Приведенные нами цитаты заимствованы из этой последней ее редакции.
- 36) По мнению В. К. Плеве, высказанному правому земскому деятелю Д. Н. Шипову, практической целью записки было удаление с его поста Горемыкина, что действительно осуществилось в октябре 1899 года. «Нет министра более убежденного в необходимости общественной независимости и широкого развития общественного самоуправления, нежели С. Ю. Витте», заметил при этом Плеве. (Д. Н. Шипов, **Воспоминания и думы о пережитом**, Москва, 1918, цитировано по английскому переводу приведенному в воспоминаниях Вл. И. Гурко, *Features and Figures of the Past*, Stanford, 1939, стр. 694-695). Витте не открыл, кто именно составил для него названную записку, отмеченную исключительно обширной эрудицией. По его собственному признанию, сделанному после революции одному из его политических единомышленников в эмиграции, Ефимовскому, автором ее был Вл. И. Гурко (Евгений Ефимовский, **Причины и следствия, Возрождение**, тетрадь 111, март 1961 г., стр. 89). Факт примечательный, не только потому, что Гурко, став членом Государственного Совета по выборам, был, во время войны 1914 г., одним из видных деятелей Прогрессивного блока, но и оттого, что в своих воспоминаниях (изданных, к сожалению, только по-английски), он постоянно выступает как страстный антагонист Витте.
- 37) **Дневник А. А. Половцова, Красный Архив**, 1923, т. 3, стр. 139.
- 38) *Correspondance secrète de Bülow et de Guillaume II*, цитир. соч., стр. 53-54. Письмо Бюлова императору Вильгельму II, 15 июля 1904 г.
- 39) Витте, **Воспоминания**, т. 2, стр. 305-306.
- 40) Там же, стр. 306.
- 41) Там же, стр. 306.
- 42) Там же, стр. 307.
- 43) Там же, стр. 307.



Адмирал А. В. Колчак

2. ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ И ТРАГИЧЕСКОЙ СМЕРТИ

В текущем году исполнилось пятьдесят лет со времени окончания гражданской войны в России. В предыдущем выпуске «Возрождения» помещена была история жизни, достижений и избрания адмирала Колчака Верховным Правителем. Но, несмотря на обилие воспоминаний и специальных трудов, посвященных трагедии адмирала, еще остается много вопросов относительно причин его неудач, как главы антикоммунистического движения начатого из Сибири *). Между тем многое теперь, после сделанных ранее оценок и опубликованных воспоминаний, представляется в ином свете, при лучшем понимании международной обстановки 1918-1919 гг. и, особенно, обстановки в Сибири, где адмиралу пришлось выполнять свои очень ответственные обязанности **).

Теперь стало легче понять, какое тяжкое бремя принял на себя адмирал, какие неизбежные трудности приходилось ему преодолевать, как возможен был, тем не менее, успех и какие неблагоприятные условия сибирской действительности привели к роковому концу. Сам адмирал и его ближайшие сотрудники считали его главной задачей руководство военными операциями и обеспечение войск необходимым для них снабжением. Союзники это снабжение ему облегчали, но создать благоприятные политические условия и устранить неблагоприятные особенности сибирской действительности ни адмирал, ни союзники не могли.

Необходимо установить, в каких условиях, с какими помощниками приходилось формировать армию, чем вызваны были отступления после крупных успехов, в каких отношениях сибирские условия были особенно неблагоприятны и почему успехи на территории Европейской России прерывались и заканчивались отступлениями.

*) Сообщения в книге автора, «Сибирь, союзники и Колчак», изданной в 1921 г. и цитируемой ниже кратко «С. С. и К.», значительно дополнены Проф. Мельгуновым в его четырехтомном труде **Трагедия адмирала Колчака**, Белград.

**) Труды на иностранных языках цитированы автором в его статье, посвященной Интервенции в Сибири (на англ. языке). См. *The Russian Review*, Oct. 1969. «The Siberian Intervention».

Тяжкое бремя « верховной » власти

Советские силы на всех фронтах гражданской войны находились под руководством одного и того же центра, Москвы. Со стороны противников коммунистической власти действовали, кроме адмирала, генералы Деникин, Юденич, атаман Донского Казачьего войска Краснов, на севере — ген. Миллер, которому, однако, не пришлось вести наступательных операций. Все эти генералы назывались Командующими или, как Деникин, — Главнокомандующим, но им приходилось неизбежно принимать на себя и некоторые административные функции. Полномочия адмирала Колчака были шире : он был « Верховным правителем ». Директория, избранная в Уфе, считала себя потенциально всероссийской властью, адмирал был избран после переворота единоличным заместителем Директории, а потому и назван был Верховным правителем. Избранию Директории предшествовало возникновение в Самаре так называемого « комуча », как кратко назывался « Комитет членов Учредительного Собрания ». Предполагалось, что к собравшимся в Самаре присоединятся другие члены Учредительного Собрания и что тогда восстановится оно само *).

На основе этих воображаемых обстоятельств и условных допущений возникло представление о « всероссийской власти », возглавленной Верховным Правителем. Несмотря на всю условность приведенных заключений, и Деникин, и Юденич признали адмирала Верховным Правителем и, таким образом, фактически мог возникнуть общий центр и одна руководящая центральная власть. И действительно, адмиралу приходилось разрешать вопросы крупного общероссийского значения : так, например, Фельдмаршал фон Маннергейм предложил адмиралу двинуть свои финские войска на Петроград, если адмирал признает независимость Финляндии; ген. Юденич сообщил, что он может приступить к подготовке похода на Петроград, если адмирал даст ему разрешение считаться с фактом объявления Эстонией ее независимости, так как иначе возникшее в Эстляндии правительство не допустит формирования на его территории русских военных частей. Эти два примера свидетельствуют о той компетенции, представлении о которой связано было со званием и положением Верховного Правителя.

Сам адмирал считал наиболее важным и ответственным

*) Поскольку в Учредительном собрании было большинство членов партии социалистов-революционеров, кратко « эсеров », партия эта, возглавлявшаяся Черновым, заранее претендовала на руководящую роль.

свое положение Верховного Главнокомандующего. Но, как моряк, он не мог претендовать на непосредственное руководство военными операциями. План кампании обсуждался, несомненно, с его участием высшими начальниками отдельных частей. Некоторые из этих частей носили название армий не в соответствии с их численностью, а скорее вследствие своих специальных заданий и географического расположения. Ставка Адмирала, как Верховного Главнокомандующего, находилась в Омске и начальник Штаба в этой ставке был постоянным докладчиком и руководил разработкой деталей принимавшихся генералитетом и получавших одобрение адмирала планов кампании. Фактическое выполнение их зависело, несомненно, в большей степени от непосредственных руководителей отдельных операций, чем от ставки а также от благопритствовавших или, наоборот, создававших непредвиденные трудности условий.

Адмирал не раз выезжал на фронт. Со свойственным ему мужеством и с сознанием важности личного пребывания на фронте в районе военных действий, он обходил ряды войск чуть ли не под обстрелом и этим ободрял сражавшихся. В числе командиров было немало видных и опытных генералов. В Омск была переведена Академия Генерального Штаба, находившаяся в Казани, когда этот город был занят белыми еще до избрания Верховного правителя. В Казани находились некоторые профессора Академии и ее Начальник, ген. Андогский. Они работали в ставке и военном министерстве. Ген. М. В. Дидерихс, не раз отличавшийся во время военных действий на русско-германском фронте и занимавший видное место в командном составе русской армии, сотрудничал теперь с адмиралом. Ген. В. И. Сурин занял пост товарища Военного министра и заведывал снабжением армий.

Избрание адмирала совпало с временем больших успехов на фронте. Следует указать, что, как это часто бывало во время гражданских войн, среди командиров появлялись смельчаки и энтузиасты, которые выдвигались вне всякой очереди и занимали видное положение в командном составе не по праву выслуги лет, а по важности их успехов. В числе таких выдвинулись особенно, еще до возглавления всей кампании адмиралом, Каппель и Пепеляев. А. Пепеляев выдвинулся просто как смельчак, близкий к солдатам по своим привычкам и прямоте обращения и как беззаветно преданный своей родине Сибири. Другим был офицер генерального штаба, гвардеец В. Каппель. Это был не только патриот, готовый к самопожертвованию, но в то же время талантливый командир с почти гениальной находчивостью. С горстью людей он нападал на со-

ветские части и совершал непредвиденные маневры. Его смелости и силе натиска белые были обязаны почти всеми начальными успехами на Самарско-Волжском фронте и взятием Казани, откуда были вывезены золотой запас и, как уже упомянуто, часть преподавателей Академии Генерального штаба. При адмирале в состав командиров отдельных частей был включен и чех Гайда, с которым как попутчиком адмирал познакомился во время переезда из Владивостока в Омск.

При том офицерском составе военных сотрудников, которыми располагал адмирал, успехи были возможны и они не только были, но, как засвидетельствовали документы, опубликованные в СССР в 1961 г. в Сборнике «Из Гражданской войны», они создавали панику в Москве.

Однако, дважды начинавшиеся наступления армий Колчака оба раза после больших успехов заканчивались отступлениями. Кто виновен в этом? Не было ли допущено роковых ошибок? Все ли военные сотрудники адмирала отвечали своему назначению? Прежде чем говорить об ошибках, следует напомнить, что советские власти в начале революции поощряли солдат, срывавших погоны с офицерской одежды и их другие дикие выходки и, в результате этого натравливанья солдат на офицеров, оставили красную армию без опытных руководителей. Правда, в советской армии появились способные и воодушевленные вожди и выдвинувшиеся из солдатской массы офицеры. Но опыт гражданской войны показал советским руководителям, что одного революционного энтузиазма недостаточно для победы и в Москве было решено привлечь «на службу народа» офицеров царской армии.

Так или иначе, во второй половине 1919 года красная армия окрепла и сломить советское сопротивление стало значительно труднее чем это было раньше. И дальше, чем больше затягивалась гражданская война, тем сильнее становилось сопротивление со стороны красных сил. Они стали уже проявлять инициативу. Всё же успех был еще возможен. Большевики, например, очень боялись соединения армий Колчака с армией Деникина. Особенно боялись они этого соединения на берегах Волги, так как это могло отрезать центральные части России от районов снабжавших продовольствием промышленные центры.

Между тем, такого соединения не произошло. Больше того, вообще ни разу не было совпадения наступлений с юга армии ген. Деникина и с северо-востока армии адмирала. Формальной причиной этого могла быть самостоятельность действий каждой из этих двух групп войск. Адмирал, быть может, не считал удобным давать указания Деникину, как более

компетентному вождю операций, происходивших на суше. Во всяком случае, одновременных наступлений ни разу не состоялось. Колчак начинал, Деникин не поддерживал. Начинал Деникин, когда Колчак уже отступал. Между тем, красные силы не могли бы выдержать одновременного наступления с разных сторон. У Деникина положение было сложнее, чем на Сибирском фронте, ввиду сложных отношений с Украиной, оккупированной фактически немцами, и ввиду независимости политики Донского Казачьего войска, о чем подробно рассказал ген. Деникин в своей *Истории Русской смуты*. Были у Деникина разногласия и с ген. Брангелем, рекомендовавшим соединение с армиями адмирала на Волге.

Может быть, не лишены были значения военные честолюбия. В этом отношении у автора настоящей статьи есть некоторые подозрения в отношении Омской Ставки. В Омск прибывали крупные количества разного рода снабжения. Ген. Нокс работал в этом направлении с большим энтузиазмом и очень продуктивно. В совещании о нуждах в снабжении, происходившем при участии представителей союзных держав, Ген. Нокс спросил, куда делось всё то, что уже доставлено. Он не получил удовлетворительного ответа. Но когда Омск был эвакуирован, там остались большие склады обмундирования, а солдаты отступали в лютые морозы в легкой и поношенной одежде. Как оказалось, Ставка распорядилась, несомненно без ведома адмирала, держать в складах крупные количества одежды, которая «понадобится, когда Сибирская армия будет входить в Москву». Сомневаться в подобном намерении ген. Лебедева нет оснований, так как ген. Сурин в беседе, происходившей в С.Ш.А., сообщил автору настоящей статьи о судьбе омских складов почти со слезами на глазах. Он не хотел больше говорить на эту тему, так волновали его воспоминания, связанные с инструкциями Омской ставки. Но в связи с подобными воспоминаниями встает вопрос, не потому ли не было согласованности наступательных операций юга России и Сибири, что и здесь играли роль честолюбие и преувеличенные расчеты *первыми войти в Москву*? Хотелось бы быть уверенным, что этого не было. Но, к сожалению, в отношении сибирского фронта факт честолюбивых расчетов, связанный со срывом успешного наступления, имел место. Как было указано, адмирал назначил командующим сибирскою армией ген. Гайду. Ставка Гайды находилась в Перми и автор настоящей статьи посетил Гайду во время своей описанной в его книге «Сибирь, союзники и Колчак» поездки на Урал. Гайда с увлечением сообщил о своем плане вывоза чешского легиона на родину через Архангельск, после того как он освободит от со-

ветской власти район к северу от Москвы и, таким образом, откроет возможность вывоза своих сородичей по железнодорожным путям, соединяющим Пермь с Архангельском. Он имел в виду находившееся недалеко от Москвы скрещение железных дорог Пермь-Петроград и Москва-Архангельск. Существование этого плана, выполнение которого сделало бы Гайду и русским героем, и кумиром его сородичей чехов, привело к тому, что, когда армии Адмирала приостановили наступление и Гайде был дан приказ двинуть его корпуса на помощь наступающим, он этого не выполнил и сорвал всю операцию главных сил, что привело к отступлению и в конце концов к краху всей кампании. Гайда был смещен, но это не спасло положения.

Отметим еще одно роковое решение! Осенью 1919 г., когда красные вытеснили все части сибирских армий за Урал, в ставке адмирала был выработан план крупной наступательной операции, в которой приняли участие все сохранившиеся у адмирала силы. От успеха этой операции зависело, удастся ли вообще наступление в будущем или придется ограничиться обороной. На успех хорошо разработанного плана операции возлагались большие надежды. Особенно эффектным должно было быть окружение правого фланга неприятеля конницей казаков под начальством атамана Сибирского казачьего войска, ген. Иванова-Ринова. Атаман этот был в мирное время уездным начальником в Семиреченской области, где, как во всех областях Туркестанского края, вся администрация была военною. Автор познакомился с ним в гор. Верном летом 1909 г. Был ли Иванов (в то время он был просто Иванов, а не Иванов-Ринов) хорошим администратором, автору неизвестно, но командиром рейда он оказался плохим. Сначала казачья кавалерия смяла противника. Но потом, вместо того, чтобы, не останавливаясь, развивать успех, Иванов остановил казаков для отдыха и противник собрался с силами и на следующий день сам перешел в наступление по всему фронту.

Ген. Дидерихс, руководитель операции, доложил адмиралу, что он не считает возможным после этого остановить наступление противника, пока не переформирует войска и что это будет возможно лишь по сдаче Омска и создании новой укрепленной линии фронта. Адмирал осведомил об этом Совет Министров. Совет высказал мнение, что эвакуация Омска будет принята населением, как признание поражения, и вызовет панику. Ген. Дидерихс вышел в отставку, считая невозможным дальнейшее сопротивление. Эвакуация всё же состоялась, но уже слишком поздно. Укрепленной линии создать не успели. Задержка эвакуации Омска тяжело отразилась на

судьбе отступавших войск. Склады остались добычей красных, а солдаты армий Колчака не могли воспользоваться теплой одеждой и гибли от морозов и эпидемии сыпного тифа. Сам адмирал выехал только за два дня до вступления в Омск красных.

Резиденцией правительства был выбран Иркутск. Большинство министров выехало раньше, остальные только за два дня до адмирала. Прощаясь с адмиралом, как оказалось — навсегда, автор видел его в крайне возбужденном состоянии. Адмирал держал в правой руке острый нож и с каким-то неистовством резал этим ножом ручку своего кресла. С отчаянием в голосе он говорил: «Вы понимаете что может произойти? Иртыш не замерзает, ледоход задерживает переправу. Что будет, если наши войска останутся на противоположном берегу?» С трудом удалось его успокоить. Предложение остаться с ним он отклонил: «Вы больше нужны правительству!» Адмирал чувствовал свою ответственность за судьбу армии и создающуюся беспомощность. Он не мог руководить армиями так, как искусно руководил кораблями. Управление армией требует специальной подготовки. Как Верховный Главнокомандующий, адмирал мог оценить общий план, но не мог сам распоряжаться его выполнением. Он доверял или не доверял вполне своим генералам, но не мог приказывать им. Не мог он вмешиваться и в планы ген. Деникина, опытного военачальника, окруженного не менее опытными чем он сам сотрудниками. Едва ли адмирал, соглашаясь на избрание его Верховным Правителем, мог предвидеть возникавшие трудности именно в области военного руководства.

Но ему нужно было руководить и гражданской частью. Предвидел ли он трудности, относившиеся к гражданской части управления, к внутренней политике? Эти трудности создавались особенностями Сибири, откуда, по иронии судьбы, должна была разрешаться и направляться борьба против коммунистов.

Сибирская общественность

Если Верховному Правителю трудно было, как моряку, руководить военными операциями на суше, то не менее трудно было ему спасти Россию из Сибири, управлять освободительным движением из Омска. Людей, которые наводняли Сибирь после постройки Великого Сибирского железнодорожного пути, называли в Сибири «навозными» от слова навозить. Такими были главным образом переселенцы-крестьяне, но такими же «навозными» были в значительной степени ко-

мандный состав армии адмирала, его правительство, да и сам адмирал.

Наиболее активной поддержки антикоммунистическому движению можно было ожидать от казачьих войск. В Сибири, считая и Дальний Восток, их было несколько; Сибирское, Забайкальское и Уссурийское были главными из них. Но Дальневосточные — Забайкальское и Уссурийское — казачьи войска не принимали участия в действиях на западном фронте, теоретически они поддерживали порядок на Дальнем Востоке. Оставалось одно Сибирское. Оно по численности уступало Оренбургскому и Уральскому казачьим войскам, которые принимали активное участие в белом движении. Эти два войска были ближе к районам Приуралья и Волги, где хозяйничанье большевиков уже успело создать антибольшевистские настроения. Сибирское население, включая и казачье войско, еще не имело времени познакомиться с большевизмом, когда летом 1918 г. началось освобождение Сибири от советской власти. Освобождались, в сущности, только города, расположенные на линии Сибирской железной дороги. Население прилегающих земель и поселков участия в этом не принимало и, несомненно, относилось к происходившему «освобождению» пассивно. Если это население не отказывалось от выполнения приказов о наборах в войска, то это делалось не из симпатии к антикоммунистическому движению, а по привычке: начальство приказывает, надо повиноваться. Никакого энтузиазма не проявлялось и поселить сомнения в необходимости набора было нетрудно. Война с немцами закончилась. Об этом население узнало от возвращавшихся с фронта солдат и, конечно, от пропагандистов, которые сообщали, как энергично работают в пользу мира большевики. К тому же в Сибири не было крестьянского малоземелья и помещиков, у которых малоземельным — в Европейской России — приходилось арендовать земли. Лозунг «земля народу», столь зажигательный в Европейской России, в Сибири ничего не обещал. Но лозунг «конец войне» не мог не быть привлекательным.

Пропаганда в сибирских деревнях распространялась большевиками, которые летом 1918 г. покидали города во время свержения власти советов и находили приют в деревнях, куда они скрывались, забирая с собой казенные деньги. Пробирались в Сибирь и коммунисты — «ходоки» из Европейской России. Они привозили с собой «романовские» ассигнации, которые своим видом внушали больше доверия чем плохо отпечатанные «сибирские». Еще легче чем крестьян удавалось сбивать с толку рабочих. Восстания и забастовки происходили в железнодорожных мастерских и на копах. В деревнях

беспорядки были редки, но пассивное сопротивление разного рода поставкам и наборам в армию стало происходить всё чаще из-за злоупотреблений властью низших агентов и разного рода « атаманов ». В районах близких к Омску славились Анненков и Красильников, которые, по-видимому, претендовали на повиновение им.

Что касается городской общественности, то она была представлена интеллигенцией и была преимущественно « социалистической » по своим симпатиям. Избрание Верховного правителя рассматривалось этим влиятельным и политически активным слоем интеллигенции, как установление диктатуры. Оporою антикоммунистическому движению такая интеллигенция служить не могла.

В дополнение к этим особенностям следует указать, что Сибирь могла кормить армию, но не снабжать ее одеждою и, что очень важно, квалифицированными специалистами, которых было так много в распоряжении большевиков. К тому же население Сибири занимало не очень широкую полосу земель по обе стороны железной дороги или по берегам рек. Во время повального отступления офицеры и солдаты не всегда могли рассчитывать за то, что брали, а брали всё, что им было нужно, и, большею частью, в одних и тех же деревнях. Население терпело, но озлоблялось, теряя не только свои запасы, но порою и лошадей, повозки и теплую одежду.

В период успехов на фронте гражданской войны сибирская интеллигенция в лучшем случае выжидала, не вполне доверяя обещаниям диктатора, окруженного « бывшими людьми », бежавшими от революции. Среди этого окружения было немало людей, подобных ген. Лебедеву, начальнику штаба Верховного Главнокомандующего, который, как уже отмечено в нашей первой статье, явился однажды на заседание Совета министров и заявил, что он пришел предупредить министров, что если ими будет принят проект закона о закреплении за крестьянами помещичьих земель, то « офицеры откажутся воевать ». Заявление было бестактным, и оно может служить характерным примером совершенного непонимания психологии гражданской войны. Адмирал не разделял взглядов подобного рода и Лебедеву никакого права на его заявление не предоставлял.

Во время гражданской войны, когда недовольное население может помогать противной стороне даже своим пассивным отношением к существующей власти, особенно важно было заручиться поддержкою влиятельных общественных деятелей. В этом отношении Сибирь тоже была неблагоприятна : в Сибири не было ни городского, ни земского самоуправления.

Оно было введено в Сибири только после революции решением Временного Правительства. Как и можно было ожидать, на прошедших после этого выборах победили кандидаты, выставленные социалистами, преимущественно эсеры. Для большевиков они были неприемлемы, но и для адмирала Колчака, «диктатора», по мнению большинства сибирской интеллигенции, такие самоуправления не могли быть опорой. Автору настоящей статьи удалось убедить адмирала в необходимости расширить состав существовавшего «Экономического совещания» и создать «Государственное совещание» из представителей деловых и профессиональных групп интеллигенции. Это был паллиатив, но всё же небесполезный. Однако, адмиралу немало наговаривали о левых убеждениях некоторых членов Совещания, и он не раз называл его «Совдепом». Но, в общем, терпел и даже согласился, но когда было уже поздно, на расширение его состава.

Так выпало на долю моряка решать вопросы войны на суше и «навозному» правителю, с опорой главным образом тоже на «навозных» сотрудников, пытаться спасти Россию из Сибири. Какой же опорой пользовался адмирал?

Помощь союзников

Избрание Верховного Правителя в Омске почти совпало с капитуляцией Германии и Австро-Венгрии. Россия вышла из войны, но значительная часть ее была оккупирована немецкими войсками, которые заняли Украину, признав её независимым государством, и осложнив этим всю политическую обстановку. Западные державы были заинтересованы в ликвидации той зависимости от немецких оккупантов, которая создавалась на Украине, богатой и значительной части России. Союзники обсуждали планы поддержки лояльных им частей населения и их организаций военного характера, которые могли бы сотрудничать с союзниками и предупредить возможность коалиции советских войск и войск оккупантов и восстановления восточного фронта. Франция и Великобритания, в лице своих правительств военного времени, хорошо знавших, как много помогла Россия победе союзников и как велики были ее жертвы, искренно стремились помочь лидерам белого движения в их попытке сбросить советский режим. Видные политические деятели европейских держав понимали и опасность распространения большевизма в самой Западной Европе. Однако, оказать реальную помощь, послав свои войска, как Франция и начала было делать, не удалось.

После капитуляции Германии и Австро-Венгрии народы

Европы не желали больше воевать. Франция высадила десант в Одессе, но поторопилась вывезти его обратно, так как возникла опасность мятежа. Помощь ген. Деникину пришлось, поэтому, ограничить разного рода материальной поддержкой. Такая же помощь щедро оказывалась и адмиралу Колчаку. Ген. Нокс, который принял на себя роль главного посредника между Омском и правительствами западных держав, выполнял эти обязанности с искренним желанием помочь как можно больше. Хотя на доставку снабжения из Европы во Владивосток и потом перевозку из Владивостока в Западную Сибирь требовалось много времени, всё же доставлено было в Омск много необходимого для армии снабжения. Не всем, однако, как было уже указано, воспользовались действующие армии.

Но союзники могли помочь не только материальным снабжением, но и оказать адмиралу большую политическую поддержку путем признания его Верховным правителем, т. е. временным представителем России. Вопрос о признании адмирала Колчака обсуждался в Версале, где заседал высший военный совет пяти союзных держав, занятый сначала главным образом делами, связанными с военными операциями, а после окончания войны — проблемами обеспечения прочного мира. Но Япония, одна из пяти держав, не была заинтересована в создании прочной и влиятельной русской центральной власти и еще менее в улучшении положения в Сибири. Другой участник Совета пяти, представитель С.Ш.А., колебался дать согласие на признание Колчака, так как в глазах американского правительства Верховный правитель был «диктатором». Только весной 1919 г., когда армии адмирала достигли крупных успехов, Совет пяти вынес решение обратиться к нему с запросом об его политических планах. 3 июня 1919 г. адмиралу было вручено обращение пяти держав, сообщивших о их сочувствии Омской власти и об их желании получить разъяснение по некоторым политическим вопросам, которые были указаны в их обращении. Объяснения были Омском даны и признаны «соответствующими ожиданиям запрашивавших» *).

Однако, произошло «времени промедление смерти подобное». К тому моменту, когда признание должно было состояться, военное счастье повернулось спиной к белым армиям. Между тем, признание адмирала помогло бы разрешить один из самых больных вопросов сибирской эпопеи, вопрос о взаи-

*) Текст ответа адмирала и решения союзников помещены в книге С. С. и К. т. 2 стр. 234-239.

отношениях с чешским легионом. Чехословакия была уже признана независимым государством. Франция приняла на себя покровительство чехам и французский генерал Жанен осуществлял функции главного начальника легиона. Этот легион стал как бы экстерриториальной воинской частью, находящейся в стране, в которой она отказывалась подчиняться местным порядкам. Забыто было и то, что вся эта часть состояла из военнопленных, которым русское правительство предоставило особые преимущества, и то, что свободный пропуск и спокойное пребывание в Сибири были достигнуты в сотрудничестве с русскими офицерскими организациями и, наконец, что, помимо настоящего, есть еще и будущее. Но непризнанное правительство адмирала Колчака, с его резиденцией в Сибири, не имело будущего в глазах признанного Чехословацкого правительства, хотя оно еще находилось в Париже, а не в Праге.

Если бы состоялось признание правительства адмирала Колчака, можно было бы, вероятно, урегулировать взаимоотношения с чехами к общей пользе. Во всяком случае было бы установлено нормальное пользование железнодорожным путем, на котором в самое трагическое время чехословацкий легион под покровительством не одного только французского генерала, но и американского правительства, чувствовал себя полным хозяином. Признание правительства Колчака могло бы, помимо того, подорвать престиж советской власти в глазах соседей русского народа, и стало бы легче договориться и с Финляндией, и с Грузией. Но из крупных государственных деятелей той поры один только Винстон Черчилль понимал, как важно было это признание. В одной из своих книг, посвященных первой мировой войне и ее последствиям, он писал :

« Принятое в июне, решение Совета Пяти оказать поддержку адмиралу Колчаку положило конец сомнениям и колебаниям ». « Если бы они стали действовать совместно прямо и искренно, они могли бы достичь хороших результатов ».

К несчастью не для одной только России, полной искренности и готовности всех пяти держав в действительности не было. Япония, присоединившись к Англии и Франции в Первую Мировую войну, фактически в военных действиях против Центральных держав - Германии и Австро-Венгрии - участия не принимала. Ее расчет заключался в надежде усилить свое положение в Китае, захватив там германские концессии и порты, что она и сделала, а потом, поскольку Россия будет ослаблена, — обеспечить свои интересы на русском Дальнем Востоке. Как только зашла речь об интервенции в Сибири,

Япония высадила во Владивостоке пятьдесят тысяч своих войск и ввела в Золотой Рог, залив у Владивостока, свои военные суда.

Соединенные Штаты, со своей стороны, не желали усиления Японии. Во время русско-японской войны, Америка сочувствовала Японии против России, но после окончания Первой Мировой войны не желала усиления Японии за счет России. В обоих случаях С.Ш.А. руководствовались желанием сохранить для себя «открытые двери» в Китае и на Дальнем Востоке.

Таким образом, адмирал не мог рассчитывать на прямую помощь ни от Японии, ни от С.Ш.А. Правда, Япония предлагала занять своими войсками весь Сибирский железнодорожный путь вплоть до Урала, но для этого надо было договориться заранее о компенсации. На такую компенсацию правительства переходного времени не считали себя правомочными. Наличие японских и американских войск на Дальнем Востоке было всё же бесполезно. Американские инженеры много способствовали улучшению работы железной дороги. Япония сдерживала возможные попытки революционного характера, но, в общем, сибирская интервенция создала так много осложнений, что ее оценка должна быть скорее отрицательной, чем положительной*). Адмиралу Колчаку она причинила слишком много неприятностей и осложнений с чехами, которым Франция и С.Ш.А. оказывали свое покровительство. В конечном результате это способствовало трагической гибели адмирала.

Предательство

Даже тем, кто не знал лично адмирала, но знаком с его биографией, нетрудно представить себе, сколько мучений пережил этот замечательный человек неукротимой энергии, беззаветно преданный интересам родины и привыкший к кипучей деятельности. Начиная с апреля 1917 года он был обречен на бездействие как моряк, как командир. Несколько раз был вынужден менять свои планы, начинать и бросать начатую работу формирования анти-большевистских сил. Несколько месяцев — жить в бездействии в Японии. Положение Верховного Правителя заставляло его выполнять то, к чему он не был подготовлен и не подходил по характеру: ему приходилось быть дипломатом, управлять операциями на суше, а не на мо-

*) Подробнее G. C. Guins (Gins), *The Siberian Intervention 1918-1919. The Russian Review*, Oct. 1969. pp. 428-470.

ре, освобождать Россию из Сибири, без подготовленного аппарата власти и земского и городского самоуправления и без надёжной общественной опоры, вследствие политической неустойчивости сибирской интеллигенции и отсутствия подготовленных земских и городских работников.

Когда надежды на успех стали угасать, сотрудники адмирала начали покидать его. Уезжали один за другим генералы. Уходили в отставку министры. Адмирал отпускал всех. Сам же готов был разделить участь армии, оставаться с нею. Люди, знавшие адмирала в России, не узнавали его в Омске, видя пред собой истеричного и раздражительного человека. Но это было понятно. Он приял на себя слишком тяжкое бремя и был очень чуток к правде, а кругом себя видел много интриг, колебаний и больше честолюбий, чем жертвенности. Но он оставался всегда доброжелательным и чутким к искренности и правде. Его нервность доходила до истерики, когда он страдал чувством беспомощности. Автор настоящей статьи видел адмирала много раз и в разном расположении духа.

Приведу несколько ведержек из сохранившихся воспоминаний.

«Одной из занимавшихся мною одновременно должностей было председательство в т. н. Государственном Советании. Члены его просили меня устроить для них прием у Адмирала. Они хотели выразить ему сочувствие и в то же время указать на необходимость устранить некоторые расправы, допускавшиеся местными «атаманами» в деревнях. В назначенный для приема день в приемной было, как всегда, много других лиц, ожидавших своей очереди. В их числе был дипломатический чиновник, И. И. Сукин, который представлял в Омске министра иностранных дел Сазонова. Он не без усмешки предупредил меня, что адмирал не в духе по случаю предстоящего разговора с «совдепом». Я понял, что адмиралу наговорили о «левизне» некоторых членов, главным образом об Алексеевском, который не вошел в депутацию и был действительно самым левым в Советании*).

Нас сразу же пригласили войти, но я знал, что беседа начнется выражением сочувствия адмиралу и понимания, как много у него забот и затруднений. Так и было! Как только ему было высказано сочувствие, он сразу же с большою искренностью заявил, что сам не раз хотел видеть членов советания. Из разговора выяснилось, что он не может во всё вни-

*) Алексеевский был, по-видимому, тайным агентом оппозиции. После ареста адмирала Алексеевский председательствовал в Комиссии, допрашивавшей Адмирала.

кать и что он вполне понимает, что есть на что жаловаться. Но он подчеркнул, что ему известно и то, чего, вероятно, они не знают, а именно, что крестьян настраивают враждебно и учат саботажу скрывающиеся в деревнях коммунисты, а местные власти не могут отличить, кто действительный враг, а кто исполнитель подогретый пропагандой. Из-за этого и происходят разные досадные недоразумения. Беседа оказалась не только мирною, но и продолжительною и небесполезною для « взаимопонимания ». Когда мы вышли, Сукин посмотрел на меня и моих спутников с изумлением : он видел довольные лица депутатов. Он был поражен, что принимая « совдеп », адмирал, еще так недавно нервный, раздраженный, ни разу не повысил голоса, так как в приемной никаких выкриков слышно не было ».

В другой части воспоминаний записано : « Продолжительную поездку вместе с адмиралом я совершил на пароходе вверх по Иртышу в Тобольск и обратно. Поехал я, чтобы получить возможность поговорить с адмиралом по ряду дел. Когда я вскоре после отъезда зашел в каюту адмирала, чтобы условиться о времени беседы, я застал его за чтением журнала « Исторический Вестник ». Адмирал сказал мне, что он старается отвлечься от всех текущих дел, так как не хочет думать о том, что сейчас происходит на фронте. От Морского Министра, Смирнова, давнего сотрудника адмирала, я узнал еще до поездки, что начата очень серьезная военная операция и что в Тобольске адмирал узнает, каков результат и, может быть, поедет на фронт. Смирнов, по-видимому, хотел испытать мою храбрость, прибавив, что поездка будет опасной ». В Тобольске адмирал получил, к несчастью, донесение о неудаче.

« Когда пришел день делового разговора, адмирал был очень внимателен. Во время общего, как всегда, обеда со всеми участниками поездки, он разговаривал так, как будто ничего не произошло. В каюте его мы разрешили все текущие вопросы правительственной работы ».

« Между тем дела на фронте шли хуже и хуже. Совет министров выехал в Иркутск. В Омске осталось лишь несколько членов правительства. Мне также предстояло ехать. Перед отъездом я посетил адмирала и заявил ему, что так как я, кроме других должностей, состою « управляющим делами Верховного правителя », то считаю своим долгом остаться при нем. Когда я вошел в кабинет адмирала, он был бледен. Я стал свидетелем его истерики, в ее высшей степени, как было уже описано. Я увидел эту сцену впервые. Адмирал был вне себя. « Вы знаете, вскрикнул он, что Иртыш не замерз. Ледоход не дает возможности армии переходить реку ». Потом он овладел

собой. Адмирал болел душой за людей, судьба которых была связана с его ответственностью. О своей личной судьбе он не думал ».

Адмирал мне приказал ехать в Иркутск. Я его больше не видел, но об условиях, в которых он сам оставил Омск, всего лишь через два дня после нашей последней встречи, хорошо известно. Иртыш стал, но красные шли, как это говорилось, на плечах отступавших. Поезд Верховного Правителя подвигался медленно. Адмирал не хотел отделяться от отступавшей армии. Вслед за поездом Верховного правителя, шли поезд с его охраной и поезд с вывезенным из Омска золотым запасом. Движение этих поездов после Новониколаевска стало задерживаться, независимо от решений адмирала. Чехи захватили весь подвижной состав в свои руки, и вывоз всех размещенных раньше по всему пути чешских частей задерживал даже поезд Верховного Правителя. В то же время русские солдаты гибли от страшных сибирских морозов, не имея достаточно теплой одежды. Сыпной тиф косил их ряды. Зараза распространялась. Раненые не находили нужного приюта. Это была агония армии. Не все офицеры оставались со своими частями. Командованье адмирал поручил легендарному герою белого движения, упомянутому выше Каппелю, которого до тех пор, без ведома Верховного Правителя, затирала Ставка с Лебедевым во главе.

Между тем произвол чешского начальства дошел до того, что поезда адмирала были совсем остановлены. Члены правительства в Иркутске тщетно добивались распоряжения чешского начальства о пропуске главы правительства. В конце концов адмиралу было предложено занять место в вагоне второго класса с несколькими близкими к нему лицами. Союзники гарантировали адмиралу безопасный проезд, на вагоне, в котором он ехал, были установлены флаги Франции, Великобритании, С.Ш.А. и Японии.

Адмирал телеграфировал ген. Деникину, что передает ему свою власть Верховного Правителя, а Атаману Семенову, как единственному из ответственных лиц, находящемуся в безопасности за оз. Байкал, адмирал передал командованье военными силами. Сам адмирал продолжал поездку, как частное лицо. В соседнем вагоне ехал Председатель Совета министров, В. Пепеляев, брат генерала. Он выехал навстречу адмиралу для переговоров, но не успел вернуться обратно, когда все поезда, кроме чешских эшелонов, были задержаны, и застрял в пути вместе с адмиралом.

Между тем в Иркутске образовался т. н. Политический центр, в состав которого вошли только представители социа-

листических партий. Задачею Центра было подготовить передачу власти коммунистам, что вскоре и произошло. Коммунисты вошли в контакт с чешским командованием и, под угрозой нападений на чешские эшелоны, если они не выдадут адмирала, а также золотого запаса новому правительству, добились согласия на эти требования.

Ничего не подозревавшему адмиралу, по приезде его в Иркутск, было сообщено там о прибытии представителей новой власти, которым он будет выдан.

«Значит, союзники меня предали!» — заявил он. Кроме адмирала был арестован и премьер Пепеляев. Дальнейшая судьба адмирала хорошо известна: он был подвергнут одиночному заключению в буквальном смысле слова. Его допрашивала специальная комиссия под председательством упомянутого выше Алексеевского. Но допрос был прерван, когда к Иркутску подошла лучше других сохранившаяся часть отступавшей армии, численностью около двадцати тысяч воинов. Командиром этой части был ген. Каппель, которому адмирал передал высшее командование, сказав ему: «Вы единственный человек, которому я могу верить». Каппель действительно был таким человеком, которому можно было не только верить, но и вполне довериться. Каппель не отставал от своих солдат. Он переносил и все их лишения и, в результате своей самоотверженности, отморозил ноги. Вопреки запрету доктора он продолжал ехать верхом с отмороженными ногами. В последние дни ехал привязанным к седлу. Был снят с лошади почти в бессознательном состоянии и скончался. Каппеля заменил ген. Войцеховский. Он подступил к Иркутску и потребовал выдачи адмирала, угрожая в противном случае атаковать Иркутск. Но было уже поздно. Комиссия, допрашивавшая адмирала, прервала допрос. Новая власть вынесла адмиралу смертный приговор без суда. Он был расстрелян ночью на берегу реки Ушаковка, притока Ангары.

Адмирал умер, согласно своему девизу: «офицер должен уметь умирать». Он отказался от повязки на глаза и ободрял Пепеляева, который был казнен вместе с ним. Тела обоих были брошены в прорубь. Это была не казнь, а гнусное убийство из страха, что опасный враг может остаться в живых.

Адмиралу предлагали его спутники офицеры разные способы спасения: переодеться в форму рядового офицера и сесть в один из вагонов чешского эшелона, или присоединиться к какой либо из отступавших частей армии; или с небольшим отрядом спуститься к китайской границе и проехать через Китай. Адмирал отверг все эти предложения.

Он считал переодевание унижением достоинства русско-

го адмирала. Присоединение к какой либо отступающей части он считал увеличением опасности для той части, с которой он стал бы разделять отступление : больше забот, больше попыток нападения на нее; что же касается побега в чужую страну, то он счел это также недостойным его положения и чести.

Главными виновниками выдачи адмирала были ген. Жанен, который даже поспешил выехать из Иркутска за Байкал, чтобы умыть руки, и чешский генерал Сыровой, который также уклонился от каких либо попыток спасти адмирала. Жанена и Сырового постигло худшее из всех наказание : оба они, по свидетельству английского автора, Флеминга, заслужили при своей жизни презрение не только иностранцев, но и соотечественников.

Г. Гинс

ПРИМЕЧАНИЕ

Настоящая статья основана на стенографических записях показаний адмирала А.В. Колчака Иркутской чека и, главным образом, на личных впечатлениях и мыслях автора. Интересующиеся трудами иностранных авторов могут найти нужные ссылки в статьях Г. К. Гинса « The Siberian Intervention, 1918-1919 » и « Admiral Kolchak — a man and Leader » в американском журнале *The Russian Review*, Oct. 1969 и Oct. 1970.

Г. Г.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ

« Ч а с о в о й »

Орган связи Российского Национального Движения
Под редакцией В. В. ОРЕХОВА

Подписная плата во Франции: 20 фр. (год), отд. ном. 2 фр.

Представитель для Франции :

Librairie « Kama » — 27, rue de Villiers, 92 — Neuilly.
C.C.P. 18. 446.32

Продается во Франции в книжных магазинах :

E. de Sialsky, 2, rue Pierre-le-Grand, Paris 8°; « Kama », 27, rue de Villiers, Neuilly-sur-Seine; Magasin du Livre, 10, rue des Carmes, Paris 5°; « Дом Книги », 9 rue de l'Eperon, Paris 6°

ТРИ ИКОНОБОРЧЕСТВА

Христианская Церковь пережила два больших иконоборческих движения, а теперь на Западе вступает в третье и поэтому необходимо сравнить эти три волны уничтожения не только икон и священных изображений, но и вообще культурных ценностей. Трудно сказать, которая из трех волн более варварская, но они отличаются резко по своему происхождению. Первая, VIII-IX веков, была проведена Императорами Византийскими и имела истоком Ислам и отчасти иудейство, не признающие священных изображений. Второе, XVI века, вышло из среды Кальвинизма, боровшегося с католичеством и его обрядностью, третье возникло в среде католического духовенства и епископата после второго Ватиканского Собора и принимает всё более и более уродливые формы.

Первое движение продолжалось больше столетия и разделяется на два периода: под влиянием Багдадских Калифов Иезида и Харун эль-Рашида императоры Изаврской династии начали борьбу с иконами в 726 году. Они происходили из той части Малой Азии, где было уже распространено магометанство и непризнание священных изображений было общепринято. Лев III Изаврянин и его преемники Константин Копроним и Лев IV Хазар начали систематическое преследование почитателей икон и предприняли уничтожение всех священных изображений, не исключая и древних фресок, украшавших стены храмов и дворцов. Лев III изгнал патриарха Германа из Константинополя и был анафематствован папами Григорием III и Григорием IV. Центр Православия перешел на время в Рим, куда бежали во множестве греческие монахи и все, кому угрожали императорские декреты. Жестокое преследование достигло своей вершины при императоре Константине IV и при его сыне Льве IV. Только, когда правительницей империи стала Ирина, уроженка Афин, женщина исключительного ума и решимости, иконоборчество на время прекратилось. Императрица собрала в 787 году в Никее седьмой Вселенский Собор, который восстановил почитание икон. Наибольшее влияние в деле возвращения к православным основам иконопочитания оказали св. Иоанн Дамаскин и патриарх Константинопольский Тарасий.

Второй период начался при имп. Льве Армянине в 813 году и продолжился до 842 года, когда св. Мефодием и императрицей Феодорой был созван восьмой Вселенский Собор и

окончательно утверждено иконопочитание. Тогда же был установлен праздник «Торжества Православия» в первое воскресенье Великого Поста.

Второе иконоборческое движение возникло в XVI веке. Во Франции уничтожение всех священных изображений, статуй и фресок кальвинистами было не менее фанатичным, чем преследование иконопочитателей в VIII веке. Почти все французские соборы пострадали, так как в тех местах Франции, которые занимались протестантскими войсками, систематически разбивались дивные средневековые изображения на фасадах, а в некоторых городах кальвинисты запирались в храмах и там подвергали полному уничтожению все священные предметы. В Лионе была разрушена одна из главных святынь Франции, церковь св. Ириния, великого отца Церкви второго века, его мощи выброшены на улицу, а кости смешаны с костями животных.

Академик Луи Рео в последние годы своей жизни составил двухтомный инвентарь всего, что было уничтожено во время религиозных войн и революций, и можно только удивляться, что многое всё же сохранилось и составляет теперь неотъемлемое сокровище французской культуры.

Новое, третье, движение иконоборчества началось лет 20 тому назад и усилилось после второго Ватиканского Собора. Сперва все освященные древностью и почитанием десятков поколений предметы были заменены фресками, крестами и облачениями в «новом вкусе», причем даже изображение креста на многих из них исчезло. Отдельные священные предметы, облачения, чаши и изображения появились у антикваров и стали употребляться для житейских надобностей, но повальное их уничтожение началось года два тому назад и совпало с глубоким и тяжелым кризисом веры, переживаемым сейчас католическим духовенством во Франции.

Укажу из бесчисленных случаев кощунственного и просто возмутительного обращения со священными предметами на один недавний: 27 сентября этого года в Версале было объявлено о продаже с торгов большого количества священных сосудов, крестов, подсвечников, скульптур из дерева и 150 облачений. Как потом выяснилось, все эти предметы хранились в двух женских монастырях, куда они поступили за много десятилетий, а может быть и столетий, от благочестивых вкладчиков. В их числе были ценнейшие произведения церковного искусства. Разбазаривание их объяснялось желанием монастырей получить деньги на посылку продуктов в какую-то африканскую страну.

Вся обстановка разбазаривания священных предметов бы-

ла настолько возмутительной, что к началу торгов в зале и около него собрались сотни католиков-мирян и не допустили распродажи.

Теперь по всей Франции организуются группы охранителей священного наследия церкви и протеста против действий духовенства, «очищающего церкви от всего, что ему кажется лишним». В аббатстве «Ла Люсерн», в департаменте Манш, по инициативе аббата Ле Лагарда устроено помещение, куда можно сдавать священные предметы, от которых духовенство желает «отделаться». В призыве ко всем приходам аббат приглашает передавать, подлежащие уничтожению или профанации, священные сосуды и облачения на хранение в аббатство «Ла Люсерн», где они будут храниться с подобающим им почетом.

Мы надеемся, что благородный почин аббата Ле Лагарда будет услышан и, вопреки желанию «передовых священников», французское церковное достояние не послужит для одежды хиппи и модниц, а сосуды, в которых совершалось таинство Евхаристии, не станут вазами к украшению салонов или не будут просто разбиты и превращены в металлический лом.

П. Ковалевский

ВНИМАНИЮ НАШИХ ПОДПИСЧИКОВ

В ответ на поступившие запросы, привлекаем внимание г. г. подписчиков к тому, что было заранее объявлено в № 223 «Возрождения»: из-за летних отпусков журнал не мог выйти в августе и поэтому подписка автоматически продлевается на один месяц.

« Я учился у бабки Арины »

Стало уже избитой истиной, что мы живем в эпоху фантастического прогресса техники и преодоления прежних научных горизонтов. В этом нет, конечно, и намёка на преувеличение или чванство по поводу таких побед человеческого знания. Самым, однако, важным, и притом для многих неожиданным, следует считать, на взгляд виднейших социологов, существование всё растущего сомнения в том, что наша жизнь стала приятнее, что она дается нам в более легкой и спокойной форме. Другими словами, сомнение в том, что идущая вперед гигантскими шагами наука несет человечеству возможности большего нравственного удовлетворения.

Оставим в стороне видных социологов, считающих, что «техническая революция» счастья нам не дала и наши надежды обманула. Нас интересует другое, — неожиданное, но очевидное последствие этого победоносного шествия технических и медицинских наук: вопиющее противоречие между властью, никогда еще не виданной, точных наук и бегством от них в область научно «недоказуемого». Это не случайное явление принимает на глазах наших столь широкие размеры, что и ученые социологи, и медики всё чаще ищут ему рационального объяснения. Не остается, естественно, равнодушной и юстиция наших дней.

Конечно, речь идет о необычайном распространении увлечения миром «сверхъестественного», так называемыми «окультистскими науками». Мое личное досье по этому вопросу, за долгие годы составленное на 4-х языках, свидетельствует о всё растущем влиянии такого «отрыва» от всего рационального, от технологии и точных наук. Но это явление, родственное интересующей нас теме, всё же не может быть обсуждено достаточно обстоятельно в пределах данной статьи. Однако необходимо, прежде чем перейти к нашей задаче, коснуться и этого на первый взгляд парадоксального последствия невиданных еще побед науки.

Парижская префектура непрестанно пополняет свое досье, посвященное странным окультистским сектам, и в одном из моих докладов, лет пять — шесть тому назад, я должен был коснуться и деликатной темы о существовании адептов черной магии и черной мессы. Один пример будет, думается, достаточным, чтобы установить «планетарный» характер этой власти сверхъестественного. В 1651 г., в Соединенных Шта-

тах, в Saalem Village, состоялся процесс двух ведьм. Их подробно судили и, согласно приговору, публично сожгли. В 1959 г., Джон Хатч, специалист по изучению оккультизма, черной магии и ведьм, обратился в Сенат штата Массачусетс с предложением публично «отменить» приговор 1651 года и этим вычеркнуть «печальную страницу изуверства и суеверия». После долгого обсуждения Сенат в этом отказал, и сожженные две женщины «легально» остались «ведьмами», в эпоху электроники.

Процессы ведьм во Франции, Италии и Западной Германии, появление солидных научных работ, посвященных изучению ведьм, существование в Лондоне в Народной Среднего образования Школе изучения суеверных явлений — всё это свидетельствует о наличии феномена, интересующего и психиатров, и социологов, и юристов. Мы далеки от ведьм в «Майской Ночи» Гоголя, но коснуться этого явления было необходимо ввиду его связи с нашей основной темой.

Существует, несомненно, явное смешение понятия о знахарстве с обладанием сверхъестественными «силами». В Англии, где закон об уголовном преследовании ведьм был отменен в 1851 году, многочисленные газетные сообщения касаются современных «белых ведьм», в отличие от ускользающих от полиции «черных». Они составляют даже законно существующие ассоциации. По существу это — знахарки и пример известной английской «белой ведьмы» Кэмптон Коль убедителен вполне достаточно. Аэропланом она отправилась в Соед. Штаты, где в ряде докладов познакомила американских слушателей со своей деятельностью в области законом не предусмотренного врачевания: без лекарств и медицинской техники.

В дореволюционной России процессы ведьм отошли в область далекого прошлого, за исключением редчайших случаев деревенского самосуда в очень глухих углах нашей родины. Сильно сокращалась и роль деревенских знахарок под влиянием работы земских врачей и, в сущности, деревня обращалась к ним больше для оказания «помощи» в случае болезни коров или лошадей. Было неоднократно установлено, при этом, что такие знахарки, и гораздо реже знахари, обладали способностью останавливать кровотечение.

Существовали знахари, нам теперь известные под термином «guérisseur», и в городах, но в очень небольшом количестве. Почти все привлечения к судебной ответственности за незаконное врачевание касались подчас малограмотных, пожилых женщин — «специалисток» по абортам среди малоимущих или работниц. В моей практике судебного следователя

были случаи такого рода, всегда со смертельными исходом. Это было неизбежным итогом вследствие кошмарно нелепых приемов примененной операции.

Но бывали, хотя и редко, случаи другого порядка незаконного врачевания : среди людей с достатком. Два таких случая заслуживают внимания читателей « Возрождения ». Молодым кандидатом на судебные должности знакомился я с техникой предварительного следствия, в камере талантливом М. Г. Добровольского, судебного следователя, а впоследствии моего друга. В этом качестве я присутствовал при допросе отставного чиновника акцизного ведомства, привлеченного за незаконное врачевание.

Это был пожилой худощавый человек, опрятно, но скорее бедно, одетый, с обувью в утомленном состоянии, но я, как и М. Г. Добровольский, перенесли наше внимание на его необычный взор и его, неожиданные для такой профессии, руки. Ходячее выражение « магнетический взгляд » было к нему вполне применимо, причем глаза б. акцизного чиновника производили странное и в какой-то степени смущающее впечатление. Казалось, он « видит » не только судебного следователя и молодого кандидата, но еще и нечто другое, в нашем душевном мире заключенное. Держал он себя скромно и спокойно, но в то же время и у М. Г. Добровольского, и у меня создалось впечатление, что на допрос явилось нечто, в обычные рамки следственной техники не вполне укладывающееся. Выяснилось, что он « пользуется » своих пациентов не требуя вознаграждения и довольствуется « добротными даяниями ». Стало также ясно, что этот « целитель » ограничивал область своей помощи, избегая болезней внутренних органов. Допрос как всегда протекал у Добровольского в духе внимательной вежливости. По его предложению, бывший акцизный чиновник с руками артиста охотно показал свою « технику ». И Добровольский, и я вдруг почувствовали исходящий из волнообразных движений этих рук странный жар. А глаза знахаря в эти моменты поражали своим блеском. Приглашенный Добровольским в качестве эксперта профессор невропатологии Янишевский высказал суждение о сущности врачевания этого знахаря. По мнению авторитетного специалиста, это было своеобразное сочетание « психической интуиции » с магнетизмом, несомненно ему присущим. Никакого хода дело это не получило и было прекращено.

При этой оказии проф. Янишевский сообщил нам, очень, по его мнению, характерный, случай применения « психической интуиции », связанный с именем знаменитого в свое время профессора Захарьина. Кумир Москвы в эпоху Алексан-

дра III, он отличался своеобразием и в своем поведении в отношении больных, искавших его совета, и в то же время в своих приемах врачевания. Богатейший купец, страдавший от ожирения, упросил Захарьина осмотреть его на дому « за какую угодно плату ». Знаменитый медик согласился, но поставил ряд условий, ничего не имевших общего с арсеналом медицинских наук. Они должны были быть точно выполнены к его приезду : все ставни в доме закрыть, в каждой жилой комнате зажечь по три церковных свечи и собрать всех, включая и всю челядь. Жил купец в одной из уцелевших « усадеб » старой Москвы, с огромным двором, конюшнями, сараями, в старинном доме. Захарьин « прибыл », серьезный, никому руки не подающий, с голосом достойным его легендарной репутации. Встреченный на пороге купцом, он сразу же приступил к делу.

— Веди меня в спальную, где у тебя божница, и собери там всех!

Когда это было сделано оторопевшим купцом, Захарьин тем же голосом сказал :

— Становись на колени, читай три раза Отче наш и столько же раз Богородицу!

И это было исполнено под взволнованными взорами членов семьи и прислуги. Затем, перейдя в другую комнату, Захарьин приступил к тому, что составляло сущность всей этой импонирующей *mise-en-scène*.

— В продолжении двенадцати дней, утром, прочтя уставные молитвы, выволакивай из каретного сарая твою коляску, запрягайся в оглобли и делай три раза обход твоего двора, с остановкой после каждого обхода, чтобы прочесть Верую!

Получив очень солидный гонорар, Захарьин, провожаемый с глубокой почтительностью, « отбыл » с оправданной уверенностью, что его « совет » будет выполнен. Для « легендарного », а по сути — интуитивного профессора было очевидно, что нормальная система лечения от ожирения не имела бы в этом случае ни успеха, ни доверия. Для мало образованного пациента неизмеримо сильнее и понятнее была вся « процедура » Захарьинского визита, построенная на власти суеверия.

Прошло с тех пор много лет. Живем мы в эпоху триумфа техники и необычайного развития медицины в самых различных ее областях. Однако, и в этом отношении мы присутствуем при, казалось бы, парадоксальном противоречии между научной медицинской практикой и всё растущей популярностью знахарей. Это противоречие оказывается неизмеримо более глубоким, чем может показаться на первый взгляд. Затронуты не только множество больных, ищущих совета, а под-

час и спасения, у знахарей, но и отношение к ним юстиции и медицинского мира.

8 миллионов французов, т. е. одна четверть всего взрослого населения Франции, оказываются пациентами *guérisseur* -ов — знахарей, согласно анкете И. Ф. О. П. Мало того, на вопрос «находите ли вы желательным допущение в обиход нашего лечения средств и приемов применяемых знахарями», 49 % ответили утвердительно.

Для классической юстиции, и неожиданным, и смущающим представляется такой случай как отказ Тулонского трибунала судить известного знахаря Алалуфа за незаконное врачевание. И уж совсем знаменательным обстоятельством в этой, вчера еще точно установленной, грани между дипломированными врачами и незаконными «врачевателями» стал процесс другого весьма популярного во Франции *guérisseur*'а, Мессеро. Он привлек к суду за диффамацию одного доктора, и перед трибуналом два судебных деятеля, два врача и видный промышленник выступили с горячей признательностью Мессеро, их вылечившему.

Но это расхождение с классическими основами юстиции и медицины идет дальше. Доктор Робертс, практикующий в Южной Африке, специалист по изучению врачевания вне формальной медицины, представил большой доклад в Международную Организацию Здоровья. В нем этот врач, тщательно изучивший практику «колдунов» и знахарей Южной Африки, счел неотвратимым прекращение иронического или осудительного к ним отношения. Такой же переворот происходит на наших глазах и в Латинской Америке, в отношении многочисленных и популярных «*curanderos*». В Претории перешли от слов к делу и уже несколько лет там существует Научный Институт для изучения системы и практики колдунов и знахарей Ю. Африки.

Гражданский иск Мессеро к доктору защищал знаменитый французский адвокат Флорио. В своей речи, указывая на мешки, наполненные 20.000 свидетельств больных, излеченных его клиентом, он сжато и метко определил сущность замечательного явления — отказ миллионов людей мириться с существованием границы между «точно установленным» и «непостижимым». «Пора — сказал Флорио — положить конец злобности многих врачей по адресу тех, чье врачевание, не укладывающееся в рамки научной медицины, приносит больным исцеление».

В качестве б. судебного деятеля мы остановились на части «планетарного противоречия» между триумфом техники и науки и непризнанием такой победы миллионами людей,

осужденных жить в эпоху атома и ординаторов. Эта часть, затрагивающая и уголовное законодательство, столь же показательна, как и престиж обществ, изучающих « парапсихологические явления », в просторечии именуемые сверхъестественными.

Остается закончить этот беглый отклик на проблему большой актуальности воспоминанием красочного свойства о моем допросе знахаря в 1913 году, в роли молодого кандидата на судебные должности. Это был великан, чьи огромные размеры увеличивала еще странная, массивная, старинная шинель. На голове у него была старинная фуражка с красным околышем и огромным козырьком. Оказалось, что родился он и вырос еще при « ампираторе Николае Первом ». Из под седых бровей на меня уставились острые, иронически глядевшие глаза. « Уж очень ты молодой для таких дел! » — пробасил великан, но на вопросы отвечал всё же довольно охотно. « Сызмалства » научила его бабка Арина, сестра деда, находить « пользительные травки », а позже и « другому, чего тебе не понять ». Со мной великан был сразу на ты, но без намёка на дерзость. Подписал он, по неграмотности, огромным крестом и на прощанье, к моему удивлению, положил на стол... пятак. « Это тебе за работу, небось вашему брату живется не сладко! »

Конечно, ввиду его преклонного, 85-летнего возраста дело было направлено на прекращение. Этот красочный, из далекого российского прошлого уцелевший « врачеватель » пришел мне на память в связи с тем, что в этой области происходит в наши сложные, беспокойные дни. Никого в южной Италии не удивляет, что мэр Монтефредана Баттиста известен и как знахарь, и даже как « колдун », как в Йоганнесбурге не было странно прочесть в газете, что министр юстиции был излечен чернокожим знахарем, в своем племени слывущим колдуном.

Живем мы, в сущности, в эпоху противоречий, никогда еще в такой степени не знаемых даже обитателями стран с высоко развитой духовной культурой.

А. Мищенко



Театр в октябре 1970 г.

**« ГОРЬКО-СЛАДКОЕ », комедия Жана Пуарэ
в театре « Ренессанс »**

Кому из парижских театралов незнакомо имя Жана Пуарэ? Но оно неизменно связано с именем другого комика, Мишеля Серро. Это своего рода дуэт, напоминающий знаменитые в свое время кинематографические пары: Пата и Паташона, Лореля и Харди и др. Когда имя Пуарэ произносится перед французским зрителем, на его лице тотчас же появляется улыбка воспоминания о весело проведенном вечере.

Но это веселье, этот комизм были до сих пор более близки кабаре, чем театру. Никто не подозревал, что Пуарэ может сделаться драматургом и не плохим. Не забудем, конечно, что на этом поприще Пуарэ лишь новичек, и потому, не желая принимать снисходительный тон, всё же воздержусь от критической строгости.

Не ново, что подмостки приводят иногда к драматургии. История театра свидетельствует, что не мало знаменитостей совмещали и авторство и артистическую игру. В данном случае людей театра удивляет, хотя и не резкая, но всё же перемена регистра. Пьеса написана с некоторой претензией на психологичность, на чувство, на философию и... новый автор справился со своей задачей весьма удовлетворительно. Правда, что-то здесь напоминает устаревший аромат Беренштейна, но это совсем не плохо: покойный Беренштейн был мастером своего дела и, смею думать, наступит момент, когда некоторые его пьесы вновь увидят свет ramпы. Но вернемся к Пуарэ.

В первой части пьесы нас приятно поразил ловко скроенный диалог, умело сшитое действие, в котором события логически вытекают из положений действующих лиц. Отдельные фразы вызывают заслуженный смех аудитории. Но тема не случайно названа и горькой, и сладкой: немало горечи, прикрытой нежностью и смехом, проходит в душе героя, Филиппа, которого играет с большой тонкостью сам Пуарэ. Это роль мужа, сознающего, после восьмилетнего брака, что любимая женщина начинает тяготиться им и тянуться к другим мужчинам. Но здесь нет ни сцен ревности, ни проявления страданий, а лишь умный юмор, смущающий и потенциально неверную жену, и потенциального же любовника. Автор заставляет зрителя предвидеть дальнейший ход действия, но

оставляет достаточно места для неожиданностей. Комедия-драма развивается в современном духе, т. е. из временных измен не создается трагедии и всё кончается предвиденным « хэппи-энд ».

Это заключение не удовлетворит, конечно, требовательных критиков, но я становлюсь на иную точку зрения и как многие средние зрители, предпочту быть гончаровской Марфинькой и скажу вместе с ней : « Я ведь знал, что всё хорошо кончится », и я очень доволен : автор меня не обманул.

В течение этого вечера я позволил себе умственно отдохнуть.

Что касается артистического исполнения, то могу выразить достаточную степень удовлетворенности, т. к. сам Пуарэ, временно покинутый муж, очень умно играет свою психологическую роль. Николь Курсель со свойственным ей очарованием лепит роль женщины, обладающей темпераментом, умом и характером, приближающими ее к характеру мужа. Это своего рода дуэль сильных индивидуальностей. Чеkkalди с большим тактом проводит через пьесу своего героя, влюбленного и прекрасно понимающего двусмысленное положение временного заместителя. Удовлетворительны также два других артиста в ролях эпизодических персонажей, случайных жертв героини, стремящейся доказать свою независимость от социальных условностей и от невидимых, но солидных тенет, привязывающих ее к покинутому мужу.

Словом, вечер приятный, лёгкий, немудрый и забавный. Очень умным зрителям советуую воздержаться.

**
*

Иногда приятна роль театрального критика, а иногда и нет. То получаешь полное удовольствие от спектакля и горд, что увидел его одним из первых, а то, вдруг, расплачиваешься потерянными вечером, смотришь с тоской на медленно передвигающуюся стрелку часов и считаешь сколько колен придется потревожить, если вдруг не выдержишь наложенной на нас дисциплины и рванешься к выходу. Этот последний и, признаюсь, редкий случай произошел со мной при просмотре спектакля, скомбинированного Франсиско Бланшем под названием « Франсиско рама ». Хороший, ведь, артист Бланш, в особенности знакомый публике по комическим ролям... Очевидно, этот комизм можно принимать в гомеопатических порциях, но чувствуешь себя мучеником, проведя 3 часа, выслушивая шутки и анекдоты, давно напечатанные в специальных сборниках каламбуров, или же почерпнутые из

остроумия казарменной тонкости; и всё это с натяжкой, с подчеркиванием, с длиннотами, паузами в ожидании смеха зала, чему ещё помогает, на всякий случай, освещаемый транспарант с надписью: «Смейтесь!». Первые полчаса терпишь с надеждой на улучшение, затем начинаешь чувствовать неловкость за артиста и его помощников, а после антракта становится стыдно уже и за публику, которая всё же гогочет точно ей за это платят или ее щекоцут. Так называемый «галльский юмор», весьма ограниченный в своём диапазоне, часто до нас не доходит и задаешь себе вопрос: неужели авторы спектакля так низко оценивают вкус парижской публики, что достаточно нанизать в текст ряд «ароматных» выражений, чтобы вызвать грубый смех? Коммерчески, возможно, что они и правы, но причём здесь театр, генеральная репетиция и пр. признаки спектакля? Если знаменитый комик дал название этому спектаклю «Франсискорама», то, казалось бы, это его обязывало выбрать лучшее из его репертуара, хотя бы по созвучию с «панорамой». Не думаю, что он преуспел в этом намерении.

« ПОЧЕМУ ВЫ МЕНЯ ПОЛОЖИЛИ НА ПЛОЩАДКУ » (ПЕРЕД ДВЕРЬЮ)? (Театр « Сен-Жорж »)

Симпатичный театр, легко проведенный вечер, пьеса без претензий на глубину. Это предлог для демонстрирования своего искусства рядом хороших актеров. Тема? Семья аферистов, отец, сын и дочь, занимающиеся шантажом, основанным на эксплуатации «мужей» прелестной девушки, согласных платить выкуп, чтобы получить развод, лишь бы освободиться от не желающей потерять невинность «жены» и от ее семейки. В главной роли Каролина Селье, покоряющая не только шестерых очередных претендентов, но и публику своей красотой, выразительностью взгляда и прекрасным исполнением трудной роли, которую нужно играть с юмором, нежностью, акробатической ловкостью нюансов, позволяющей допустить неправдоподобное. (Артистка нам знакома по театру замечательным исполнением «Галатеи» в пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион»). В роли последнего и упорного мужа выступает небезызвестный артист Франсуа Герен, а жулика отца играет Робер Ватье. Героиня попадает в собственные тенета, т. к. влюбляется в свою последнюю жертву и, несмотря на протесты отца и гангстера-брата, становится настоящей женой Фредерика Фланагана. Как вы видите по именам, пьеса переведена с английского и приспособлена к французской сцене Жаном Мейером. Она насыщена английским юмором,

что не всегда доходит до французской публики. Боюсь, что комедия, хотя и поставленная с парижской легкостью, покажется лишенной достаточного количества «соли», в особенности если ее сравнить с предыдущей «Франсискорамой».

Спрашивается: откуда странное название пьесы? С этой фразы начинается текст: молодой муж, несший на руках домой только что обвенчанную жену, вынужден был положить ее на площадку, чтобы открыть дверь. Этот прием дает возможность авантюристке разыграть сцену оскорбленного достоинства, замедляющей страстные порывы молодожена. Искусственно? Да! Но это Театр!

**
*

« КОМЕДИ ФРАНСЭЗ ». « Жорж Дандэн » и « Не давайте клятвы ни в чем »

Еще не изжита тенденция превращать драмы в комедии и комедии в драмы. Идя на очередной спектакль и зная, что пьеса Мольера «Жорж Дандэн» будет поставлена Ж. П. Руссийном, я был совершенно уверен в придаче комедии характера драмы в социальном преломлении, т. е. в освещении, свойственном режиссеру с «прогрессивным» уклоном. Ожидания были не только оправданы, но и превзойдены. Это уже даже не драма, а трагедия с нарочитой «классовой» предвзятостью.

Один из зрителей с ироническим удивлением воскликнул: «Да, ведь, это не «Жорж Дандэн», это же «Отелло»!» Я бы добавил: «Отелло» пролетарского порядка! И поставил бы подзаголовок: «Вот как аристократия делает безнаказанно пролетария рогоносцем!» Господа творцы этого спектакля сознательно подтасовывают мольеровские карты и делают вид, что не знают, что Жорж Дандэн, разбогатевший фермер, фактически купил у разорившихся аристократов их дочь, даже не спросив ее согласия, а, тем более, не справившись об ее чувствах. Мольер наказывает своего героя, высмеивает его горе обманутого мужа, говоря: «так тебе и нужно — не в свои сани не садись». Несомненно, что в пьесе есть не мало горечи, не мало сознания собственной вины, но гениальный Мольер сумел примешать достаточно юмора и иронии, чтобы «горько» посмеяться над претендентом в аристократы. Режиссер и его соумышленники думают, вероятно, что они «открыли Америку», советуя артисту, исполняющему роль Жоржа Дандэна, придать некоторую тоску его монологам и репликам. Французский актер, Гот, уже в 1890 г., придал персонажу трагические черты. На русской же сцене,

в Малом Театре, были попытки толковать роль несколько драматизируя её. Наиболее убедительно играл Дандэна знаменитый Садовский. Ссылаюсь на заметку от 17-го сентября 1866 г. в газете «Голос»: «Бессильный гнев и грубоватая покорность унижительным требованиям, когда, не убежденный внутренне, он совершенно подавлен внешними доказательствами мнимой неосновательности его подозрений, переданы артистом с самым неподдельным, с самым естественным комизмом». Ведь, это уже азбучная истина, что тонкий комизм и юмор часто содержат в себе не малую долю слез, и совершенно ни к чему изображать Дандэна в непрерывном состоянии бешеного отчаяния. Мы знаем, что каждый предлог хорош, чтобы выводить на сцену пресловутую «борьбу классов» и что такова была тема отчетного спектакля. Но мы имеем право требовать от постановщиков спектаклей в «Доме Мольера» наличия некоторой политической грамотности и литературной честности. Для борьбы классов требуется наличие пролетариев и буржуа. О каком же классовом столкновении может быть речь, когда конфликт происходит между разбогатевшим фермером и разорившимися аристократами эпохи Людовика XIV? Дандэн сам признает, что он наказан за свое желание породниться с аристократической семьей. Если бы Мольер писал пьесу в наше время, то возможно, что она была бы причислена к бульварному репертуару, поскольку в ней происходит классическая интрига между мужем, женой и любовником. Великий драматург неоднократно высмеивал в своих пьесах попытки буржуа лезть в аристократы, а тема о неверности жен и коварстве получает у Мольера некоторую горечь, ибо, не без основания, он сам себя причислял к рогоносцам.

Я называю «литературной честностью» форму передачи произведения в тонах задуманных автором. Зритель, не знающий оригинального текста, имеет право, посещая классический спектакль, познакомиться с автором и его героями не в специальном освещении, задуманном в тех или других политических целях.

В данном случае родители Анжелики, Мадам и М-сьё де Сотенвиль представлены как измазанные мелом марионетки, передвигающиеся и говорящие механически. Режиссер этим самым лишает их характера, в котором нет ничего поучительного, ибо фактически они поступили бесчестно, продав свою дочь, и продолжают вести себя двусмысленно, делая вид, что не видят ее подозрительного поведения. Такая же кукольная безразличность придана любовнику, Клитандру, лишенному всякой рельефности, привлекательности. По всем

репликам Анжелики чувствуется, что она женщина тонкого ума. Как же мог ее привлечь подобный истукан?

Вернемся теперь к главной роли, исполняемой столь замечательным артистом как Роберт Гирш. Ссылаясь на знаменитую фразу Мольера, задаешь себе вопрос, как мог он попасть «на подобную галеру». Роль им вырублена как бы топором из одного куска, т. е. в одном рычащем тоне, с беспрерывной страдальческой гримасой. Неужели режиссерское руководство лишило его присущей ему индивидуальности и чувства меры? Ни одного смешка, ни одной улыбки... Да и весь спектакль не даёт зрителю возможности оценить остроумие Мольера, потопленное в море рычания, возгласов или монотонности произношения. В изображении крестьянского флирта, господин Руссийон уклонился в некоторую противоположность, придавая чересчур грубые краски. Заканчиваю свои впечатления недоумением, как это могло случиться на лучшей французской сцене, что в изображении потемок последнего действия не только персонажи не видят друг друга, что соответствует тексту, но и зритель лишен возможности их различать и даже слышать. Это не «Жорж Дандэн» Мольера, а какие-то сплошные социалистические потемки.

**
*

Первая половина вечера была занята очаровательной пьесой Мюссэ «Ни в чем не надо клясться!» Жорж Шамара, в роли богатого дядюшки, Ивонн Годо — Баронесса, и Цецилия в исполнении очаровательной Катерины Сальвиа с тонкостью старались создать романтическую атмосферу, свойственную Мюссэ. Но и здесь, умышленно или нет, Мишель Дюшоссуа старался внести какую-то нотку фамильярности, не вяжущуюся с тоном автора. Вульгарность, очевидно, в программе дня.

**
*

«Карманный Театр» обладает славным прошлым. Эта пробно-испытательная сцена дала возможность многим знаменитым авторам и известным артистам показать впервые публике свои таланты. Не смею сказать, что всё испытанное оправдало возложенные надежды. Не всегда критика правильно оценивала первые опыты, ни в положительном, ни в отрицательном смысле.

Признаюсь честно, что, боясь очередной ошибки, я не выскажу своего мнения о последнем показанном здесь спектакле. Постараюсь рассказать, что я видел и слышал, совершен-

но не уверенным, что виденное и слышанное соответствует задуманному авторами пьесы и спектакля. Пьеса принадлежит перу молодого Бернарда да Коста, поставлена Жаком Моклером. Разыграна им же, Тсиллой Шельтон и лауреатом Консерватории этого года, Даниелем Колас.

Занавес подымается под звуки хоральной музыки. В глубине сцены виден орган. Им управляет или делает вид, что играет, раскрашенная пожилая особа, заверяющая зрителей в своем увлечении музыкой. Она, как будто, дирижирует невидимым хоралом, в состав которого привлекает молодого безголосого гавроша. Если я хорошо понял, ее не столько интересует его голос, сколько молодость. Молодой человек уклоняется от авансов старой соблазнительницы и под звуки Вагнера она его « почти » закалывает чем-то вроде аллебарды.

Вторая картина. В открытом гробу лежит заколотый юноша, в одеянии церковного певчего. Та же « Великая Княгиня » (почему она носит это звание — не знаю) ждет откликнувшихся на ее объявление профессиональных « ухаживателей » за старыми дамами. Появляется немолодой « Альфонс », представляющий рекомендации от десятка старых княгинь, маркиз и пр., с похвалой отзывающихся об его услугах. В происходящей торговле участвует мнимый покойник, привлекающий внимание пришельца. Внимание это недвусмысленно. Третий акт показывает молодого героя, вырвавшегося из пут старухи и ее приживальщика и затеявшего кабинет массажа. Под музыку увертюры к « Севильскому Цирюльнику » он очень ловко обрабатывает явившегося клиента, того самого претендента, от которого он бежал. Вскоре на массаж приходит и пресловутая старая соблазнительница. Оба пытаются тут же пристроиться в качестве эксплуататоров этого заведения, используя, как рабочую силу, молодого человека. Оказывается, что предприятие не имеет ни одного клиента и молодой герой что-то декламирует в отчаянии от всего происшедшего. Всё сопровождается классической музыкой. Герои нарочито карикатурны. Движения гротескны, гримы и обстановка подчеркнута неестественны. Что всё это значило, не берусь сказать. Может быть, родился новый Ионеско или Беккет. Будущее скажет. Я же рассказал, что видел : старательно разыгранный фарс с нераскрытым мною смыслом. Забыл упомянуть, что пьеса носит название « Прощания Великой Княгини ».

**« ПРОЦЕСС КАРАМАЗОВЫХ » (!) Пьеса Дьего Фабри
по шедевру Достоевского. Французский текст Жана Мейера.
Постановка Пьера Франка. Декорации Жоржа Вакевича.**

Я в точности переписал имена творцов этого спектакля, чтобы знали, кого надо судить. Позволяя себе, частично, смелый метод автора этой пьесы, я переменил бы состав преступления и состав суда.

Это должно бы называться не « процессом Карамазовых », а « делом о подсудности, по обвинению указанных лиц во введении в заблуждение неосведомленных зрителей, в извращении, насилии, изуродовании до неузнаваемости гениального произведения Ф. М. Достоевского ».

По-моему, обвинителем выступает сам Достоевский. Свидетелями обвинения должны быть вызваны все лица, знающие грандиозный роман-трагедию « Братья Карамазовы » и преклоняющиеся перед ней. Председательствовать может представитель французских театральных деятелей, принимающих на веру любое толкование русских шедевров претенциозными « драматургами ». Защищать, возможно, будут лица, не имеющие времени или возможности ознакомиться с оригиналом и посему падкие на всякого рода « дижест ». Свидетелями защиты могли бы быть исполнители ролей разных персонажей пьесы, искренне поверившие, что они играют героев Достоевского.

« Вещественными доказательствами » служат во-первых сам спектакль, показанный в театре « Ля Мишодьер », с его мнимыми персонажами, приписываемыми перу Достоевского, и во-вторых объяснительный текст автора « переделки » к программе спектакля.

Господин Дьего Фабри нашел, что глава « Великий Инквизитор », вставленная Достоевским в пятую часть романа, находится не на своем месте, и посему включил ее в сцену судебного разбирательства. Он, католический драматург, говорит, что именно « Легенда о Великом Инквизиторе » толкнула его на мысль о полезности передачи ее на театре, т. к. он пришел к выводу о необходимости ее толкования в « общем контексте драматическом, идеологическом и психологическом всех персонажей » (!?), она, дескать, касается всех « грешников, которых инквизитор-Иван считает себя в праве судить ». И всё же...

Внимательно прислушиваясь к его тексту, я тщетно пытался обнаружить, где, собственно, находится перо господина Дьего Фабри, и это несмотря на все ухищрения автора « пьесы » создать нечто свое на основании романа. Я заметил лишь

следы ножниц и клея, настолько изуродовавших оригинал, что исчез и Достоевский. Самая идея создать пьесу на основании лишь последних глав «Братьев Карамазовых» страдает пороком недомыслия. Неоднократные и крупные попытки знатоков Достоевского приспособить весь роман к сцене или экрану страдали или недостаточностью, или предвзятостью. Об этом писалось уже много и часто. Конечно, соблазнительно показать на сцене картины «русского суда» со всей его «экзотичностью». Публика любит присутствовать при громких процессах, будь это, хотя бы, в театре. Мы все помним продолжительный успех пьесы «Ураган на Кейне», шедшей в «Круглом Театре». Но здесь мы имеем дело не с самодовлеющим судебным разбирательством, а всего на-всего с заключительной главой многотомного романа.

Итак, с чем же пришлось оперировать постановщику, с каким текстом и с какими персонажами? Речи обвинения и защиты, нарезанные кусками, исключили всякую логику защищаемой точки зрения. Свидетели и их показания обладают теми же недостатками, усиленными непониманием «фольклора» романа. Если это просто непонимание, то оно может быть прощено, но есть и умышленность, — не знаю, отнести ли ее на счет «автора», переводчика, режиссера или артиста играющего председателя суда, г-на Кремье. Привожу пример. В переднем ряду зала, освобожденного от зрителей, усаживается шесть человек, изображающих заседателей. Одеты «с иголочки», с аккуратно подстриженными бородками, ну, право, парижские франты! А вот что говорит Достоевский: «Состав же двенадцати присяжных запомнил: четыре наших чиновника, два купца и шесть крестьян и мещан нашего города». Когда эти шесть парижских бульвардые уселись на свои места, председатель суда просит их всех расписаться в документе о своем присутствии. И вот тут-то местная соль! По получении листа председатель с многозначительной миной просит подняться с места тех, которые подписались крестом за неграмотностью. Оказывается, из шести, пять заседателей были неграмотны. Это уже не от Достоевского, а от пресловутой коммунистической инсинуации, что до революции почти всё российское население было умышленно оставлено в неграмотности. Сам по себе, председатель суда был, может быть, единственным персонажем, смахивавшим на образ, данный Достоевским. Остальные... Увы! Не так уж виноваты артисты в искажении доверенных им образов, когда герои носят имена вроде: Ракитин Осепович или Трифу Борисиже или профессор Маяковский. Артист Тедди Билис играет доктора Герценштубе (имя тоже перевернуто). Думается, что ис-

полнитель не только никогда не читал романа, но даже не ознакомился со своим персонажем по Достоевскому. Мы знаем по роману, что, будучи немецкого происхождения, он очень любил говорить народным русским языком, вставляя народные пословицы, но часто, не находя нужного слова, помогал себе размахиванием руки перед лицом. « Это был... старик седой и плешивый, среднего роста, крепкого сложения ». На сцене выступил маленький, волосатый, расхлябанный старичек, страдающий пляской « Святого Вита » и непрерывным нервным тиком правой руки.

Вы, дорогие читатели, наверно представляете себе Грушеньку, « довольно высокого роста женщину »... « чудеснейшие, темнорусые волосы, темные соболиные брови и прелестные серо-голубые глаза с длинными ресницами » и т. д. « Правда, хороша она была очень, очень даже, — русская красота, так многими до страсти любимая » (Достоевский). Допустим, что среди артисток не нашлось такой красавицы, но снабдите её хотя бы той привлекательностью, тем « зовом », который « заставил бы непременно самого равнодушного и рассеянного человека, даже где-нибудь в толпе, на гуляньи, в давке, вдруг остановиться... » Вот ее появление в зале суда по Достоевскому : ...« явилась тоже вся одетая в черное, в своей прекрасной черной шали на плечах... она была очень хороша собой в ту минуту ». Да простит меня милая барышня Коллетт Бержэ, вероятно, очень славненькая в жизни, но разве это наша величавая русская красавица?... К тому же, не знаю по чьей вине, разрядилась ли она сама или одели ее так кричаще бесвкусно, но трудно видеть ее иначе, как « девушку с угла » русского провинциального города. Так же далека и по внешности и по поведению Катерин Ферран в роли Катерины Ивановны Верховцевой. Не буду упоминать всех... Хочу лишь выделить Даниеля Сухотина в роли Алёши. Судя по фамилии, возможно, что он русского происхождения и, может быть, поэтому он (почти) показал нам Алёшу, Алёшу Карамазова, не образ господина Фабри и Ко.

Очень жалею, что декорации подписаны Жоржем Вакевичем, уж очень они далеки от изображения зала суда, сделанного Достоевским, да и вообще непохожи на российские « губернские суды ».

Нужно воздать должное большинству моих французских коллег, которые высказались отрицательно об этом спектакле, инстинктивно чувствуя его несовместимость с великим романом. Мы знаем, повторяю, что нашим современникам некогда читать, что они падки на сокращенные кинематографические, телевизионные или сценические передачи шедевров,

но позвольте ещё раз вас заверить, что перенести Достоевского на сцену трудно, а для поверхностно знакомых с ним и опасно. Нужен гений размеров великого русского романиста, чтобы посметь оперировать его творениями, а пока еще на горизонте такового не видно. И посему: читайте Достоевского, даже если у вас мало времени, опасайтесь сценических операций над его романами.

« НЕ БУДИТЕ МАДАМ »

Месяц октябрь этого года оказался удивительно богат не только плохими, посредственными, но и прекрасными спектаклями. К последним надо причислить только что вышедшую на сцену театра « Комедии Елисейских Полей » выше-названную пьесу талантливейшего Жана Ануя. Можно любить или нет его творчество по тем или другим причинам, личным или общественным, предпочитать одну пьесу другой, но следует ему воздать должное — ни одна из его « комедий » не проходит без большого следа. Последние пьесы того же автора, недавно показанные, т. е. « Дорогой Антуан » и, в особенности, « Красные Рыбки », носили уже печать абсолютной зрелости драматургического искусства Ануя и имеют значительный успех. Но, как мне кажется, « Не Будите Мадам » носит печать шедевра, венца целого периода его « горьких » комедий. Да и « комедии »-то здесь очень мало. Пьеса, не обладая чертами трагедии, оставляет впечатление полной неудовлетворенности всех главных героев повествования, остро переживающих свое разочарование.

Место действия — сцена. Действующие лица — актеры. События, как будто, не выходят за пределы театра. Отсюда можно вывести заключение, что и ситуации свойственны данной рамке, и это может привести к ошибочному выводу, дескать, подобные нравы свойственны лишь « комедиантам » и посему зрителям нечего особенно переживать. Нам пришлось слышать и даже читать, что сам Ануй — человек театра и ему « и книги в руки », и потому всё здесь так жизненно. Хотя в тексте программы автор называет людей сцены « шулерами » жизни и почти оправдывает старые церковные мероприятия по отлучению комедиантов от церкви, нам кажется неоспоримым, что в данном случае он сам хочет подтасовать карты, делая вид, что конфликты пьесы ограничены обстановкой театра. Зритель, хочет или нет, переживает вместе с актерами их тоску, т. к. горизонт действия гораздо обширнее, чем кажется с первого взгляда: он включен в поле зрения драматурга, может быть сегодня, может быть вчера или

завтра. А если не он сам, то кто-то ему хорошо знакомый и где-то очень близко.

Сцена, конечно, — превосходное место наблюдения, ибо сосредоточивает, ставит как бы под лупу многие переживания, ускользающие от невооруженного глаза и потому автор позволяет себе обнажать многое, что так называемое «общество» целомудренно скрывает от постороннего взгляда. Но скальпель драматурга настолько беспощаден, что сомнения невозможны. Операция касается не только слез «паяцев», но и каждого из нас, в большей или меньшей степени.

Место действия пьесы едино, но не время, как того требовали классические правила, да и действие разбито до максимума. Пользуясь сценическими возможностями, автор помещает своих героев в разные роли разнообразных пьес, во время репетиций, ловко ставя их в положения близкие их собственным ролям, предназначенным судьбой.

Жюльен, директор театра, режиссер и актер живет только своим искусством, не видит себя в другой деятельности и переходя от успехов к провалам и обратно, то становится материально обеспеченным, то совершенно разоренным. Его жизнь это театр, спутники жизни — актеры, актрисы, монтеры декораций, суфлер, костюмерша и т. д.

Естественно, что его семейные отношения связываются и развязываются в той же обстановке. Это у него в крови — он сын актрисы старой формации и вырос в обстановке кулис второразрядного театра. Судьба его отца, уцелевшего от всех опасностей войны 14-го года, но пострадавшего от измен его жены, казалось бы, должна была предостеречь героя от брака с комедьянткой, но, поскольку вся его жизнь проходит в театре, то и выбор его ограничен. Да он и рецидивист. Оказавшись рогоносцем после первого брака, он вступает во второй, чтобы завязнуть в паутине претензий, неудовольствий, неудовлетворенности, ревности и измен второй жены. Даже навязываемые ему мимолетные связи оказываются столь же неверными, как и законные. Но не в этом главная драма, хотя и ясная. На втором плане вырисовывается нечто более глубокое: разочарование в самой своей театральной деятельности, что проступает особенно ясно, когда он, наконец, приобретает известность, положение, общее признание. Он чувствует себя моральным банкротом и нам кажется, что и мы все с ним проиграли жизнь, вопреки всем нашим амбициям, стараниям, преданности поставленной задаче, словом, как бы оправдывая кем-то сказанный афоризм «Жизнь — это игра, в которой все проигрывают».

Успеху пьесы способствует совершенство состава. Нуж-

но думать, что репутация драматурга дает уверенность многим первоклассным артистам и они всецело отдаются магии его творчества. Начиная с Франсуа Перье, одного из замечательнейших современных артистов, исполняющего труднейшую и сложнейшую роль Жюльена. Он заставляет зрителя вникнуть во все перипетии, во все сложности переживания брошенного ребенка, зависящего от капризов мелкого комедьянта-любовника его матери, дальше он вводит нас в разочарования, надежды и новые неудачи человека, верящего в свое назначение и переживающего непрерывные крушения, сентиментальные, материальные и творческие. Нам хочется, чтобы его поняли, чтобы возле него появился ктонибудь понимающий его, подруга или друг, и мы чувствуем, что это безнадежно, т. к. его страсть к театральному совершенству не может быть разделена посредственностями, попадающими на его пути.

Давно замеченная на театральном горизонте очаровательная молодая артистка Даниель Лебрен наконец получила роль соответствующую ее таланту. Она вторая жена Жюльена, очень скромная вначале, робкая и неуверенная в себе, постепенно приходящая к мысли о своей собственной значимости, независимо от амбиций мужа, и ищущая свои пути самолюбивой, неудовлетворенной и не очень глубокой женщины.

Первую жену, легкомысленную комедиантку, напоминающую по характеру мать Жюльена, удивляющуюся, что она целых два года была ему верна, играет опытная артистка, Брижит Обер. Она умеренна в толковании своего ограниченного персонажа и тем страшнее становится ее роль в жизни Жюльена, связавшего себя со столь недалеким существом, находящим, что адюльтер есть единственное средство, отвлекающее от скуки повседневности актерской жизни.

Суфлера играет Жан Паредес. Он впервые в роли мнимо-комической, мнимо-резонерской. Звать его Тонтон. Он десятки лет провел в суфлерской будке и «снизу» наблюдает за всеми перипетиями жизни эфемерных персонажей, эфемерных в пьесах и в жизни. Он циник, но в нем чувствуется и нечто сатанинское, кажется, что это именно он «Сатана, который правит жизненным балом».

Он порою заставляет смеяться, но и стыдиться этого смеха, ибо он маленький, грязненький Сатана и поэтому бал, которым он правит, тоже маленький и грязненький. Артист превосходен в изображении мерзости своего героя.

Гарсия-Вилль (в жизни Мадам Саша Питоева) превосходна в изображении старой комедиантки, матери Жюльена. Она не менее замечательна, показывая свой персонаж в молодом

сти. Жалкая картина жертвы мелкого актера, ее любовника, еще более жалкий портрет старой комедиантки, нуждающейся в поддержке своего сына для содержания бесталанного мясника, предназначенного ею для сцены.

Клод Нико играет роль актеришки, годного на мелкие роли любовников, которые он посредственно выполняет на сцене и в жизни. Говорю посредственно не об игре Нико, а об его роли. Сам исполнитель очень хорош. Не имею возможности останавливаться на всех остальных; их много и все на своих местах.

Качество ансамбля, уместность каждого движения и жеста, слаженность появлений и уходов, освещения сцены в нужном месте и в нужный момент говорят о замечательной режиссерской работе, за что нужно благодарить самого автора и его постоянного спутника, Ролана Пьетри.

Многочисленные декорации, спускающиеся и поднимающиеся на глазах у зрителей, принадлежат кисти знаменитого Жан-Дени Мальклеса, чувствующего намерения автора, с которым он всегда работает. Не представляешь себе пьесу Ану-йя не в декорациях Мальклеса. Спектакль совершенен ещё и тем, что все винтики, все кнопочки механизма слажены, продуманы и пригнаны как в замечательном часовом механизме, что возможно при многолетней совместной работе автора, режиссера и декоратора.

Незабываемый вечер, огромного художественного, философского и эмоционального впечатления.

Чуть не забыл сказать, почему же столь странное название пьесы. Актрисы поздно ложатся спать и посему детям, прислуге и всему окружению строго воспрещается тревожить утренний отдых «мадам». Вечером она в театре, днем спит.

«VOULEZ-VOUS JOUER AVEC MOÎ?» (Théâtre La Bruyère)

Покидая театр после такой пьесы как «Не хотите ли поиграть со мной», зритель любого возраста чувствует себя как бы спрыснутым «Живой водой». Если в свое время пьеса имела шумный и продолжительный успех, что объяснялось отчасти первоклассным составом артистов, то нынешнее ее возобновление никак нельзя отнести за счет «ведетт». Скромная провинциальная труппа, из города Нанта, составленная исключительно из молодежи, решила показать в Париже свое умение и свои таланты.

В результате не только успех, но почти умиление требовательного зала, всецело покоренного освеженным шедевром Марселя Ашара. Нет, пьеса не освежена, она свежа, увлека-

тельна, поэтична, весела и сентиментальна, ...что сказалось на непритворной реакции зрителей. Вечная юность пьесы, молодость исполнителей не только разгладили морщины пожилых зрителей, но вызвали умиленную реакцию со стороны присутствующей молодежи.

Фабула как будто не сложна. Два клоуна влюблены в Изабеллу, танцовщицу и гимнастку. Это не любовь в кулисах, а чувства на арене, выражаемые размалеванными артистами. Они разные по форме и по характеру: в одном, носящем английские черты, сказывается больше самоуверности и авторитета, другой же, длинный и неуклюжий, с непомерными ногами, проникнут сентиментальностью. Сквозь условную игру профессиональных увеселителей сквозит настоящая лирика и целая гамма чувств, которые разжигает кокетливая девушка, польщенная столь серьезным успехом. Но сердце ее оказывается затронутым третьим и «неожиданным», пришедшим из зрительного зала, вступившим в труппу, готовым вынести унижительный искуд ударов ногами по «мягкому месту» во имя завоевания сердца прекрасной незнакомки. Поскольку в цирке нужна техника смешного, оба артиста, играющие клоунов, обладают ею в достаточной степени и даже могут удовлетворять зрелищную потребность цирковой клиентуры. Прелестная исполнительница единственной женской роли, Анник Бланшето, обладает всеми данными, необходимыми для её трудной роли, обаятельной циркачки, соблазняющей и наивной, веселой и поэтичной. Она и поет и танцует и, даже, подвизается на трапеции.

Повторяю, от всех четверых веет такой молодой любовью к своему делу, что пьеса кажется написанной вчера и это вопреки полному отсутствию грубости, двусмысленностей, скабрёзности... А, может быть, и не вопреки, а благодаря этой её чистоте пьеса и производит вышесказанное впечатление «элексира молодости». Счастливые улыбки на сцене вызывают столь же счастливую реакцию зала. Успеху способствует очаровательная музыка Ван-Париса, сумевшего пронизать типично цирковые темпы и мелодии сентиментальностью и лирикой. Декоратор, Жак Марилье, ухитрился на маленькой сцене театра «Ла Брюйер» создать иллюзию настоящей арены, со всеми атрибутами.

ЖАРРИ СЮР ЛЯ БЮТТ, спектакль Жан-Луи БАРРО

Ну-с, а дальше что, Господин Барро? Неужели вам нужен дешёвый успех? Вам, человеку с мировым именем? Мне кажется, что вы зашли в тупик, намереваясь бежать в ногу

со «специальной» молодежью. Но эта молодежь отзвонила свое в Мае 68-го года, а вы всё еще карабкаетесь, запыхавшись, на опустевшую колокольню. Да и колокольней-то вы ошиблись! Ведь «революционная» молодежь интересовалась не только сексуальностью, граничащей с порнографией; нужно ей воздать должное — она более или менее искренне шла под флагами всяких революций. Вы же, пользуясь сомнительным наследством покойного Жарри, вытащили на арену «Элизэ-Монмартр» лишь эротоманию автора «Короля Юбю». Если вы и взяли из текстов Жари кое-какие тирады, то они не были слышны из-за невыносимого шума всяких скрипящих, гудящих, стучащих инструментов и воплей исполнителей какофонии, сопровождающей неопишуемые сцены пантомимы, которые не решаюсь назвать своими именами.

Допустим, что порнография может оправдать значительные расходы по этому спектаклю, что вы рассчитываете на скандал как средство привлечения нездорового любопытства, но мне кажется, что и тут вы ошиблись, ибо скабрзность вашего спектакля скучна, она грязна без остроумия и веселья и потому утомительна. Я не страдаю излишком пуританизма, но мучительно переживаю современную «детскую» болезнь театра, к счастью не всех захватившую, болезнь порнографии и ограниченности замысла, содержания и идеи.

Не могу же я отнести к какой бы то ни было идеологии давно изношенные карикатуры на армию, на жандармерию (к помощи которой вы прибегаете в трудные минуты объяснения с манифестантами), на религию и иные установленные обществом преграды против анархии. Помимо всего прочего, когда в процессе развития вашего спектакля вы находите какой-нибудь «гвоздь», то вы продолжаете вбивать этот гвоздь так долго и настойчиво, что стенку пробиваете, за которой оказывается пустота. Скорблю не только о вашей глубокой ошибке, но и о проституировании артистов, согласившихся участвовать в упомянутых «пантомимах», и об участии талантливого Жака Ноэля, предоставившего свою даровитую кисть для создания многозначительных костюмов, которыми не побрезгали бы в свое время «закрытые дома».

Еще раз спрашиваю, а что же дальше?

Л. Доминик

К Н И Г И

С. А. ЛЕВИЦКИЙ. —

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Изд. «Посев», Франкфурт/М., 1968

Вступая в этот год, мы писали, в редакционной статье нашего январского выпуска, о поставленной в самой России задаче — «собрать и пересмотреть» для русского будущего наше национальное духовное достояние. Эта задача, в некоторой своей части осуществимая только в условиях зарубежной свободы, продолжает приобретать всё больше значения. Вот почему нельзя не отметить, хотя бы и с запозданием, вышедший уже около двух лет тому назад 1-й том «Очерков по истории русской философской и общественной мысли» проф. С. А. Левицкого, представляющий собой ценный вклад в это необходимое дело «описи имущества» и его «пересмотра».

Как скромно пишет сам автор в предисловии, этот небольшой томик — всего 216 страниц, — охватывающий период от возникновения умственной жизни на Руси и до начала нашего столетия, преследует главным образом педагогические и популяризаторские цели, а потому и не претендует ни на исчерпывающее изложение, ни на особую исследовательскую новизну. Однако, новизна есть, она, с одной стороны, в широте синтеза, использующего и сводящего воедино множество сведений, ставших доступными лишь за последнее время и до сих пор мало привлекавшихся для создания правильной общей картины, и, с другой стороны, немало нового читатель найдет в собственных замечаниях автора, особенно в более детально разработанных «Приложениях», посвященных отдельным характерным явлениям в истории русской мысли. Нет сомнения в том, что эта книга принесет особую пользу в самой России, куда она, надо надеяться, проникает, как и почти всё, что выходит в свет за рубежом, и поможет расширению кругозора, которого там так желают вопреки шорам партийной казенщины. Но и за рубежом она позволяет нам яснее усвоить и глубже оценить основные искания, блуждания и достижения наших духовных предков.

Как и подобает ученому исследователю, проф. Левицкий стремится к строгой объективности, стараясь воздать должное каждому течению и каждому его представителю, не умалчивая и о слабых сторонах тех из них, которые ему наиболее близки. Тем не менее, собственные предпочтения автора до-

статочны ясны, и любому непредвзятому читателю трудно будет не разделить их. Я сказал бы даже, что необходимая сдержанность академического изложения не помешает читателю с большей решительностью и определенностью сделать выводы из предлагаемого ему интереснейшего материала. Читая С. А. Левицкого, мы с совершенной неустрашимостью убеждаемся в той истине, далеко уже не новой, но часто еще недостаточно осознанной и здесь по новому поданной, что в России, — может быть, больше, чем где бы то ни было, — и чистая философия, и философия общественная достигают подлинных высот только тогда, когда они черпают свои силы из религиозной реальности, притом подлинной, а не мнимой, и положительной, а не бесовской. По сравнению со славянофилами, именно «ранними», или с Достоевским, все даже наиболее крупные русские представители той философской и общественной мысли, которая лишилась касания горнего мира, решительно производят впечатление пигмеев.

Гуманизму оторвавшемуся от своих христианских истоков и «крипто-религиозному» течению у многих русских «отрицателей» С. А. Левицкий уделяет много внимания. Он, конечно, прав, видя главную силу Герцена в подсознательно у него сохранившихся постулатах религиозного характера или подчеркивая, например, вслед за Г. П. Федотовым, унаследованные от христианства аскетизм, жертвенность и нравственную чистоту у «шестидесятников» и «народников». Признаемся всё же, что невыносимая пошлость их примитивно позитивистских убеждений, иллюстрированная нашим автором посредством многих сногшибательных примеров, не становится от этого более привлекательной. Особенно для нас, людей после-революционной эпохи, поневоле отдающих себе отчет в том, что сознательное отвержение горних сил давало простор силам бесовским, именно так, как это видел уже Достоевский. Под этим углом зрения, и аскетизм, и нравственная чистота, лишённые своего религиозного смысла, в конце концов представляются даже дополнительным соблазном.

Что-то манихейское чувствуется в истребительной ненависти ко всему существующему, ко всему исторически сложившемуся, которая владела нашими «бунтарями», переставшими признавать Бога-Творца. По своей натуре Бакунин был, конечно, честнее Маркса, как это и показывает вполне убедительно С. А. Левицкий, но люциферианский стих Интернационала «Мы наш, мы новый мир построим» вполне отвечал устремлениям и того, и другого. И не та же ли глухота к естественному историческому развитию довела Герцена, внутренне «раздвоенного», как пишет С. А. Левицкий, до пе-

рехода в лагерь внешних врагов России, что в конце концов и свело на нет его, прежде огромное, влияние на родине?

В противоположном лагере, у славянофилов, на мысли того же рода наводит, очень хорошо показанное нашим автором, снижение духовного уровня от Хомякова, Киреевского, Самарина к Данилевскому, с его «естественно-научной» схематизацией истории, почти целиком перешедшей впоследствии к Шпенглеру. В итоге опять — бесовская жуть, только в другом обличьи: хоть Шпенглер под самый конец своей жизни и проклял этих своих «незаконных детей», он всётаки оказался одним из «духовных отцов» германского национал-социализма.

Обратный пример — Чаадаев, очерк о котором кажется нам одним из самых удачных и интересных в книге. Его протест, при всех своих первоначальных крайностях, никогда не переставал быть религиозно осмысленным в самой своей основе. Очевидно, с этим и связано то, что настойчиво отмечает наш автор на основании материалов, опубликованных уже в советское время: «довольно радикальный переворот», происшедший в 40-х годах «в его (Чаадаева) оценках России и смысла ее бытия». Приведенные С. А. Левицким выдержки из этих более поздних писем Чаадаева, действительно вполне убедительны: здесь уже и католическая однобокость преодолена «воздаянием должного» православной Церкви, а вместе с этим выступает и, достаточно неожиданное, утверждение «вселенской миссии» России, ее призвания «обучить Европу множеству вещей, которых ей не понять без этого».

Теперь более понятными становятся влечение к Чаадаеву таких людей, как Хомяков, и дружба с ним Пушкина. Тут да будет позволено нам пожалеть об одном пробеле: думается, что в книге, посвященной развитию русской философской и общественной мысли, Пушкин заслуживал хоть небольшого параграфа. Против этого ничуть не говорит то обстоятельство, что сам Пушкин откровенно от всякой «метафизики» и, конечно, не создал никакой «системы». Недоверие к очень уж законченным, закругленным системам можно счесть даже за положительное качество, в большинстве случаев присущее подлинно творческой русской мысли. А уж в том, что эта творческая мысль была у Пушкина, одновременно «славянофила» и «западника» *avant la lettre*, в связи с этим — «либерального консерватора» в общественной жизни, сомневаться никак не приходится. И если надо было ждать чуть ли не Пушкинской речи Достоевского, чтоб увидеть в России дальнейшую разработку этих пушкинских тем, то это тоже не аргумент против их творческого значения.

Конечно, не при чем тут и « системы морали ». При всем преклонении перед гением Толстого, нельзя не испытать удручающего чувства, читая лишний раз у Левицкого о том, как непроглядно-рассудочная система морали, несомненно навеянная в значительной степени « передовыми » (с позволения сказать) взглядами его эпохи, подменила у великого писателя тот опыт жизни в Духе, который один только важен. Трагический пример того, как у « врожденно религиозного человека », каким Толстой, по определению проф. Левицкого, несомненно был, разум поддался совращению на пути как будто бы ясные, а в действительности ведущие в ничто.

Блестящая ясность мысли, законченная философская система (в сущности, первая в истории русской умственной жизни) были, конечно, у Владимира Соловьева, которому посвящен последний очерк в разбираемом томе. И признаюсь, что как раз это кажется мне тревожным. Можно ли еще говорить вообще о Вл. Соловьеве, без учета всего того, поистине страшного, что о рационалистической основе его мировоззрения писал Лев Шестов? Знаю, конечно, что у Шестова дело почти никогда не обходится без преувеличений, сама беспощадная последовательность его анти-рационализма порою начинает даже походить на какой-то рационализм навыворот, — но вопрос о подчинении у Соловьева подлинного религиозного опыта рассудку стоит, и уйти от него нельзя. Нельзя тем более ввиду тех опытов не высшей, а смутной и смущающей потусторонней реальности, которые у Соловьева были и самим проф. Левицким упоминаются, — не пример ли это опять посторонних вторжений в недостаточно заполненное пространство? С той же рассудочной подоплекой может быть связано и соловьевское увлечение внешней стройностью католицизма, в которую, кстати, его собственная « система » по-настоящему не укладывалась никогда, а отсюда и разочарование, и глубокий пессимизм, овладевшие им под конец. Разумеется, всё это не умаляет его несомненной гениальности, проявленной во всем, в том числе и в этих заключительных предчувствиях финальной катастрофы.

Остается, однако, что у истоков русского « религиозного Ренессанса » начала этого века стоит философ очень крупного калибра, но в чем-то двусмысленный. Тем более интересно будет увидеть, как проф. С. А. Левицкий представит прорастание посеянных Соловьевым семян во втором томе своего труда, который, надо надеяться, теперь уже не замедлит появиться в свет.

Связующее звено

« Юбилейный год » 1970 приближается к своему концу, и возникает вопрос : какой следующий « юбилей » будет всенародно отпразднован в Советском Союзе, после пятидесятилетия Октября три года тому назад и столетия со дня рождения Ленина в этом году? Юбилеи несомненно вошли в моду и стали частью образа жизни СССР. « Малые » юбилеи чередуются один за другим : пятидесятилетия образования, по-очереди, различных Союзных Республик и их компартий, столетия пятидесятилетия со дня рождения Энгельса и т. д. и т. п. Однако, среди предстоящих празднований, о которых сообщалось за последнее время в советской печати, в особенности бросается в глаза одно : в 1972 году будет отмечено трехсотлетие со дня рождения Петра Великого, и приготовления к этому празднованию уже начались.

Много утекло воды с тех пор как, тридцать три года тому назад, впервые после революции был реабилитирован Петр. Среди многочисленных статей, появившихся в советской печати перед празднованием столетия смерти Пушкина в марте 1937 года, была одна, в которой автор с некоторым недоумением коснулся вопроса о героическом образе Петра Великого в поэзии Пушкина. Этот автор голословно выразил предположение, что до своей смерти Пушкин подверг пересмотру свое преклонение перед памятью Петра. « Страховка » этого журналиста оказалась излишней. Недолго после этого в « Правде » появилась другая статья, задавшая тон дальнейшей трактовке темы о Петре, развенчавшая марксистского историка Покровского и многозначительно упомянувшая, что сам великий Сталин называет Петра Первого « великим ». В советском обиходе всё же Петр остался « Первым », и привилегия называть его « великим » была оставлена за Сталиным, равно как и привилегия называть Орджоникидзе — Владикавказом и Тбилиси — Тифлисом. Тем не менее, как положительная историческая личность, Петр был полностью реабилитирован. Последовал знаменитый фильм о Петре. Несколько лет спустя, уже во время второй мировой войны, имя Петра было возвращено Петергофу и присвоено Шлиссельбургу в новых названиях Петродворец и Петрокрепость. До Ленинграда, однако, дело не дошло.

Реабилитация Петра произошла в период сталинской ге-

роики, когда на горизонте нависала опасность нападения гитлеровской Германии и была сделана ставка на русский патриотизм. Никто в то время, разумеется, не мог угадать, к какому обороту событий эта ставка на русский патриотизм и реабилитация русского прошлого могут привести, но поскольку эта линия была чем-то совершенно новым и неожиданным, она порождала всевозможные прогнозы, расчеты и надежды, как среди наших подъяремных соотечественников, так и в эмиграции. Младороссы заговорили о Термидоре и выдвинули лозунг: «вся власть армии!» Генерал Деникин говорил о русском воине, у которого под красноармейским мундиром бьется русское сердце. Ожидания, однако, что победоносная армия избавит Россию от внутреннего врага, так же как она должна была избавить его от внешнего, оказались столь же несбыточными, как и расчеты тех, кто делал свою ставку на чужеземных освободителей. Надежды «оборонцев» закончились лишь одним славным, но грустным эпизодом: над Полоцком, освобожденным от немцев партизанами, несколько дней реял трехцветный русский флаг. Он скоро был заменен серпом и молотом. А несколько месяцев спустя, празднуя победу, Сталин мог провозгласить свой неожиданный тост за русский народ и поблагодарить его за то, что он не сверг его власти, цинично добавив, что любой другой народ это бы сделал.

Тормаз освобождения : ставка на самотек

Почему же русский народ, в лице своего вооруженного отряда — армии, не сделал того, чего от него ожидал Сталин? Причины этому могут быть многие, но мысль сразу обращается к двум наиболее вероятным. Первая — это ставка на самотек: все были слишком уверены, что, после своей победы в войне, русское национальное сознание нанесет окончательный удар чуждому коммунистическому владычеству, каждый рассчитывал на то, что «кто-то», ктонибудь из маршалов, какойнибудь нарицательный Жуков, Говоров или Толбухин, это несомненно сделает, — и никто в этом направлении инициативы не проявлял, к удивлению самих коммунистов. Другая причина — та же старая причина, которая в свое время привела к гибели белого движения: отсутствие ясного представления о том, чем коммунистический режим может быть заменен. И об этом стоит серьезно призадуматься сейчас, когда большевики снова заговорили о Петре Великом.

От « сталинской героики » сейчас остались только воспоминания о сталинском терроре и ежовщине. Надежды, ко-

торые в то время были связаны с ожиданием победоносного конца войны, оказались неоправданными. У крестьянина снова отобрали землю. Верующий снова испытал гонение при Хрущеве. Писателям снова заткнули рты. Восстановленные старые русские офицерские погоны появились на мундирах некоторых «братских» армий социалистических стран и стали символом проникновения в эти страны коммунистического гнета, вызывая среди их населения лютую руссофобию. Надежды, конечно, не угасали и не угасают. Пастернак мог писать: «Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, но всё равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание». Мысль эта, понятая в пророческом плане, может быть правильной, но в ее практическом преломлении она довольно опасна. Став на такую точку зрения, можно ни на вершок не сдвинуться с мертвой точки — со старой ставки на самотек и неизвестности о том, что может притти в будущем.

Можно предположить, что, в своем идеологическом обосновании предстоящего празднования трехсотлетия со дня рождения Петра Великого, коммунисты снова сделают попытку породнить Октябрьскую революцию с русской исторической традицией, представить Петра как предшественника Ленина, утверждать, что всё лучшее в русском прошлом нашло свое завершение в «Великом Октябре». Условия для этого сегодня, конечно, гораздо менее благоприятны чем тридцать лет тому назад. Тогда можно было играть на чаяниях завтрашнего дня. Сегодня можно только отчитываться за постылый сегодняшний день. С тех пор, развенчав Сталина как «нарушителя ленинских норм», большевики содрали маску с самого Ленина, проведя знак равенства между ним и своей сегодняшней практикой. Недаром, как отмечалось уже в «Возрождении», в «юбилейном году» в России заговорили об «иконах плешивого черта», недаром там уже четко ощущается «маразм» советского строя. В этих условиях невольно припоминается определение, данное одним советским публицистом преподаванию русской истории на рубеже двадцатых и тридцатых годов. Он охарактеризовал его как «контр-революционную пропаганду». Спрос на эту контр-революционную пропаганду, однако, настолько велик, что коммунистам приходится его в каких-то дозах удовлетворять, пытаясь удерживать дозировку в своих руках, прибегая, где это возможно, к двум маневрам, в пользовании которыми они так любят обвинять своих противников: к «фальсификации» и «клевете».

Жажда познания русского прошлого в советских условиях, конечно, не просто любознательность, не просто желание узнать побольше о своих предках, о том, как они жили, что они делали, о чем они думали, во что они верили. В этой жажде кроется стремление вновь приобрести утерянное. Но для того, чтобы это утерянное вновь приобрести, для того, чтобы оно могло стать животворным источником, восстанавливающим искалеченный организм нации, дающим ему новые силы для преодоления того « маразма », которым он окружен, надо его осознать во всей его глубине и полноте и уметь пользоваться его лечебным воздействием. Иными словами, надо в этом вновь познанном наследии прошлого найти ключи к разрешению задач сегодняшнего дня, ключи, открывающие путь к завтрашнему дню. Тогда только будут преодолены те препятствия, которые преграждали путь к освобождению России в течение прошедшего полувека : ставка на самотек, ожидание что « кто-то откроет путь к желанному будущему »; и полная неизвестность о том, что это желанное будущее должно собою представлять.

Роль эмиграции : досказывать недосказанное

Перед нами в эмиграции это пробуждение умов в России и эта жажда по животворным источникам русской исторической традиции ставит определенные задачи. В советских условиях никакая здоровая мысль, ведущая к осознанию полноты русского исторического наследия, никогда не может быть открыто до конца досказана. Она может только дать намек о том, к чему она ведет. Дав этот намек, она прячется или сворачивает с пути. Таким образом, воссоздание полной картины русского исторического наследия всё время тормозится несмотря на растущую жажду эту картину обрести. Находясь на свободе, мы в эмиграции можем обратить свои взоры на те всё ширящиеся круги в России, где раздаются голоса раскрепощенной мысли, но где нет никакого руководства этой мыслью или где это руководство переходит в подозрительные руки, можем подхватывать эти голоса и в условиях свободы придавать им определенную форму, досказывать недосказанное. Этим самым мы можем помочь нашим соотечественникам сделать первый необходимый шаг к свободе : осознать всё то лучшее, что можно найти в наследии русского прошлого, для того, чтобы сделать следующий шаг : извлечь из этого наследия то, что может послужить рычагом для достижения будущего достойного имени русского народа. За последние годы возможности контактов с нашими со-

отечественниками в России настолько увеличились, что такого рода политическое воздействие становится всё легче.

Постоянные факторы русской традиции

Ценность наследия русского прошлого для разрешения задач настоящего состоит в том, что на протяжении более тысячи лет существования Государства Российского, в совершенно разных условиях чередующихся эпох, не утрачивали своей дееспособности те постоянные факторы, которые были заложены в основу этого государства при его возникновении.

По традиции, принято считать началом существования Государства Российского привание Рюрика новгородцами на княжение в 862 году. Не вдаваясь в обсуждение тех споров, которые ведутся среди историков вокруг истолкования летописного предания о призвании Рюрика и его двух братьев, мы можем последовать историческому инстинкту русского народа в определении значения этого момента, с которого началась непрерывная преемственность верховной власти в России. И если рассказ летописца и содержит некоторые видоизменения первоначальной были, то и они представляют интерес, указывая на то, как, в первый период становления своей государственности, русские люди понимали и истолковывали условия возникновения своего государства.

В летописном повествовании бросаются в глаза два момента: во-первых то, что новгородцы призвали не одного князя, а целый княжеский род: «и избраша три брата с роды своими»; во-вторых, бросается в глаза роль народа в этом призвании: «и не бе в них правды, и вѣста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: "поищем себе князя, иже бо володел нами и судил по праву"». Здесь, при зарождении Государства Российского, в его основу были заложены две характерные черты русского понятия государственности: чутье династического принципа и участие народа в самом установлении правового государства.

Одно из существенных различий между развитием русской государственности и развитием государственности в странах Западной Европы состоит в том, что там участие народа в управлении государством было *завоевано* в результате *борьбы*, в России же, до петербургского периода (когда стали преобладать влияния Запада), между властью монарха и участием народа в государственной жизни, в общем, преобладала гармония. Эти два момента приводились в действие ходом событий совершенно естественно, друг друга восполняя. Иници-

атива исходила иногда с одной стороны, иногда с другой. По инициативе царя, земские соборы заменили утратившее свою дееспособность вече. Когда наступило Смутное Время и можно было сказать, словами летописца, что «бьяша в них усобице и воевати почаша сами на ся», в преодолении смуты проявил инициативу народ.

Борьба велась на других полях сражений: междоусобная борьба князей в удельно-вечевой период, борьба Иоанна Грозного с княжатами, столкновение между царской властью Алексея Михайловича и политическими притязаниями Патриарха Никона. Притом характерно, что в этих столкновениях монарх и народ обычно действовали в союзе, вернее, в единении. Всякие попытки какой-либо общественной группы ограничить власть монарха народ инстинктивно воспринимал как посягательство на свою свободу. «Боярский царь» Василий Шуйский не мог долго удержаться на престоле. Более века спустя, в совершенно изменившихся условиях, подобные же опасения сыграли свою роль в провале попытки навязать «кондиции» Анне Иоанновне.

Смысл призвания Михаила Феодоровича: легитимный принцип

Поразительный пример сочетания понятий самодержавной власти монарха и участия народа в государственной жизни дан призванием Михаила Феодоровича Романова на царство. Это событие неправильно истолковывалось некоторыми историками по очень простой причине: они упускали из виду особенности понятий о престолонаследовании, общепринятых в Московской Руси. Эти историки рассматривали молодого Романова как «ставленника» определенной классовой группировки — служилого дворянства в союзе с частью боярства, — а в формулировке самого призвания и в наказе данном собору отыскать ближайшего сродича угасшей династии они были склонны видеть попытку дать только видимость законного наследования акту произвольного выбора удобного этой классовой группировке кандидата. На самом же деле, по тогдашним московским понятиям о праве наследования, заимствованным из Византии, после Годуновых, наследовавших по линии жены последнецарствовавшего царя московской линии Рюриковичей Федора Иоанновича, ближайшим наследником стал Михаил Феодорович Романов, по линии жены предшественника Федора Иоанновича на престоле, Иоанна Грозного. Таким образом, объявив Михаила Феодоровича ближайшим сродичем угасшей династии, участники собора 1613 года ни к каким хитросплетениям не прибегали. Этим объясняется и то

обстоятельство что враги Бориса Годунова клеймили его не как узурпатора, а как убийцу стоявшего на его пути к престолу Царевича Димитрия, тогда как природного Рюриковича Василия Шуйского в народе считали узурпатором.

Этим объясняется также и то, что в сознании русских людей XVII века призвание Михаила Феодоровича на царство представителями народа отнюдь не умаляло самодержавности нового государя. Представители народа собрались для того, чтобы найти и объявить законного наследника. После того как он был найден и объявлен, последнее, что им пришлось бы в голову, это умалить права, присущие его сану, ибо в этих правах они видели не только обоснование самого сана, но и защиту своих свобод от посягательств каких либо произвольно сформировавшихся группировок.

В этом главный смысл русского понятия самодержавия, которое так часто неправильно отождествляют с западным понятием абсолютизма или с азиатским деспотизмом. Сам термин «самодержавие» этимологически образовался случайно, от слова «самодержец», перевода греческого слова «автократор», которое в свою очередь — греческий перевод латинского слова «император». Титул «самодержца» был принят Иоанном III после свержения татарского ига, и самодержавие поэтому приобрело добавочное значение *суверенности*, как в международном так и во внутреннем отношении, *независимости* от какого либо давления или ограничения, будь это со стороны иностранной державы или группировки сил внутри страны. Как мы уже видели, это понятие ничуть не исключало участия представителей народа в управлении государством. Наоборот, подобное участие заложено в основе русской государственности.

Можно спорить о том, когда самодержавие возникло в России и остановиться на каком-нибудь моменте: например, при Иоанне III, или позднее, при Иоанне Грозном. Такой подход нам представляется неверным, т. к. здесь основной принцип государственности смешивается с определением государственной практики в определенных условиях определенной исторической эпохи. Самодержавие Иоанна III было настолько же непохожим на самодержавие Петра Великого, как самодержавие последнего было непохожим на самодержавие Александра III. Принцип же самодержавия, в его русском понятии — «иже бо володел нами и судил по праву» — составлял неотъемлемую часть русской государственности на всех стадиях ее развития. В этом смысле, крещение Руси Владимиром Святым можно рассматривать как акт самодержавного русского государя.

Трагедия предреволюционного периода русской истории кроется именно в утрате этого подлинного, русского понятия самодержавия, под влиянием западных теории и практики. В политической мысли образовалась и расширялась пропасть между теми, кто был склонен рассматривать всякое развитие в сторону привлечения народного представительства к участию в управлении как измену русской государственности, по существу ими забытой или по крайней мере непонятой; и между теми, кто вообще в русской государственности ничего положительного не видел и искал спасения в следовании западноевропейским образцам.

Наследие русской монархии обнимает и удельно-вечевой ее облик, и теорию Третьего Рима, Земские Соборы и Боярскую Думу, равновесие — иногда нарушаемое — между светской властью Царя и духовной властью Патриарха, преобразования Петра Великого и петербургскую Империю, великие реформы Александра II и предреволюционный, думский период. Когда это наследие воспринимается в таком диапазоне, становится ясным, что русскую монархию нельзя отождествить с государственным режимом какой-либо отдельно взятой исторической эпохи. Формы государственного управления меняются с переменами условий. Принцип же монархии, в своем корне и своей основе, изменению не подлежит. За тысячу лет русская монархия много раз внешне видоизменялась, и в нашу эпоху она может в России стать тем же животворным источником государственного бытия, каковым она была в Киеве, Москве и Петербурге. Более того, она может стать именно тем животворным источником, который, лучше чем какое либо другое политическое течение, может излечить и возродить нашу искаленную родину.

«Помни, что никак не тем путем, которым заблудились, возвращаемся, но другим, кратчайшим». Эти слова великого отца-пустынника Иоанна Лествичника применимы не только к духовной жизни, но и к политической, в особенности там, где политическая жизнь близко соприкасается с духовной жизнью народа. Мы опять возвращаемся к старой теме, к ставке на самотек, к надежде на то, что «сама жизнь» залечит нанесенные раны и, извилистым путем, выведет Россию из того тупика, в который ее завели те, кто надругались над достоянием ее прошлого. «Сама жизнь» иногда может залечивать раны, но нельзя только на это полагаться, под страхом еще хуже искалечить организм. Во всяком случае, промедление времени на руку только тем силам, которые вовсе не заинтересованы в залечивании ран, ими самими нанесенных и наносимых.

Назревает момент для « скачка »

Для выхода из тупика необходим « скачек », ясное понимание того факта, ставшего уже бесспорным, что « так дальше продолжаться не может ». Сейчас имеются все указания, что момент для такого скачка назревает.

Вспомним психологическую обстановку в России лет двенадцать-пятнадцать тому назад. После смерти Сталина все ожидали раскрепощения, и некоторые признаки раскрепощения были налицо. Начался поток освобожденных узников из сталинских концлагерей. « Дух Женевы », казалось бы, открывал новую страницу в отношениях СССР с внешним, некоммунистическим миром и политика « мирного сосуществования » принималась многими за чистую монету. Ставка на самотек как будто бы оправдывала себя. Не следует форсировать хода событий, говорили тогда многие, а то можно еще « сглазить » их желанный исход. К мысли о свержении режима относились с опасением. Тут играли роль и воспоминания о прошлой войне и германской оккупации, и боязнь, что падение существующего строя может повлечь к ядерной войне, и опасения всевозможных « стенок » и личных счетов, которые начали бы сводить те или иные элементы, воспользовавшись крушением режима. Разразившиеся осенью 1956 года события в Венгрии лишь подкрепляли эти опасения, в особенности когда их сравнивали с ходом событий, происходивших в то же время в Польше и якобы подтверждавших мудрость ставки на « эволюцию ». Ко всем этим страхам и недоумениям добавлялась и неизвестность того « будущего », которое могло заменить « настоящее ». К тому же, в некоторых слоях населения — части молодежи и интеллигенции — не был еще полностью изжит « пафос революции ». Успехи в завоевании космоса — сами по себе замечательные достижения русских людей — давали советским идеологам новый рычаг для пропаганды « преимуществ » социалистического строя.

В настоящее время положение сильно изменилось. Первый выстрел в руководителей компартии — попавший не по цели вследствие во-время принятых мер предосторожности — произошел как раз при очередной встрече в Москве возвращающихся с полета космонавтов, а когда некоторое время спустя, в мае 1969 года, Брежнев посетил выставку « Автоматизация-69 », до его прибытия парк Сокольники был очищен от публики. Новый поток политических заключенных хлынул в новые концлагери. Страна переживает один экономический кризис за другим, в особенности в сельском хозяйстве, но также и во многих отраслях промышленности, и доклад Бреж-

нева на пленуме Центрального Комитета в декабре 1969 года, в котором, как полагают, критическое положение народного хозяйства было изложено с особой ясностью, никогда не был опубликован. На востоке поднимается угроза красного — и в то-же время желтого — Китая, и именно потому, что Китай «красный», у красной Москвы для борьбы с ним связаны руки. Старый страх перед тем, что может произойти при перемене режима, отходит на задний план и уступает место новому страху: что может произойти если режим будет продолжать оставаться у власти.

В этой обстановке здравый политический инстинкт мыслящих русских людей ищет ответа на один кардинальный вопрос: что может сейчас заменить компартию? Вопрос не в том, что может заменить коммунистическую идеологию, ибо идеология — это самая слабая сторона всего коммунистического здания. Вопрос в том, что может заменить компартию в той роли, которую она играет совершенно случайно, но роли необходимой — роли того звена, которое связывает воедино то многонациональное государство, которое развилось и развивается на территории Российской Империи. В таком государственном конгломерате всегда существуют потенциальные центробежные силы, и эти силы неизбежно приводятся в действие если удаляется связующее звено и на смену ему ничего не приходит.

Примером того, к чему может привести отсутствие такого связующего звена, может послужить картина будущего строя освобожденной от коммунизма России, набросанная в изданной в Амстердаме Фондом имени Герцева и распространяемой в России Самиздатом «Программе Демократического Движения Советского Союза». Содержание этого документа уже разбиралось на страницах «Возрождения», и некоторые положительные стороны выдвигаемой в нем экономической программы были отмечены. Вместе с тем, как тогда же отмечалось, этот документ, происхождение которого неизвестно, преисполнен ненависти ко всему историческому прошлому России, требует устранения «насильственного» «объединения народов вокруг великорусского национального ядра» и вверения судеб этих народов «наблюдательным» и «арбитражным» «комиссиям ООН». Последовательно в этом документе одно: раз устранено звено, связывающее «объединение народов вокруг великорусского национального ядра», то дорога открывается расчленению этого «объединения», с последующим, добавим мы, хаосом в мировом масштабе.

Пагубность такого разрешения «русского вопроса» сейчас ясна многим иностранным кругам, которые, лет двадцать

тому назад, благосклонно относились к поощрению центробежных сил в Советском Союзе. Пагубность эта должна быть ясной и мыслящим людям на нашей родине, и среди них далеко не только одним великороссам.

Можно полагать, что большинство из них, своим здравым политическим инстинктом, ощущает, что пока не будет найдена сила, которая может заменить компартию в роли связующего звена, компартия останется у власти, и что это большинство ищет этой силы.

Есть такая сила

Лучше всего удовлетворить нужды и чаяния всех народов и всех слоев населения нашей страны могла бы та сила, которая, выполняя роль «связующего звена», сочетала бы с этой ролью обеспечение полной свободы всех этих народов и слоев; иными словами, сила, которая, заменив коммунистическую партию, не стала бы обратной стороной той же медали, каковой была компартия.

Такую силу может представить собою монархия.

Монархия представляет полную противоположность компартии. Монархия — естественно, органически развившееся звено, связавшее в одну многонациональную семью народы Российской Империи и направлявшее их историческое развитие в его естественном русле. Эта роль в корне чужда компартии. Ставши «связующим звеном» совершенно случайно, благодаря захвату власти при отсутствии дееспособных соперников, и прикованная к целям и интересам ничего общего с интересами народов нашей страны не имеющим, компартия, с первых же годов советского режима и по сей день, должна была направлять развитие общества в свое, искусственное русло, дав ему ровно ничего не значущее определение: «культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию». Этот процесс всё время вызывал естественное сопротивление, и струи естественного развития продолжали и продолжают просачиваться в свое исконное русло, несмотря на преграды, которые коммунистическая партия вынуждена вновь и вновь воздвигать. Для этого компартия должна быть вездесущей, она должна иметь своих секретарей и партторгов не только в крупных административных учреждениях, но и в каждом колхозе, заводе, техникуме, театре, воинской части, среди полярников и космонавтов.

Монархия же, для выполнения роли «связующего звена», совершенно не нуждается в этом громоздком аппарате. Возглавление государственного организма монархией вернуло

бы развитие общества в его естественное русло, и весь аппарат нарочито созданный для направления его в другое русло был бы тем самым автоматически ликвидирован. Сила монархии состоит в ее моральном авторитете, который преподается обществу ее символикой, доступной и понятной каждому и не требующей армии уполномоченных, размещенных на всех ступенях государственного, экономического и культурного руководства.

Нужно только чтобы мыслящие люди на родине — в особенности те из них, кто не кричит « караул! », а имеет возможность крикнуть « довольно! » — осознали эти бесспорные преимущества монархии, и начало освобождению и возрождению нашей родины будет положено, — начало процессу, который, мы уверены, будет развиваться гораздо быстрее, чем может казаться, ибо многие в России сейчас инстинктивно сознают, « что дни лукавы ». На пути стоят, конечно, серьезные барьеры, которые необходимо будет взять.

Компартия и самостийные тенденции : « вторые секретари »

Назовем один из них : центробежные силы, самостийные настроения среди невеликоросских национальностей. Во многих эмигрантских кругах принято всех самостийников предавать анафеме. Надо понять, однако, что питает самостийные настроения среди населения Союзных Республик СССР. В каждой из этих республик властелином выступает первый секретарь Центрального Комитета республиканской компартии. Он всегда принадлежит к национальности своей республики : белорус, латыш, грузин, молдаванин, узбек. За ним, однако, стоит второй секретарь, « глаз » Кремля, который почти всегда бывает великороссом. Не удивительно, что многие среди населения этих республик смотрят на великороссов, как на носителей коммунистической чумы. Конечно, жизнь вносит свои поправки. В тех же республиках находятся лагеря, в которых томятся великороссы. В городах и поселках этих республик живут ссыльные великороссы. Всё это несомненно порождает чувство общей участи всех, находящихся под пятой компартии. Но компартия — это всётаки « Москва », и этого не следует забывать.

Надо надеяться, и не следует даже сомневаться, что здоровый политический инстинкт присущ не одним великороссам, и что мыслящим людям из других национальностей нашей страны, как бы ни заманчива была перспектива « отделаться от Москвы », ясны те пагубные последствия, как в местном, так и в мировом масштабах, которые несомненно

имели бы место в случае расчленения нынешнего Советского Союза. Они также могут осознать преимущества возглавления нашего многонационального союзного государства монархией, при которой отпала бы всякая нужда во « вторых секретарях ».

Таково перспективное преимущество монархии, как формы верховной власти в вернувшейся на свой исторический путь Российской Империи. Мы не станем сейчас входить в анализ тех форм управления, которые могли бы при ней быть введены. Как мы сказали выше, русская монархия в прошлом возглавляла различные формы управления, и в нашу эпоху она способна возглавить ту форму, которая будет наилучшим образом отвечать требованиям времени, сохраняя, как всегда, присущий ей характер независимой силы, не связанной своим положением никакой отдельной группировке, национальной, классовой или партийной, и тем самым способной обеспечить свободу всех народов и всех слоев населения.

Роль и возможности Династии

Помимо своих перспективных преимуществ над другими формами верховной власти в удовлетворении присущих нашей стране требований, у монархии есть и исключительное тактическое преимущество над любой другой политической силой в осуществлении освобождения нашей родины. Всякая другая сила должна для этой цели создать организацию партийного характера. В Советском Союзе сейчас это почти неосуществимо, и если даже было бы возможно достигнуть чего-либо подобного, всегда остается опасность грандиозной провокации, вроде той, которая была проведена с евразийцами. Успех такой провокации — а козыри все в руках ее зачинателей — сводит данную политическую силу на нет. Для монархического дела, организация политического аппарата — вопрос второстепенный. Его сила в том, что оно служит единственному русскому государственному учреждению, которое сохранило свою преемственность со времен Рюрика и которое существует и поныне: исторической Русской Династии. Учреждению, добавим мы, судьба которого не зависит от удачи или неудачи какого-либо единичного почина, предпринятого его вернопреданными сторонниками.

Любое другое политическое движение имеет еще тот недостаток, что, не имея иной формы, в которую оно могло бы облечься, кроме формы организации партийного типа, оно в силу этого должно с самого начала выдвигать определен-

ные программы с детально разработанными ответами на различные политические и экономические вопросы, — программы, которые сегодня по очевидным причинам не могут быть осуществлены, а послезавтра устареют. Для монархического дела никаких таких детально разработанных программ выдвигать не надо. Важно, чтобы под авторитетом Главы Императорского Дома был открыт форум здоровой и свободной политической мысли, отражающей чаяния русских людей и людей других национальностей Российской Империи, стремящихся вернуть свою родину на ее исконный, исторический путь, путь созидательный, путь свободный. При таком общем согласии в основной цели, пестрота мысли не должна пугать. Наоборот, она может принести пользу, расширив диапазон выбора в нужный момент.

Важно, чтобы все наши соотечественники стремящиеся к освобождению и возрождению нашей родины — эмигрант в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, Марокко, Австралии, профессор в Москве или Новосибирске, инженер или рабочий в Харькове или Баку, колхозник в Тамбовской или Кустанайской Области, бухгалтер в Риге, скрипач в Одессе, археолог в Тифлисе, полярник на Земле Франца-Иосифа, военный служащий в Берлине, Ташкенте или на дальневосточной границе, все они — каковы бы ни были их возможности и какие расстояния их бы ни разделяли — чувствовали себя не одинокими и знали, что есть стержень, вокруг которого все их чаяния вращаются и с помощью которого их усилия в конечном итоге будут увенчаны успехом; источник их энергии, в который они могут включиться как в радиоприемник.

Таким стержнем и таким источником, общедоступным и неуязвимым, может быть только историческая Русская Династия с ее ныне здравствующим Главою. За последние годы русские люди уже неоднократно имели возможность прислушаться к голосу Великого Князя Владимира Кирилловича и почерпнуть бодрость и надежду из сознания того, что, в настоящий критический момент в истории нашего отечества, Глава Российского Императорского Дома всецело посвятил Себя и Свою Семью служению России и принял все необходимые меры для обеспечения будущности Династии. Под сенью Его авторитета, русские люди могут достичь двух насущных целей сегодняшнего дня: избавить Россию от чуждого владычества компартии, пребывание которой у власти становится с каждым днем всё более и более опасным; и пресечь попытки врагов внешних и внутренних расчлениить и уничтожить нашу родину.

И. И. Билибин

Оплот мира

В атомный век, вопрос международного мира стал, для каждого народа и для каждого человека, вопросом «быть или не быть», по причинам очевидным и общеизвестным, на которых поэтому нет надобности останавливаться.

Тем не менее — и это тоже общеизвестно — в течение уже двух с половиной десятилетий, прошедших со времени окончания второй мировой войны и начала атомной эры, новый мировой катаклизм предотвращается главным образом только наличием «баланса террора» — равновесия основанного на взаимном устрашении — между двумя «сверх-великими» державами, Соединенными Штатами и Советским Союзом. За последние годы, это положение несколько меняется вследствие того, что признания в качестве третьей «сверх-великой» державы добивается коммунистический Китай, также начинающий подкреплять свою внешнюю политику «атомным террором» и сверх того заявляющий, устами своих руководителей, что для себя он не признает атомное оружие столь устрашающим.

Основанное на страхе, сопровождаемое взаимным напряженным недоверием, это состояние превратно, непрочно по самому своему существу. Известны случаи, когда простая ошибка в механизмах, наблюдающих за потенциальным противником, могла немедленно вызвать термоядерную войну. Само территориальное разграничение противостоящих сторон сложилось, в Европе и Азии, не в результате какого либо мирного соглашения, а только из-за невозможности применить силу дальше известного предела и оно сохраняется постольку, поскольку соотношение сил остается приблизительно тем же. Заминированные и обтянутые проволокой демаркационные линии не стали мирными границами и продолжают быть замороженными фронтами — фронтами «холодной войны», легко превращающейся от любой неожиданности в настоящую «горячую» местную войну, как в настоящее время во Вьетнаме.

Из этого положения, порожденного и поддерживаемого страхом и недоверием, невозможно перейти к прочному миру без устранения его причин. Иначе говоря, необходимо вызвать доверие, вселить уверенность в своем собственном желании мира, подлинном, а не только вынужденном.

Без всякого сомнения, подавляющее большинство населения Советского Союза прежде всего и больше всего желает мирного развития своей страны. Его к этому побуждает и его душевный склад, унаследованный от прошлых веков, и вся совокупность современных условий. Но тут сразу же возникает двусмыслица: что такое, для этого населения, своя «собственная страна», и что такое сам Советский Союз? Из того именно, что одно с другим не покрывается и не совпадает, и возникла прежде всего драма недоверия, которым отравлен мир.

По теории, до сих пор не отмененной и остающейся основной советского государственного права, Союз Советских Социалистических Республик — вовсе не какая бы то ни было страна, а не признающая никаких границ новая «общественная формация», будто бы предназначенная ходом истории к тому, чтобы распространиться на весь мир. В первые послевоенные годы, недоверие и необходимый отпор со стороны западного мира, возглавленного в этих условиях Соединенными Штатами, тем и были вызваны, что советская государственная власть действительно установила коммунистический строй в целом ряде стран или в частях разных стран — везде, где это было практически возможно, притом не считаясь с желаниями населения этих стран и основываясь только на предполагаемой «исторической закономерности», будто бы установленной марксизмом-ленинизмом раз и навсегда.

Другое дело, что последовательно придерживаться теории не оказалось возможным. Страны, таким образом включенные в «социалистический лагерь», всё же не были влиты в состав Советского Союза, который, тем самым, всётаки оказался особой страной, по причинам, необъяснимым с точки зрения официальной теории. Тем не менее, фактическая сфера влияния СССР или, вернее, его господства сложилась не по каким бы то ни было национальным и историческим признакам, а только в зависимости от удавшегося, или неудавшегося, распространения коммунистической системы. Принципиально, никаких пределов этому расширению не предусматривалось; а так как оно проводилось главным образом силой, то и Запад, естественно, противопоставил ему силу же: «баланс террора», «холодную войну».

В особой степени и уже окончательно необъяснимыми с точки зрения официальной теории оказались невозможность прочно подчинить советскому влиянию коммунистический Китай и последовавший разрыв с ним. Вместо предсказанного теорией «устранения национальных антагонизмов» внутри «социалистического лагеря», новая военная угроза отчетли-

во возникла на восточной границе Советского Союза. Но это непредвиденное и в высшей степени тревожное обстоятельство сопровождается тем парадоксом, что официально конечная цель советского государства остается той же, что и у красного Китая: распространение коммунистической системы на весь мир. С точки зрения марксизма-ленинизма, спор между Москвой и Пекином может идти только о средствах к достижению этой цели. Отсюда и проистекает чрезвычайная трудность для советского правительства отказаться окончательно и открыто от всякой солидарности с китайским коммунизмом или, тем более, войти в какую либо новую международную группировку против него.

Отсюда же и продолжающееся недоверие во всем остальном мире. Верно, что коммунистический Китай теперь ведет себя гораздо более агрессивно, чем Советский Союз; верно, что по здравому смыслу китайская угроза границам самого СССР требует от советских правителей совершенно новой внешней политики. Но пока « идеологическая база » советского государства остается всё той же, ни у кого не может быть уверенности в том, что объявленное Москвою « мирное сосуществование » представляет собою нечто большее, чем просто временный и вынужденный тактический маневр. Строго говоря, ни у кого нет даже уверенности в том, что в один прекрасный день какие-то партийные элементы в Москве не решат « отдать китайцам половину Сибири » (такие толки кое где были и есть), — лишь бы восстановить расколовшийся мировой коммунистический « монолит ». И даже кратковременного припадка подобных настроений на правящих советских верхах может оказаться совершенно достаточным для того, чтобы свергнуть мир в небывалую катастрофу.

Отказ от стремления к тоталитарному господству в « планетарном масштабе », т. е. от самой « идеологической базы » советского государства, составляет таким образом первое условие для восстановления доверия хотя бы только в пределах мира европейской культуры, к которому органически принадлежат и США, и СССР. Но тут возникает вопрос: если устранить эту « идеологическую базу », то во что же обратится Советский Союз? Не подлежит сомнению, что для очень многих граждан Советского Союза этот вопрос, независимо от каких бы от ни было партийно-коммунистических соображений, составляет предмет глубокой тревоги. Непригодность и даже прямая злобредность этой « идеологической базы » ясна уже очень многим из них, по всей вероятности — большинству. Однако, чем ее заменить, так, чтобы вместо желанного международного умиротворения Советский Союз сам не стал

полем новой смуты и объектом новых столкновений и международной борьбы?

Эта тревога, задерживающая естественный ход внутреннего развития в Советском Союзе, усугубляется тем, что в окружающем мире справедливое отвержение советской идеологии легко переходит в отрицание права на существование Советского Союза как многонациональной великой державы. В разгар холодной войны это выразилось, как известно, в законодательном акте Конгресса США, скрепленном подписью Президента Эйзенхауера и провозгласившем необходимость освобождения из под «русского» (великорусского) господства всех прочих советских народностей. Не отмененный поныне, этот акт, тем самым, остается, в принципе, определением одной и официальных целей американской внешней политики.

Теперь, когда связующая сила коммунистической идеологии выдыхлась окончательно, Советскому Союзу становится всё трудней сохранять свое, прежде непререкаемое, господство над малыми коммунистическими странами Европы. В Чехословакии это удалось только применением грубой силы, в отношении Румынии это уже не удастся. Стремление вернуть свою национальную независимость уже стало главной внутренней силой во всех теперешних «народных демократиях» и сдерживать его насильственно можно только до поры, до времени. Сохранение в будущем их близких отношений с Советским Союзом возможно уже только в порядке нормальных равноправных международных связей и соглашений. Но остается выяснить, должен или не должен этот процесс распространиться и на центральное ядро распадающегося коммунистического лагеря, должен или не должен сам СССР уступить место множеству независимых национальных государств, как то предусмотрено вышеупомянутым законодательным актом США.

Правда, можно думать, что в теперешних изменившихся условиях подобный проект становится для самих Соединенных Штатов менее заманчивым. Его осуществление, конечно, дало бы им непосредственно положение единственной мировой «сверх-державы». Но намечающееся выдвижение теперешнего «третьего» — Китая — этим не было бы устранено. Скорее наоборот. По всей вероятности, для Америки теперь прямой расчет — иметь на месте Советского Союза сильного друга, нежели незащищенное пространство, которое может стать легкой добычей китайцев и источником дополнительной силы в преследовании — всё равно ненасытном — планетарных маоистских целей. С этим, кстати, перекликаются сведения о том, что в советских среднеазиатских республиках

сепаратизм, довольно заметно там развивавшийся, очень сильно поблек за последние годы, именно из боязни совершенно ужасного китайского соседства. И это только один из примеров того, что превращение Советского Союза в пыль разрозненных и слабых государств, пусть и под — трудно осуществимой — американской протекцией, на деле повело бы не к прочному миру, а к новым осложнениям и конфликтам.

Всё же этот соблазн существует. И необходимость устранения в СССР коммунистической идеологии, по сути своей агрессивной, неотделима от дальнейшего вопроса :

На место коммунистической партийности, что можно поставить такого, что внушало бы во всем мире достаточно доверия к своему подлинному, а не напускному миролюбию и вместе с тем могло бы на достаточно убедительных основаниях мирно обладать теперешней советской государственной территорией?

Для правильного же решения этой задачи, надо, наконец, ответить на вопрос, что такое Советский Союз, не в провалившейся теории, а в исторической действительности.

Сказать, что Советский Союз это — Россия, верно в известной мере, но еще далеко не точно. Само слово «Россия» — переделанное на греческий лад слово «Русь» — указывает только на одну национальную группу, по своему удельному весу стоящую и продолжающую стоять на первом месте в данном государственном образовании, но с ним, очевидным образом, не покрывающуюся. Конечно, это государство — национальное государство всех русских, всех ветвей восточного славянства, таковым оно было от своего возникновения и таковым остается вопреки теперешней официальной интернационалистической теории, но вместе с тем оно и нечто большее, уже с давних пор и по сей день. Обосновывать это государственное объединение на одном национальном элементе, как бы то ни было содержащемся в слове «Россия», попросту невозможно. Оно, очевидным образом, шире и если и сложилось вокруг русского (восточно-славянского) ядра, то лишь при участии каких-то иных, не чисто национальных факторов. Требуется, следовательно, и какое-то расширенное определение, чтобы установить, почему, на каких основаниях это государственное объединение существует на этой именно территории, почему для него и незаконно, и бесцельно, и невозможно включать в свой состав, например, Венгрию, и почему, с другой стороны, оно имеет право отвергать, например, претензии румын на Бессарабию или китайцев — на Приамурье.

Такое определение существует, и только одно. В истори-

ческой действительности, государственное образование, именуемое сейчас Советским Союзом, это, совершенно точно, Всероссийская Империя.

Совершенно точно — потому что выделение Польши из состава Империи было уже принципиально предрешено, до революции, в законном порядке, Всероссийской имперской — Императорской — властью, потому что Финляндия никогда и не входила в состав Империи, а была с нею только в персональной унии, которая могла прекратиться не затрагивая Империи как таковой, потому что, с другой стороны, присоединение к Империи Галицкой Руси также было уже обусловлено договорами, заключенными Императорским правительством с союзниками во время войны, — и всё это вплоть до того, что даже фактический советский протекторат над Внешней Монголией, составляющий теперь необходимый стратегический заслон для Сибири, также унаследован от Императорской России, установившей его, также в договорном порядке, после того, как китайская революция упразднила правовые отношения, связывавшие Монголию не с китайским государством, а с маньчжурской династией.

Историческое право на обладание всей территорией сегодняшнего Советского Союза имеет Всероссийская Империя. И только она может сказать убедительно, так, чтобы вызвать доверие во всем мире, что, обладая мирно всем этим, она ничего другого не ищет.

Для мирного развития всех народов, его населяющих, и для мирного развития всего человечества, единственное, что можно поставить на место сегодняшнего Советского Союза, с его превратной « идеологической » основой и с его, устрашающей весь мир, партийной тоталитарностью, это — Всероссийская Империя.

А это означает, что превратную и уже рушащуюся коммунистическую « идейность » СССР надо заменить той объединяющей нравственной силой, которая позволила Империи возникнуть и жить, а стержень, которым в советской государственности стало тираническое партийное государство, заменить тем стержнем, вокруг которого сложилась и на котором держалась Империя. Что это за стержень и что это за объединяющая нравственная сила?

Никакого сомнения нет: силой, морально объединявшей Империю, было доверие к нравственному облику Всероссийской Императорской Власти, наследственной и по этому ни от кого не зависящей, которая и составляла стержень Империи. Всё остальное менялось, в естественном порядке, на протяжении веков, — это оставалось неизменным. Когда же бы-

ла подорвана эта нравственная сила и когда был выдернут стержень, Империя рухнула, и для ее временной замены Советским Союзом не оказалось возможным на место монархического стержня водворить ничего — кроме безудержного и беспощадного партийного произвола.

Этому произволу всевозможные группы населения СССР оказывают теперь все более твердое и все более открытое сопротивление. Параллельно с этим мы наблюдаем у них непрерывный рост не только углубленного интереса к прошлому своей страны — всей страны, в целом и во всех ее частях, т. е. именно Всероссийской Империи, — но и явной любви к этому прошлому. Мы не ошибемся, сказав, что из них очень многие всё отчетливее сознают благотворную роль, сыгранную в прошлом монархическим стержнем Империи и объединяющей нравственной силой, присущей ему и им излучаемой. Остается выяснить, переходя от прошлого через настоящее к будущему, возможно ли возобновление этого благотворного действия в наши дни, во второй половине XX века.

В сущности, ответ на этот вопрос уже содержится в вышесказанном. Для существования верховной монархической власти — совместимой с какими угодно формами административного, общественного и экономического устройства — есть только одно необходимое условие: народное доверие, т. е. именно сознание того, что эта власть благотворна по своему существу (независимо от отдельных ошибок, упущений и промахов, которые всегда бывают и всегда остаются возможными). Современная историческая наука — там, где она развивается свободно, а не по навязываемым ей партийно-политическим схемам, — с достаточной ясностью установила этот факт: по крайней мере в пределах культурного мира, воспитанного христианством, вообще не было никогда монархической верховной власти без народного согласия и народной поддержки. Диктатура, партийная или всякая иная, может — некоторое время — держаться без этой поддержки и даже в борьбе со своими народами; напротив, для монархии ее приятие народным сознанием и народной совестью составляет условие существования, необходимое и достаточное. Поэтому устранение партийной диктатуры в СССР составляет проблему: недостаточно признавать это необходимым и этого желать — от партийной диктатуры надо еще избавиться на деле. Но после этого, для того, чтобы была монархия, достаточно согласиться с ее благотворностью и ее пожелать: ее установление никакой проблемы не составляет, потому именно, что ни с какими формами дальнейшего политического, общественного и хозяйственного устройства она, как таковая, не связа-

на. Разработка этого устройства будет, разумеется, ставить проблемы всякого рода; но чтобы и эта разработка протекала уже при сглаживающем противоречия и умиротворяющем воздействии верховной монархической власти, требуется только одно : признать Носителя этой власти, указанного законом преемства — единственным неотменяемым законом Империи — и больше ничего. Монархия — в этом; всё остальное — вопросы устройства народной и государственной жизни при монархии.

В отношении внешнего, окружающего мира, дать всероссийской проблеме монархическое решение — это значит водворить на всероссийском пространстве определенный порядок, исключаяющий стремление к « планетарному » господству и вместе с тем исключаяющий всякое вмешательство извне во внутренние имперские дела. Императорская Всероссийская Власть имеет право обладать всей российской территорией; при ней, внутреннее устройство всей этой территории и каждой ее части представляет собою, именно, внутреннее дело, в которое, также и по уставу Организации Объединенных Наций, никому постороннему вмешиваться не надлежит. Так как монархия, по своему существу, руководствуется, как уже сказано, достаточно прочно установившимися желаниями всего населения, а в случае противоречивых желаний различных групп имеет своим назначением приводить их к некоему равнодействию, то, в частности, и все вопросы взаимоотношений между национальностями, населяющими всероссийское пространство, могут решаться, при монархии, только в соответствии с этим. Исторический опыт, и в особенности современных государственных соединений, сохранивших монархическое возглавление, показывает, что в этом отношении практические решения могут быть самыми различными, притом в одно и то же время разными в разных местах, от простой местной автономии до федерации и даже конфедерации. Возможно всё, что угодно, — но в мирном порядке, при сглаживающем и поддерживающем равновесие воздействию монархического возглавления, следовательно — без возможности использования этих проблем внешними, посторонними силами, без риска, порождаемых таким использованием, новых международных осложнений и конфликтов.

Взяв конкретный пример, — для Всероссийской Империи вопрос ее отношений с Венгрией или с Румынией есть, очевидно, вопрос международный; и как таковой, он подлежит международному праву; но вопрос устройства входящих в состав Империи прибалтийских стран — вопрос не международный, а внутренний : он не может быть решен иначе, как с уче-

том того, чего желает их население, — но только не каким либо законодательным актом американского Конгресса и даже не решением какого либо, более или менее случайно сложившегося, большинства голосов Объединенных Наций; это не в их компетенции, так как на территории Всероссийской Империи разрешение всяких вопросов, мирное и с необходимостью отвечающее народным стремлениям, по праву принадлежит Всероссийской Императорской власти. И для общего мира на нашей планете так будет намного вернее.

Так устанавливается правовая основа, которая легко может быть понята всеми, во всем мире. В противовес бесправию диктатур, для мирного обладания и для основанного на нем мирного развития существует только два источника: историческое преемство и народная воля. Последняя — демократический принцип — выдвинута на первый план в большей части современного свободного мира. Но дело в том, что оба источника не исключают, а дополняют друг друга. Основу в настоящем смысле демократическую, как мы уже говорили, всегда имели все монархии, заслуживающие этого имени. И даже формально-демократический строй в настоящее время нигде не действует так успешно, как в странах, сохранивших монархическое возглавление. Тому новейший пример — совершенно изумительный прогресс в проигравшей войну Японии, где сохранение монархии было оговорено как единственное условие при «безоговорочной капитуляции». Притом это единственное условие, ни в малейшей мере не помешавшее каким бы то ни было реформам, позволило Японии остаться самою собой и не превратиться в простую копию Соединенных Штатов, второсортную, как всякая копия. По этому поводу тоже следует еще сказать несколько слов.

Не кто иной как Михайло Михайлов, тот самый югославский профессор русского происхождения, который за свои выступления против советского тоталитаризма поплатился в Югославии тюрьмой, писал не так давно, что полное слияние американской и советской «систем» было бы бедствием для всего человечества, потому что оно вело бы к уничтожению всякого разнообразия во всем цивилизованном мире, а значит и всякой возможности выбора и, тем самым, к угашению свободы. К этому надо добавить и практическую невозможность наделить всё пространство нынешнего СССР точно такими же «структурами», как американские: технократия сама по себе никакой нравственной объединяющей силой не обладает, ее назначение — узко утилитарное и только; поэтому если у нас по устранении партийной диктатуры не восстановить монархического стержня, то результатом будет не столь-

ко « Новая Америка », о какой мечтал еще Блок, сколько ряд разрозненных привесков американского гиганта, способных копировать его главным образом по внешности. И от этого механическое — а потому и мало жизненное — приведение мира к единому американскому образцу стало бы еще более разительным.

Монархический облик Всероссийской Империи, обусловленный ее особым историческим прошлым, должен и в будущем обеспечить ее своеобразие, не давая ей попросту раствориться в какой-то мировой технократии. Пусть тогда технические « структуры » сближаются, как угодно, в естественном порядке общемирового прогресса: существенное различие будет сохраняться тем не менее. И отбросив всякие нарочитые « соревнования », какие бывают нужны Сталину, Хрущеву или Брежневу, но не монархии, — еще вопрос, где, при каких условиях, « структуры » в конечном итоге окажутся более совершенными и более заслуживающими подражания, в Америке или у нас.

Во всяком случае, наличие по крайней мере двух мировых « сверх-держав », друг с другом сотрудничающих, но одна от другой отличающихся, создаст в мире равновесие гораздо более прочное, чем абсолютное единообразие, вряд ли совместимое с человеческим естеством и потому чреватое возможностью новых катастрофических взрывов.

Все это достаточно ясно и просто, чтоб быть понятным всем людям доброй воли во всем мире и вызвать то именно, без чего человечество теперь остается всё время на краю катастрофы: доверие. И это тем более, что всероссийская монархия имеет возможность доказать исторически свою миротворческую суть.

Верно, что в окружающем мире, не без решающего содействия нашей собственной радикальной интеллигенции, распространено совершенно искаженное представление о всероссийской монархии. Верно, что это искаженное представление поддерживала, как могла, советская пропаганда, крича о « проклятом прошлом », чтобы поражать достижениями коммунизма, будто бы осуществленными чуть ли не на голом поле. Однако, на самих всероссийских просторах, несмотря на тоталитарный партийный охват, правда об историческом прошлом сознается всё более ясно. И в конце концов, доказать правду всётаки легче, чем распространять и поддерживать ложь. В плоскости же международной, которая нас здесь сейчас занимает, правда то, о чем с наибольшею силой, в перерыве между первой и второй мировыми войнами, писал знаменитый итальянский историк-антифашист Гульельмо Фер-

перо : сто лет почти непрерывного мира, которым культурное человечество пользовалось в XIX веке и в начале XX-го, были главным образом плодом неустанных, с « мистическим упорством » проводившихся усилий Всероссийской Императорской Власти, — настолько, что Ферреро заключал :

Прочного мира на земле теперь нет не оттого даже, что в России засела коммунистическая диктатура, а оттого, что нет Всероссийской Императорской Власти.

Это, конечно, не значит, что российская внешняя политика не делала ошибок, — разумеется, делала. И факт тот, что « мистическое упорство » Всероссийских Императоров в их миротворческой деятельности не предотвратило катастрофы. Но сто лет почти непрерывного мира всётаки были. И без такого « мистического упорства » прочному миру вообще не бывать. На ошибках же учатся — когда есть упорная воля к добру.

Наконец, упорная воля к миру — необходимое условие для его поддержания, но абсолютной гарантии от войны она тоже не может дать. Отвлеченного, безоговорочного пацифизма мы здесь и не проповедуем. Что бы там ни говорили, бывают случаи, когда вести войну становится нравственным долгом, во избежание еще худшего зла, о чем всероссийская монархия тоже всегда знала. И может статься, что войны в Азии нам всё равно не избежать. Если надо будет воевать для отпора китайскому коммунизму, сумевшему по совершенной бесчеловечности превзойти даже самые ужасные советские образцы, — Россия будет воевать. Но всё же, опасность нападения со стороны Китая меньше угрожала бы сильной и дружелюбной ко всем миролюбивым странам Всероссийской Империи. Можно надеяться, что при таком обороте дел китайский коммунизм не решится итти на пролом и в результате в свою очередь провалится в бездну. Если же нет, то и в этой войне — в случае ее неизбежности — необходимое единение всего культурного мира, неосуществимое для СССР, осуществимо для Всероссийской Империи. Оно станет тогда необходимым тем более, — с тем, чтобы потом, в мире, наконец, избавленном от всех изуверских диктатур, Всероссийская Императорская Власть, с « мистическим упорством », в ней самой заложенном, могла продолжать свое миротворческое призвание.

Кн. С. Оболенский

Наши представители за-границей:

АВСТРИЯ : Frau Kira Wolff, Bartensteingasse 8, Wien I.

АРГЕНТИНА : Mme V. Knircha, Villa Balester, Jose Hernandez 149 dep.
2, Prov. Buenos-Aires.

БЕЛЬГИЯ : « La Sentinelle », Belgique. Boite postale 31. Ixelles-4 (Compte postal 3925.03).

ГОЛЛАНДИЯ : N. V. Martinus Nijhoff-Librairie. B. P. 269, 9, Lange Voorhout. La Haye. Pays-Bas.

ЗАП. ГЕРМАНИЯ : Dipl.-Ing. N. Alimov. München 22. Liebigstrasse 16/II.

США : « Slavonic Bazaar », 31 Middle Street, Bridgeport, Conn. — 06603,
Mrs. M. S. Kingston. Russian Book Store « Russ », 443, Balboa Street.
San-Francisco, 18. Calif. 94118, U.S.A.

ВЕНЕЦУЭЛА : Mme G. Balitzky Sur 5, № 88. Caracas.

БРАЗИЛИЯ : Mr. L. Rubanov. Livraria « KNIGA ». Rua Quintino Bocaiuva,
22 - 2.º - S/8 — Caixa Postal 8405. Sao-Paulo.

АВСТРАЛИЯ : « Unification », 497 Collins St., Melbourne, C. I., Australie.

« РУССКАЯ МЫСЛЬ »

« LA PENSÉE RUSSE »

Главный Редактор : Зинаида ШАХОВСКАЯ

« Русская Мысль » — самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 12-ти страницах большого формата и предлагает своим читателям широкий обзор международных событий, статьи о вопросах религии и философии, о науке, литературе и искусстве, интересные архивные материалы, документы о жизни в СССР.

Все, кто интересуется русским вопросом, читают
« Русскую Мысль »

Адрес РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ :

LA « PENSÉE RUSSE », 91, rue du Faubourg-Saint-Denis, Paris 10^e
Tél. : 824-83-16 C.C.P. 5883-44 Paris

Прием по делам редакции и конторы ежедневно от 10
до 18 ч., кроме суббот и воскресений.

В экстренных случаях звонить в типографию: 636-01-29

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА : на 3 мес. — 22,50 фр.

на 6 мес. — 42,00 фр.

на год — 84,00 фр.

ДЛЯ ЗАГРАНИЦЫ : на 3 мес. — 27,00 фр.

: на 6 мес. — 52,25 фр.

: на год — 104,50 фр.

Цена отдельного № 2,00 фр.

ПОДПИСКА НА
НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

принимается временно по адресу :

М. Serge Obolensky,
Chemin de la Côte-du-Moulin, L'Etang-la-Ville, 78 — France
C.C.P. 21148 15 — Paris.

Почтовые переводы должны быть выписаны
обязательно на имя М. Serge Obolensky с пометкой
« для **Возрождения** ».

Спрашивайте « Возрождение » во всех русских книжных
магазинах

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Во Франции :

на 12 номеров 80 фр.
на 6 номеров 45 фр.

Заграницей :

на 12 номеров 21 долл., или 8 фунтов ст. 8 шилл., или 80 НМ.
на 6 номеров 12 долл., или 4 фунта ст. 16 шилл., или 45 НМ.

Цена отдельного номера :

Во Франции : 8 франков.

Заграницей : 2,50 долл., или 1 фунт ст., или 9 НМ.

Не забудьте возобновлять Вашу подписку своевременно : от
регулярного поступления средств зависит успех нашего
издания.